

Роман Буржиков

лишь
одна
звезда

Роман Суржиков
Лишь одна звезда
Серия «Полари (сборники)», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74052212

Лишь одна звезда:

Аннотация

Первая часть второго романа о мире Полари. Грядут большие перемены. Опираясь на силу Предметов, император устанавливает диктатуру. Несколько земель поднимают восстание против тирании. Мятеж возглавляет герцог Эрвин – умный, но неопытный и полный сомнений. Мира заживо похоронена в пещерном монастыре с призрачною надеждой на спасение. Джоакин поставил слишком высокую цель и пытается сорвать Звезду с неба. А Ворон Короны расследует заурядное убийство, которое грозит оглушительными последствиями...

Содержание

Плакса	4
Душа Запада	39
Лишь одна Звезда	82
Перо	82
Меч	134
Стрела	167
Перо	197
Меч	242
Перо	268
Стрела	310
Меч	342
Перо	379
Стрела	408
Конец ознакомительного фрагмента.	430

Роман Суржиков

Лишь одна звезда

Плакса

*Август 1774 г. от Сошествия
Запад герцогства Альмера*

Новенькую поставили в пару с Плаксой. Очень разумно: никто другой не захотел бы стать плаксиной напарницей. Всякая попыталась бы откупиться от подобного соседства, отдала бы старшим сестрам половину свечи или ломоть сыра. А новенькая прибыла лишь третьего дня, никого не знала, да и свечного огарка у нее не имелось, что уж говорить о куске сыра.

Сестра Джен привела новенькую прямо в тупик, где работала Плакса. Сестра Джен несла кувшин масла – предмет столь великой ценности, что Плакса сперва глянула на него, а лишь потом – на вновь прибывшую. Монашка подлила масла в лампадки, что висели на гвоздях, вбитых в опорные бревна. Огоньки затеплились ярче, выплюнули несколько искр. Сестра Джен указала правой рукой на новенькую, а левой, с кувшином, – на Плаксу: знакомьтесь, мол. Слов монашка не тратила.

– Меня зовут Нора, – сказала Плакса.

Тут же мысленно обругала себя: как глупо! Выбросила три слова, хотя могла обойтись одним! Вот новенькая именно так и поступила.

– Мия, – сказала она, склонив голову.

Плакса не помнила, чтобы кто-нибудь ей кланялся. Чуждая эта Мия.

Сестра Джен молча показала новенькой инструменты, дала лопатку, ткнула пальцем во влажную глинистую стену, замыкающую тупик: копай здесь. Мия кивнула. Сестра Джен показала также пару деревянных ведер. Новенькая должна была поочередно наполнять их землей, а Плакса – выносить полные ведра к вагонетке. Плакса от возмущения взмахнула руками: почему я?! Носить ведра труднее, чем копать, да и противно: приходится идти через темные – глаз выколи – коридоры. Пускай худшую работу делает Мия, она же новенькая! Но Мия как раз повернулась, лампадка осветила ее лицо, и Плакса получила ответ. Впалые щеки, черные тени под глазами, восковая кожа, костляво торчащие скулы. Мия была еле жива. Какое там ведро!.. Просто стоять на ногах – для нее уже подвиг.

Убедившись, что девушки поняли задачу, сестра Джен удалилась. Новенькая размахнулась и вогнала лопатку в стену. Лезвие углубилось на каких-то полдюйма, выковырнуло крохотный комок грунта – размером с девичью ладошку. Мия бросила в ведро эту горсточку, оглянулась, посмотре-

ла вдоль коридора, что тянулся в тусклом отсвете огоньков. Мысли новенькой угадать было несложно: сколько же месяцев ушло на этот проход? А сколько десятилетий – на весь нижний круг с часовнями, трапезной, кельями, подъемными шахтами, погребальными камерами?.. Горсточка за горсточкой, ведро за ведром... Подумать страшно. Судя по виду новенькой, ей оставалось жить меньше недели. Так что ее вкладом станут несколько дюймов коридора. Если очень повезет, целый фут. Мия не то усмехнулась, не то оскалилась, и вновь вогнала лопатку. Плакса перевернула пустое ведро, уселась верхом и принялась смотреть, как новенькая ковыряет стену. Хворая, – думала Плакса со злобной завистью, – ну надо же!

Вообще-то, Плакса слыла кромешной дурой, и не без причин. Никогда не умела понять своей выгоды, заметить светлую сторону, во всем видела лишь повод для жалоб. Взять хотя бы эту Мию. Да, хворая и слабая, с трудной работой не справится, причинит неудобства. Но зато она – новенькая! Значит, еще недавно была наверху! Наверху – там, где солнце светит! У нее же, тьма сожри, кучу новостей можно выведать! Что там творится? Засуха или наводнение? Война или мор, или голод? Может быть, впору радоваться, что все мы – здесь, куда ни одна беда не доберется? Такую весть непременно нужно выяснить и всем передать! Одно это принесло бы рассказчице любовь и восхищение на целую неделю!

Или, допустим, наверху – жаркое лето, изобилие, сочные запахи вишневого цвета и влажной листвы после дождя... Там – парни, загорелые, как щепки, поджарые и крепкие от работы в полях... Где-то в мире до сих пор есть мужчины! О таком даже услышать радостно! А вдруг – мало ли – случилась чья-нибудь свадьба, и эта Мия ее видела. Да повстречать девушку, что неделей раньше была на свадьбе – почти все равно, что своими глазами увидеть праздник! Наконец, сама новенькая – кто она? Ведь может оказаться кем угодно! Скажем, пленной дикаркой с Запада: ее не продали в бордель – очень уж чахлая, а убить – пожалели. Или, допустим, девчонка баловалась ворожбой и сглазила сельского старейшину так, что у того неделю не проходила икота. А может быть, она – незаконная дочь пастора, или даже какого-нибудь богатея. Были у купчины два сынка и дочка-бастард. Помер купчина, и сыновья, чтобы лишней мороки не вышло, спланировали девчонку в пещеры. Наконец, – ведь всякое бывает! – возможно и то, что Мия пришла сама, по доброй своей воле! Разве не чудесно, не потрясающе было бы узнать такое?! А то, что новенькая вот-вот испустит дух, – лишний повод вызнаться все поскорее. Может быть, даже плюнуть на запрет, расспросить по полной. Посидишь денек в темени, повоешь от голода – зато сколько диковинок узнаешь!

Но Плакса думала лишь свое – мрачное, злое. Хворая, – думала Плакса. Вот же повезло! Ее теперь всякий пожалеет. Сестра Джен дала не ведро, а лопатку. За обедом, глядишь,

отмерят Мие лишний кусок хлеба или половинку яйца. Бедняжке нужно кушать... Ишь!.. А еще – при этой мысли Плакса задохнулась от горечи – Мия сможет выпросить лишнюю свечу. Скажет: «Страшно умирать в темноте», – сестра Джен сжалится и даст. Целую, черт возьми, свечу! Мия сможет всю ночь провести при свете! Или сжечь половину, а на вторую выменять что-нибудь – скажем, яблоко или лохань теплой воды! Хворая она, видите ли... сука!

Мия работала медленно. Чтобы вонзить лопатку поглубже, наваливалась всем телом. Когда выворачивала комок глины, шаталась, едва не валилась с ног. По вискам ее, несмотря на прохладу, скатывались капельки пота. Если бы Плакса не буравила ее неотрывным взглядом, Мия, чего доброго, села бы передохнуть. Чтобы наполнить ведро, ушел целый час... хотя под землею и сложно угадать время, но лампадки успели слегка потускнеть. Плакса подалась к вагонетке. Там, где коридор выходит на сквозное кольцо нижнего яруса, имеются три земляные ступени, отороченные дощечками. Девушка отчего-то решила, что их две. Споткнулась о третью, пребольно ударилась коленом, едва не опрокинула ведро глины. Хворая тварь, – подумала Плакса.

Зависть поселилась в ней так прочно, что за весь рабочий день, до самого обеда, Плакса не проронила ни слезинки. Собственные печали померкли на время, затененные досадой: почему новенькая захворала, а не я?! Разве мало мне досталось горя? За что, ну за что на мою голову еще и это?

Долю утешения дарила надежда: Мие, видать, совсем худо... авось, не доживет до вечера, тогда дадут в напарницы другую – не хворую. Новенькая не оправдала расчета. По крайней мере, не сегодня. Когда сестра Джен явилась проверить сделанное, Мия утирала пот рукавом, размазывая глину по лицу.

– Мало, – хмыкнула монашка.

– Она, – Плакса ткнула пальцем в виновницу.

– Помогла бы, – сестра Джен коснулась носком второй лопатки.

Плакса сцепила зубы, чтобы не выпалить лишнего. Еще и помогать ей! Конечно!..

Монашка укоризненно качнула головой. Помедлила, прикидывая: не наказать ли Плаксу?.. Но никого и никогда не наказывали за соблюдение порядка, а порядок известен: одна копает, вторая выносит. Сестра Джен махнула рукой: на сегодня хватит. Обед.

* * *

Трапеза ограждена молитвами с двух сторон – как заборами. Перед обедом приоресса Виргиния, наделенная голосом, просит Праматерь Ульяну проявить щедрость и послать сестрам холодный свет. Холодный свет – это мудрость, спокойное блаженство, тихая радость, надежда и умиротворение. Он – лучшее, что создали боги. Он – спасение души. Не горя-

чее пламя, которое возбуждает страсти, рождает боль и смятение, терзает душу вожелениями. И не холодная тьма, что замораживает мысли и чувства, приносит отчаяние и страх. Холодный свет соединяет в себе самое прекрасное, что только есть в подлунном мире и на Звезде. Ульяна Печальная – властительница холодного света – готова даровать его людям! Стоит лишь попросить.

Нора всегда слушает молитвы внимательно и благоговейно. Когда позволяет священным словам войти прямо в сердце, ей неизменно делается легче. Приоресса говорит так ладно, так спокойно и с чувством, что Норе становится тепло. Кажется, сама Праматерь Ульяна гладит девушку по спине – так делала мама когда-то, очень давно. Нору переполняет щемящая нежность, хочется плакать.

Справа от нее новенькая Мия смотрит на еду голодными глазами шакала. При смерти или нет, но аппетита еще не утратила: то и дело сглатывает слюну, не может дождаться конца молитвы. Нора чувствует к ней омерзение. Будь в запасе слова, попросила бы Мию глотать потише, не портить благостную минуту.

Слева – Судейша Синди. Уверенная в себе девушка и, можно сказать, красивая. Синди – четвертая дочь младшего судьи города Клерми. Судья – не первородный, но за верную службу ему обещано пожалованье чина. Рано или поздно отец Синди делается дворянином, возможно, уже сделался – ведь Синди здесь два года, всякое могло случить-

ся. Послушницы уважают ее. Все верят, что Судейша станет старшей сестрой: учетчицей или книжницей, или даже управительницей хозяйства. Обретет голос и право выходить на свет... Синди слушает молитву невнимательно: поигрывает пальцами, сложенными перед грудью. Она знает наизусть все молитвы и верит, что прочла бы их куда лучше сестры Виргинии.

– С благодарностью и покоем в сердцах, приступим к трапезе, – говорит приоресса.

Мия жадно набрасывается на кашу. Нора косится на нее с презрением, Синди – с любопытством. Мия опустошает миску за три минуты. Придвигает ломтик сыра – традиционное вечернее лакомство. Смотрит на него с грустью: сейчас доест – и ничего не останется. Аж до утра.

– Возьми, – говорит сестра Джен и подает новенькой кусок хлеба с маслом.

– Благодарю вас, – с вежливым поклоном Мия берет.

Ну вот, так и знала! Чертова тьма!.. Нора кривится от досады. Зачем ей хлеб? Она же умирает, неужели не видите?! Отдать ей – все равно, что выбросить!..

Обед окончен, четверо послушниц должны убрать и вымыть посуду. Затем будет вечерняя молитва. Синди и Нору назначают дежурить вне очереди. Судейша пострадала за невнимание, а Нора?.. Неужели за то, что не помогла этой чахоточной?..

Нора елозит тряпкой в огромной лохани воды, Синди тас-

кает сложенные стопками миски.

– Хворая?.. – спрашивает Судейша.

Ясно, речь о новенькой, а не о Плаксе. Нора кивает.

– Умрет?

– Скоро.

– Расспросила?

Нора мотает головой и показывает растопыренную пятерню. Слова кончились, какие тут вопросы?

– Завтра, – требует Судейша. – Расспроси.

На вечернюю молитву девушки сходятся в часовню нижнего круга. Едва Нора становится на колени перед алтарем, умиротворение окутывает ее.

– Ульяна Печальная, сестрица смерти, подари мне утешение. Утоли боль тела и страданье души. Погаси печаль и скорбь, терзание голода, смятение выбора, остроту нерешенных вопросов, горечь утрат, мученье безответных чувств. Все то, что гнет нас к земле, пусть упадет в землю, а душа, свободная от тягот, да воспарит ввысь. Ульяна Печальная, сестрица смерти, возьми меня за руку и подари утешение.

Зависть и досада гаснут в сердце Плаксы. Блаженство переполняет ее. Она горько жалеет лишь о том, что не владеет голосом: иначе каждое слово молитвы повторила бы за приорессой с огромным и подлинным чувством.

Звучат последние строки. Девушки бьют поклоны, поднимаются на ноги, чтобы разойтись по кельям.

– Красиво, – говорит Мия.

Нора глядит на нее с удивлением, а новенькая указывает глазами в потолок. Свод часовни вырезан из молочного мрамора, шестнадцать лампад подсвечивают его, и кажется, что благородный камень мерцает изнутри, переливаясь теплым, золотистым сиянием. Нора кривится. Да, красиво. Но кто станет говорить о красоте места, когда душа полна блаженства молитвы?! Лишь поверхностный, пустой человек! Нора уходит в келью, не удостоив Мию ни слова, ни жеста.

* * *

Первые две недели плачут все. Даже самые крепкие, даже те, кто пришел добровольно. Слишком тяжела утрата: вместо солнца – фитильки в лампадках, вместо всех звуков мира – скупые молитвы. Но половины месяца достаточно, чтобы сжиться, стерпеться. Обостряются зрение, слух, обоняние. Свечи, тлеющей за углом в десятке ярдов, становится достаточно, чтобы рассмотреть дорогу. Слово, оброненное на другом краю круга, долетает эхом и снимает тяжесть одиночества. Запах девушки, прошедшей коридором, остается висеть шлейфом. Можно угадать, кто здесь прошел и в каком самочувствии.

Спустя месяц появляются и цели, существование приобретает смысл. Старшие сестры живут в верхнем круге, там есть отдушины в потолке, впускающие солнечные лучи и

дождевую воду. Старшие сестры проводят в церкви поминальные службы, а значит, видят прихожан! Они могут даже выйти на церковное подворье! А чиновницы монастыря – приоресса и ее помощницы – и вовсе выезжают в свет, чтобы встречаться со святыми матерями или закупать товары для монастыря. Куда бы ни пошли, их всюду окружает благоговение и уважение: шутка ли – служительницы самой смерти! А уж мать-настоятельница – ее величие и власть сравнимы с мелкими лордами! Монастырю – стало быть, настоятельнице, – принадлежат полдюжины деревень со всеми доходами. Словом, здесь есть к чему стремиться, и только дура будет тратить силы на слезы.

Нора рыдала каждый день и каждую ночь на протяжении шести недель. Ее сочли дурой, бессильной овцой, окрестили Плаксой. Она сделалась отрадой, отдушиной для послушниц: ведь каждая превосходила Нору характером. У каждой был смысл и цель, а Нора только и знала, что реветь без умолку.

Однако все ошибались. У Плаксы тоже имелась мечта. Причем до того величаявая и заманчивая, что одна мысль о ней уже согревала сердце. Плакса впервые подумала об этом при вечерней молитве, на сорок пятый день в пещерах. Приоресса Виргиния читала нараспев благостным своим голосом: *«Ульяна Печальная, сестрица смерти, подари мне утешение... Утоли страданье души... мученье безответных чувств...»* Точно так же читала, как прошлые сорок четыре

вечера. Но на сей раз Плаксу озарило – будто Звезда засияла в голове. С того дня она плакала редко, куда больше – думала. Думать было внове, прежде нечасто доводилось. Потому каждый вариант Плакса обмозговывала подолгу, иногда целую неделю. Времени она не жалела, главное – не допустить ошибки.

Есть лопатка. Не так уж остра, но можно сломать – дадут новую, она будет получше. Замахнуться, как следует, полоснуть... Плаксу коробило при этой мысли. Не верилось, что выйдет. Дрогнет рука. Как-то, оставшись одна, попыталась рассечь лопаткой ладонь. Ударила трижды – кровь так и не выступила. Не хватило воли.

Обеденный стол. Ведь там есть ножи? Нет, одни деревянные ложки. Но если попроситься на кухню... Глупо: послушниц нижнего круга не пускают в кухню, чтобы не стащили чего-нибудь. Пока не станешь сестрой, в кухню не попадешь. А это два-три года, не вытерпеть.

Методично, с крестьянской обстоятельностью Плакса перебирала способы. Падение с высоты? Нет здесь никаких ям, кроме отхожего места. Вода? Вода есть – в цистерне с дождевым стоком, но глубина – фута полтора. Огонь? Вот уж глупость! Все, что может гореть, в пещерах дороже серебра. Камень?.. Но где найдешь подходящий?

Вот о камне она и думала в тот день, когда в пещерах появилась новенькая.

А днем спустя Плаксу посетила другая мысль – воистину,

роскошная! Она схватила напарницу за локоть, повернула к себе, провела пальцем по черным кругам под глазами и спросила с надеждой:

– Мор?

Мия покачала головой. Нора не поверила. Всякому видно, что Мия одной ногой на Звезде! А ран на ней нет, значит – мор! Какая еще болезнь убивает так, чтобы насмерть? Только мор!

– Мор!.. – настойчиво повторила Плакса.

Мия снова отрицательно кивнула. И, поняв, что Нора так просто не отцепится, сказала слово:

– Яд.

Плакса так и подпрыгнула:

– Где взяла?!

Мия глядела непонимающе, хлопала глазами.

– Где?! – прошипела Плакса свое последнее слово. Пусть только попробует не ответить!

– Подсыпали в кофе, – сказала Мия.

Плакса уселась на ведро и закрыла глаза, пытаясь осознать. Ответ в голове не укладывался. Кофе стоит две агатки за чашечку – дороже лучшего вина! Никто не пьет кофе! Только южные богатеи в сказках, да еще, может быть, лорды. Но и те – вряд ли. Нужно быть полным дураком, чтобы выбросить две серебряных монеты за три наперстка пойла! Значит, врет новенькая.

Подсыпали яд? И это врет, как пить дать! Будь у человека

яд, стал бы он его тратить на дурную замороженную пигалицу? Да еще такую, которой предназначено под землю?! Схоронят ее в пещерах – вовек не вылезет. Кто-то, может, и дослужится до приорессы, но не эта дура, нет! Зачем же переводить отраву? Снова ложь!

Нора обиделась. Мие и так повезло: со дня на день улетит на Звезду без малейших усилий! Могла бы быть снисходительной, раз так. Но нет: врет, насмехается. Тварь поганая!

Ближе к обеду Мия хлопнулась в обморок. Закатила глаза и повалилась на пол, как мешок. Нора поразмыслила. Позвать бы сестру Джен... но кончились слова. Просто смотреть, как эта валяется – глупо: ведь потом накажут за недостаток стараний. А копать вместо нее неохота. Нора присела возле новенькой. Любопытно, как передается мор? Кто-то говорит: с дыханием; кто-то: со взглядом; кто-то: со словами. А еще люди говорят...

Нора сладко поцеловала умирающую в губы. Вот странность: вся изможденная, а губы – горячие и пухлые. Неуверенная, что поцелуя будет довольно, Нора пальцами приподняла веки новенькой и внимательно поглядела в глаза. Придвинувшись к носу, несколько раз втянула ее дыхание. Теперь должно хватить!

– Где я?.. – простонала новенькая, приходя в себя.

Нора развела руками: сама думай, у меня слова кончились.

– Я лишилась чувств?.. Боги... Это от духоты...

Спросонья Мия позабыла, что к чему, и ляпнула целых семь лишних слов. Позже, увидев приорессу Виргинию, Нора кивнула в сторону новенькой и показала пять пальцев, а затем – еще семь. Старшая сестра все поняла. Нора получила кусок ветчины, а Мия лишилась обеда. Осталась на всю ночь наедине с волчьим своим аппетитом. Нора с удовольствием воображала, как новенькая мечется по келье, жует деревянные щепки или рукав балахона, чтобы заглушить голод. Будешь думать, прежде чем врать мне!

Кельи напарниц сообщались отдушиной в стене. Для чего это сделано? Видимо, для испытания воли: надумаешь поболтать сквозь дырку – голос далеко разнесется, услышит кто-то из старших сестер, и тебе несдобровать. Так что хоть и есть отдушина, а чесать языком не надейся. Синди Судейша говорит, когда-то послушницы жили в кельях по двое. Была среди них парочка: додумались коротать ночи, ублажая друг друга. И так дурочки увлеклись этим делом, что начали издавать звуки. Услышала сама приоресса Виргиния. С тех пор кельи сделались одиночными, от былых вольностей осталась лишь отдушина в стене.

Нора сидела у дыры и ловила каждый звук. Страстно хотелось услышать, как соседка зарыдает от голода. Мия бродила по келье, сглатывала слюну, тихо стонала. Потом донеслись глухие удары: возможно, сбивала в кровь костяшки пальцев. Потом хрипло ахнула и утихла. Видать, снова упала в обморок... так и не заплакав, тьма бы ее! Все плачут в первые

недели, отчего она – нет?! Знает, что недолго терпеть осталось, вот и не плачет!..

Тогда Нора горько зарыдала, судорожно глотая воздух. Сколько еще?.. Ну сколько?!

* * *

– Отнесу, – сказала Мия и взяла ведро земли.

Сперва была утренняя молитва – «Благодарность Печальной Ульяне». Новенькая как-то выстояла четверть часа на коленях. Потом – завтрак. Мия проглотила все в мгновение ока, даже не заметила, что и было в миске. Сердобольная сестра Джен дала ей лишнюю краюху. Затем сошли в тупик, приступили к работе. Труд – благодать, он учит старательности и дисциплине, отдаляет человека от зверя и приближает к Прародителям, ибо звери никогда не трудятся, а только утоляют голод. От благодати или от лихорадки у Мии горели глаза. Нора глядела с затаенной надеждой: тебе становится хуже? Если так, то скоро станет и мне!

Мия наполнила ведро и вдруг сама взялась за ручку.

– Отнесу.

– Чего? – поразилась Нора.

– Хочу.

Плакса пожала плечами и указала дорогу: прямо-вверх, направо, налево, снова прямо-вверх.

– Вагонетка, – добавила Нора.

Мия кивнула и ушла. Вернулась неприятно быстро: не заблудилась в дороге и не упала, справилась с тяжестью. Нора встревожилась. Тщательно прислушалась к себе: нет, никаких признаков хвори в теле. Ни ей не хуже, ни новенькой. Скверно. Спросить бы, мол, как себя чувствуешь? Но слова нужно беречь: вечером объясняться с Судейшей.

– Что узнала? – подступила к ней Синди после обеда, как только Мия оказалась в стороне.

– Яд в кофе, – повторила Нора слова новенькой.

Судейша выпучила глаза:

– Кофе?.. Богачка?

Другие девушки, бывшие рядом, добавили свое удивление:

– Южанка?

– Дворянка?

– Леди?

Плакса бросила:

– Лгунья.

Следующим днем Мия по-прежнему была жива и голодна. Глаза блестели. Лопатка при каждом ударе входила в глину не на полдюйма, а на целый дюйм. Нора не выдержала, спросила:

– Лучше?

– Благодарю, – кивнула Мия.

И снова попросилась отнести ведро. Нора не возражала,

ей очень хотелось остаться одной. Когда Мия ушла, Нора села наземь и застонала от досады. Никакого мора. Еще одна надежда прахом. Хотелось плакать, но слезы застряли в горле. Того и гляди, Мия вернется – увидит. Эта сучка еще ни разу не плакала. Я что, хуже?!

Чтобы выровнять дыхание, Нора запрокинула голову. Увидела потолок: вдоль прохода укрепленный досками, а последний ярд у тупика – голая глина. Вскроется еще ярд – нужно будет укрепить, но пока и так держится. В глинистой массе свода темнело что-то... серое, влажное... твердое. Камень. Большой булыжник нависал над тупиком, едва проступая сквозь глину. Нора глядела и глядела на него.

Вернулась Мия, сверкнула глазами, бросила пустое ведро и острием лопатки стала быстро рисовать на глине. Нора привстала от любопытства, посмотрела. Рисунок показывал нечто квадратное, вроде кирпича на колесиках. К торцу кирпича плашмя крепился зубчатый блин, а ниже еще два таких же, но меньше. Именно они, блины, занимали Мию больше всего: новенькая нарисовала их особо крупно и задумчиво рассматривала картинку.

– Вагонетка?.. – догадалась Нора, хотя и не поняла, за какой тьмой понадобилось рисовать на стене вагонетку.

– Шестерня... – рассеянно обронила Мия.

Вот теперь стало вовсе непонятно. Что такое «шестерня»?.. Шестерка лошадок? Но вагонетку тянут не лошади, а веревка. Может, шестерней зовется вот этот зубчатый блин?

Теперь Нора припомнила, что действительно видела такие на стенках вагонеток. Но зачем они нужны и почему так забирают Мию? Видать, хворь не очень-то пошла на убыль! От лихорадки случилось помутнение головы... Странное дело: Нора ощутила жалость к новенькой. Не настолько, впрочем, сильную, чтобы хоть как-то ее выразить.

Мия стерла рисунок и принялась копать.

– Мысль человека, что истинно верует, подобна лучу холодного света. Там, куда направляется она, исчезает мрак, полный страхов и сомнений. В луче холодной и спокойной веры ясно видится желанная цель и дорога к ней. Глаз верующего легко отличает важное от мелкого, великое от суетного, благое от злого и греховного. Ничто не укроется от лучей холодного света, весь мир пред лицом верующего станет прозрачен, как полуденный воздух. Благодарим тебя, Праматерь Ульяна, за эту дивную ясность.

Так звучала утренняя. Иные молитвы: полуденная, предобеденная, вечерняя, полунощная – легко ложились на душу Норе, ибо в них шла речь о смерти. Смерть дарует избавление от любой боли и печали, служит лекарством от самой тяжкой болезни – эту истину Нора не просто понимала, а чувствовала всем телом, каждым дюймоном кожи, каждой волосинкой. Давно уже чувствовала – месяца два.

Но что за холодный свет и дивная ясность, о которых толкует утренняя? Это Плакса осознала лишь сегодня. Она слу-

шала слова приорессы и вспоминала камень, нависший над тупиком. И тут в сердце хлынул тот самый дивный свет. Да, все правильно! Теперь видна желанная цель и дорога. И вера пришла – холодная, спокойная, радостная.

В тупике Нора взяла лопатку, а напарнице подала ведро:
– Хочешь?..

Мия радостно схватилась за трудную работу. Не налюбовалась еще на свои вагонетки с шестернями, ищет повода сходить к ним. Спятила от хвори, несчастная... Нора хорошо понимала весь ужас безумия – ведь сама как раз сегодня увидела свет!

Она принялась копать. Лопатка вонзалась в стену, красноватая глина летела в ведра, капельки влаги сочились на пол. Проход рос дюйм за дюймом. На первый взгляд, никакого подвоха, обычная работа. Однако Нора копала хитро: сильно углубляла центр прохода, а по краям оставляла нетронутыми земляные стены. На них, как на сваи, опирался крупный камень. Он был едва заметен в потолке, однако Нора чувствовала его вес. Ощущала, как он давит на проход, как ждет мига, когда она сроем подпорки и даст камню волю.

Напарницы почти не замечали друг друга. Нора вкапывалась все глубже под камень и мало о чем думала, кроме него. Мия бегала с ведрами, и, возвращаясь, шевелила губами, будто беседовала сама с собою. Если что и отвлекало ее от наваждения, так это голод. Еще за час до обеда Мия становилась нервной, не находила себе места, рыскала по кори-

дору, как зверь в клетке.

– Отчего такая голодная? – спросила как-то Нора.

– Месяц почти не ела.

– Почему?

– Из-за яда.

Снова Мия за свое!.. Но теперь Нору окрыляла цель. Вместо былой злости пришло снисхождение. Может, Мия и не врёт про яд. Про кофе, ясно, ложь. Но отравка – пожалуй, правда. Никто ей, конечно, ничего не подсыпал. Сама перепутала и наелась крысиного яда. С нее станется – дурочка же... А теперь стыдится сказать честно, как все было. Эх, бедолага.

Нора ощутила себя неизмеримо выше, сильнее, мудрее новенькой. Это новое чувство было настолько приятным, что за обедом Плакса подсунула Мие кусок сыра. Потом смотрела, как Мия жадно жуёт, и все внутри пело от превосходства. Так, наверное, чувствуют лорды, когда бросают беднякам монетки! Прекрасное ощущение!

* * *

На утро от вспышки радости не осталось и следа. Нора выбрасывала горсти земли из-под камня и думала: а ведь скоро меня не станет. Дня три еще, от силы – четыре. Смерть очищает душу, убирает боль... Ульяна Печальная за руку отведет на Звезду, где царит покой и холодный свет... Но все же

тоскливо: я уйду – никто не заметит. Никому не будет дела. Никто даже пяти слов не скажет, обойдутся двумя: «Кончилась Плакса». Горько.

Ей остро захотелось такого, чего хотеть не полагается: чтобы заметили, чтобы слышали, поняли. Чтобы потом, когда она уйдет, пролили по ней слезы. Чтобы не она плакала, а о ней. Не было с нею подобного, никогда в жизни. Никто ни слезинки...

Она смотрела на Мию. Новенькая шла на поправку, в ней чувствовалась теперь некая странная сила. Не та, что от мускулов, – какие там мускулы в изможденном тельце. Но другая: изнутри, из глубины. Эта не станет лить слезы, – думала Нора, – не по мне. К тоске прибавлялась злость.

Она взяла напарницу за плечи, тоном упрека спросила:

– Почему не плачешь?

– Плачу, – ответила Мия, – тихо.

Неожиданно для себя Нора выпалила:

– Он такой сильный!..

Запнулась о пятое слово, зажала рот рукой.

Следующим днем Нора сказала:

– Носил, как пушинку. Говорил: крошечка.

А Мия будто не слышала. Похлопала ресницами и спросила:

– Что мы строим?

Нора недоуменно развела руками: откуда мне знать? В нижнем круге есть уже две часовни, трапезная, кухня, во-

дяная цистерна, отхожие места, тоннель для вагонеток, несколько дюжин келий... Вроде, все есть. Может, новые кельи будут. Может, еще часовенка. Откуда мне знать? Лучше бы слушала, что я рассказываю!

Нора сдержалась, чтобы не стукнуть бездушную напарницу. Но позволила себе мелкую месть: несколько лопаток глины «случайно» бросила не в ведро, а на ноги Мие.

Будущим днем Нора сказала:

– Его зовут Джерри. Мой Джерри.

Она ждала, что Мия ответит, хотя бы кивнет с сочувствием. Но Мия заговорила лишь назавтра. И не ответила, а спросила сама:

– Когда вывозят вагонетки?

Как можно быть такой!.. Что ей за дело до вагонеток?! Нора мстительно промолчала. Решила: если найдется лучшее применение сегодняшним словам – потрачу и не отвечу. Но слова остались, и перед сном она дала ответ:

– Когда заполнятся. Во время обеда.

Мия уснула, а Плакса тоскливо глядела на фитилек свечи. Осталось совсем мало. Погаснет – никто и не вспомнит, что он был на свете. Никто не прольет и слезинки. Я – свеча?.. Огарок?..

– Расскажи о Джерри, – попросила Мия следующим днем.

Нора помедлила, сомневаясь: не насмешка ли это? Однако Мия никогда ни над кем не смеялась. Даже улыбка ни ра-

зу не мелькала на лице.

– Он сильный и ласковый. Как тигр.

– Благодарю, – сказала Мия.

А назавтра снова спросила:

– Еще расскажи.

– Зеленые глаза. Смотрят прямо в душу.

А назавтра Плакса сама сказала, без просьб:

– Так весело пел! Я хохотала.

Другим днем:

– Целовал меня, даже когда спала.

И другим:

– Звал меня солнышком. Больше никто...

И потом:

– Ради него сбежала из дому.

* * *

В тот день Мия учудила. Утром, увидев сестру Джен, сказала:

– Прошу молитвенник.

– Грамотная? – поразилась монашка.

Мия кивнула. Сестра Джен от любопытства даже не стала ждать вечера, а принесла книгу сразу в тупичок. Сунула девушке, скрестила руки на груди – посмотрю, мол, какая ты грамотная. Мия приподняла брови: читать вслух? Остаться без обеда? Еще чего! Сестра Джен взяла молитвенник, насу-

пилась, глядя в буковки. Она-то читать не умела, но некоторые слова могла угадать. Ткнула пальцем в одно.

– Праматерь, – без труда прочла Мия.

Сестра Джен указала другое слово.

– Смерть.

Третье.

– Свет.

Сестра Джен уважительно качнула головой и отдала книгу Мие. Та сразу унесла ее в келью.

Тут впору и удивиться: экая ученая нашлась! Но Плаксе было не до того. Когда Мия с монашкой ушли, Нора оглядела потолок над последним ярдом коридора. Камень был готов. Аккуратно окопан, подсечен по краям, обведен канавкой. Его вес лежал на двух утолщениях стен. Дважды ударить лопатой там и там – он ринется вниз. Все.

Странное дело: в последние дни Нора думала о Джерри совсем немного. Рассказывала о нем, подбирала слова, чтобы посильнее, пожарче... Но думала мало. Больше – о камне. Еще больше – о своей бесконечной тоске, которая завтра погаснет. А еще больше – о Мие. Напарница так и не поняла! Слушала, кивала. Но не понимала и не чувствовала. Не дрогнула ее странная душа. Завтра, когда случится, она должна заплакать. Иначе будет слишком несправедливо.

Нынче Нора не спешила выпалить пять слов. Берегла их до вечера, продумывала. Лучше всего будет сказать после молитвы – тогда они наверняка тронут душу. Мия не сможет

не понять!..

Новенькая опоздала к трапезе. Не явилась на предобеденную, и, как это всегда делается в подобных случаях, двери трапезной заперли на засов. Кто пропустил молитву, лишается пищи. Нора представила, с каким ужасом вечно голодная Мия глядит снаружи на запертую дверь. Два чувства вступили в борьбу: сострадание и злорадство. Нечего быть такой черствой! Ничто тебя не волнует, кроме голода, – вот и получай! Но сострадание победило. Мия сунула под одежду кусок хлеба и сыра. Ей казалось, никто не заметил.

– Что прячешь? – спросила Синди и распахнула балахон на Плаксе.

– Кормишь свою госпожу? – съязвила Судейша. Другие девушки не упустили повода позлословить:

– Ужин в постель для леди!

– Не забудь кофе, она любит!

– Сладкое, где же сладкое?..

Выносить пищу из трапезной запрещалось. Есть ночью – распутство, чревоугодие. Ночь – для отдыха или размышлений. Хлеб и сыр мигом были отняты, а с ними – и огарки свечей, сохранившиеся в кельях напарниц. Девушкам предстояло провести вечер и ночь в кромешной, гробовой тьме.

– Благодарю, – сказала Мия в отдушину, когда сестра Джен унесла восковые обломки.

– Почему опоздала?

Мия не ответила.

– Джерри... – сказала Нора и запнулась.

Поняла, что растеряла слова. Слишком было темно... и горько. Что, если на Звезде будет так же?

– Он – благородный? – спросила Мия.

– Да, – выдавила Нора.

Да, благородный. И грамотный, как Мия. Читал Норе вслух, водя пальцем по странице... И брал ее на турнир, сажал себе на плечи, чтобы лучше видно... Знакомил со всеми, кого встречал, и каждому говорил: «Моя милая сударыня»...

– Рыцарь?.. Нет, сквайр, – догадалась Мия.

– Да.

Катал на лошади по цветущему полю... Одни цветы во круг, огромный конь – как корабль среди пахучего моря. Рука Джерри на животе Норы, прижимает к себе... Жаркий шепот в ухо: солнышко мое...

– Полюбил другую, а ты стала в тягость?

– Да.

Стала в тягость – вот как это зовется. Когда каждое его слово – через силу, со злостью. Когда глаза пустые – не на тебя, а в землю. Когда сколько ни кричи, ни плачь – не доплачешься. Все будто в каменную стену.

Мия давно исчерпала пять слов, но будто забыла о наказании. Голос шуршал в темноте:

– Ты попыталась удержать. Ласками, мольбами, рыданьями – всем, что имела.

– Да.

Нора даже сказала ему, что не сможет жить. Это не была угроза, она просто знала наперед, что так будет. И оказалась права.

– Это он отправил тебя в пещеры?

– Да...

Хрипло так, едва слышно. Нора повторила:

– Да.

И еще громче, чуть не срываясь в крик:

– Да! Да!..

– Мне очень жаль, – прошептала тьма голосом Мии. – Надеюсь, ты веришь.

* * *

Новенькая подняла ведро и, клонясь набок под грузом, побрела в темень. Нора смотрела вслед. Думала сказать: прощай. Или: помни меня. Или: не держи зла. Но лучше было не говорить ничего. Пусть выйдет случайностью, тогда Мию точно никто не обвинит.

Новенькая скрылась за поворотом, и Нора вошла под камень. Хороший, большой – из таких замки сложены. Точно не будет боли – ни сейчас, ни впредь. Ульяна Печальная, сестрица смерти, возьми меня за руку. Плакса Нора подняла лопатку.

– Не смей!

Мия вернулась слишком быстро: лишь зашла за поворот

– и назад.

– Скажу сестре Джен.

Глупая угроза, однако Нора оцепенела. А вдруг Мия зарвет, и сестра Джен как-то успеет прибежать прежде, чем камень рухнет? Или вдруг старшие сестры уговорят Ульяну, чтобы та не взяла душу Плаксы на Звезду?! Нет, сестра Джен не должна узнать!

– Скажу, – грозно повторила Мия, подходя ближе.

– А я...

Нужно ответить. Сказать такое, чтобы Мия испугалась, отстала. Всякий чего-то боится, чем-то можно ударить. Пошли мне холодный свет, Ульяна. Покажи дорогу. Дай верные слова!

– А я... – и тут свет пришел, – скажу, что ты хочешь сбегать!

Мия дернулась. Стрела попала в цель.

– Я знаю, – прошептала Нора. – Ты не безумная, ты – беглянка. Для того тебе вагонетки. Дай умереть – и никто не узнает.

– Зачем?... – спросила Мия.

Нора вонзила лопатку в стену. И снова. И снова.

Камень шатнулся и двинулся вниз. Слишком медленно! Мия бросилась к Плаксе, рванула на себя всем весом тела... Они упали наземь. Глыба осела, расплющив воздух. Гулкая волна разнеслась коридорами.

– Тварь!.. – прошипела Нора. – Сука!

Вцепилась в шею новенькой... и тут же отпустила, отпрыгнула, когда в проходе зазвучали шаги.

– Святая Ульяна! Что произошло?!

Сестра Джен потемнела от ужаса, увидев глыбу. Мия поднялась, отряхнула с одежды глину.

– Случился обвал. Нора меня спасла.

Следом за Джен пришли другие старшие сестры, потом и приоресса Виргиния. Осмотрели место обвала, велели девушкам убрать землю и расчистить камень. Завтра будут думать, как с ним поступить. И ушли. Никто не собирался помогать виновницам приключения, хорошо еще, что не лишили обеда.

Впрочем, сегодня Нору не волновали наказания. Равнодушие нахлынуло и выморозило все внутри. Даже злости не было, только холод и безразличие. Монотонно, как ослик, таскала ведро за ведром, высыпала в вагонетку. Сталкивалась с Мией, смотрела сквозь, будто ее не было.

– Наверху август, – шепнула Мия.

Когда снова столкнулись, мурлыкнула:

– Яблоки и вишни. Бери – не хочу.

А при новой встрече:

– Сейчас играют свадьбы. Песни поют.

А потом схватила за локоть и поднесла губы к уху:

– Вагонетку не разгружают люди. Она просто переворачивается на шестернях, земля высыпается. Опоздаем к обеду –

запрут двери трапезной. Вагонетки уйдут. Нас хватятся после обеда, мы будем уже далеко.

– Ты меня погубила! – выплюнула Нора. – Другого шанса не будет!

– Отчего же, будет, – очень спокойно произнесла Мия.

Пошла прочь, за новым грузом земли.

Нора догнала, спросила шепотом:

– Ты о чем это, а?

– Идем наверх – получишь выбор. Понравится – будешь жить, а не понравится...

– Что тогда?

Мия пожала плечами:

– Я тебя убью. Я умею.

Прежде, чем Нора придумала ответ, Мия потащила ее за собой.

– Идем.

Проход на подъем, три ступеньки, поворот. Коридор нижнего яруса, освещенный редкими лампадами. Новый поворот. Длинный зал в сумерках. Три вагонетки на рельсах, две полные, третья – почти доверху. От передней тянулись тросы, терялись в щели закрытых ворот.

– Ложись, – приказала Мия.

Нора забралась в вагонетку. Мия достала несколько листов, выданных из молитвенника. Свернула трубочкой, подала Норе:

– Чтобы дышать.

– А ты?..

– Ложись, я сейчас.

Нора взяла в рот конец трубки. Быстрыми движениями Мия стала закапывать напарницу. Глина была влажной, холодной, тяжелой. Когда накрыла лицо, пришел страх. Холодная тьма. Как в могиле. Хорошо, что Мия ляжет рядом. Она не боится ничего, и я с нею не буду бояться. Скорее бы взять за руку...

Голоса странно звучали сквозь трубку – будто говорят не снаружи, а прямо во рту у Норы. Строгий голос:

– Зачем ты здесь?

Голос Мии – ровный, как обычно:

– Устройство вагонетки... интересно.

Пауза. Строгий голос:

– Насмотрелась. Ступай в келью. До утра без света за лишние слова.

– Сестра Виргиния...

– И без обеда. Ступай.

Шаги зашаркали по коридорам, утихли. И тут же возникли другие, приблизились. Влажная тяжесть упала на живот Норе: какая-то послушница опрокинула ведро в вагонетку. Потом еще одна. Страх усилился десятикратно, стал неподъемным, как сырая земля. Лежи, лежи, не шевелись! Заметят тебя здесь – никогда не увидишь света! Нет, не лежи, ты сошла с ума?! Вылезай, беги! Еще пара ведер – и ты не сможешь встать! Погибнешь, задохнешься, конец! Но ведь и хо-

тела умереть, еще утром... Нет, не хочу, страшно! Не так, не сейчас!..

Она не услышала скрипа, с которым отворились ворота. Земля шатнулась, и Нора не сразу поняла: вагонетка тронулась с места.

* * *

Протерла глаза от глины и тут же зажала руками. Свет был нестерпимо ярк.

Осторожно выглянула в щель меж пальцев. Солнце заходило, лишь красный бочок еще торчал из-под края неба. Но даже этого света было слишком много с непривычки. То жмурясь, то моргая, Нора выбралась из глины. Попыталась встать, упала, покатила вниз с огромной кучи земли, выросшей за годы. Очутилась на дне старого карьера. Побрела едва не вслепую, ступила в лужу. Зачерпнула воды, омыла лицо.

Начались сумерки, и Нора вновь смогла видеть. Разглядела тропинку, что взбиралась по склону карьера. С другой стороны – не там, где вагонетки. Пошла вверх. Где-то будет дорога, приведет в какое-нибудь село.

На половине подъема Нора заплакала. Впервые за три месяца она не стыдилась слез, знала: сейчас есть весомый повод. Боги, какая дура! Какая же безмозглая курица! Нельзя было лежать в вагонетке. Незаметно выбраться и бежать

в келью, а позже снова попытаться вместе с Мией. Вот что нужно было! А теперь у напарницы нет шанса. Обнаружат пропажу, поймут, как было дело, закроют тропинку. Мие никогда не выбраться. Никогда.

Но Мия сама виновата! Зачем помешала мне? Зачем потащила с собой?! Зачем велела первой лечь в вагонетку?! Хотела бежать – и бежала бы! Зачем спасала меня? Как будто верила, что моя жизнь чего-то стоит. Как можно верить в такую чушь!..

Впору было подумать о пище и ночлеге, о том, куда идти... Нора брела, не разбирая дороги, и все мысли ее занимали пять слов. Какие пять слов сказала бы Мие, если б могла? – Прости меня, дуру. Прости. Прости.

Но толку от этого!.. Нельзя простить такое. Я бы не простила.

– Я буду век тебя помнить.

Экая радость! Что ей пользы от моей памяти? Будь у меня телега хлеба или целый амбар... или последний кусок – отдала бы. А память чем поможет?

– Я во всем тебе верю.

Теперь – верю. Про яд и про кофе, про то, что умеешь читать, и про то, что смогла бы убить. Скажи мне, что ты – графиня или принцесса, – все равно поверила бы! Но и в этом мало проку...

Глупая, бесполезная Плакса. Ничего во мне нет. Лучше бы померла утром, как хотела.

Или не лучше?

Мия спасла меня... а она знала, что делает. Кто-кто, а она точно знала. Верила, что жизнь Плаксы чего-то стоит.

Наконец, Нора нашла нужные пять слов. Будто гора глины упала с души.

– Обещаю, я сохраню твой дар.

За спиною скрипнули колеса, фыркнул конь.

– Ну, и страшная же ты!.. – добродушно хохотнул усатый мужик на козлах.

– Лучше помоги мне, чем смеяться.

Нора истратила все слова и принялась молча смотреть на крестьянина. Он кивнул:

– Давай, садись.

Перегнулся назад, добыл сверток, развязал.

– Ты, поди, голодная. Возьми вот, поешь.

Душа Запада

*Конец июля – начало августа 1774 г. от Сошествия
Фаунтерра; поместье Лейси (Земли Короны)*

Знаешь, это у тебя я научилась: смотреть на вещи так, чтобы видеть суть.

Когда была маленькая, верила, что внутри рельсового тягача сидит дюжина коней. Они выставляют ноги сквозь люки в полу, упираются копытами в землю и тянут состав. Большие и сильные кони – крепче любого тяжеловоза. И шпалы им помогают: лежат как раз так, чтобы удобно было отгаливаться. Никто не мог меня переубедить. Сколько ни рассказывали про всякую машинерию – я только смеялась. Я-то точно знала: внутри тягача – кони.

Мне исполнилось десять. Дядя-герцог назначил моего отца представителем в Палату, и так я оказалась в столице. Однажды папа захотел меня порадовать. Откуда-то он взял, что именно это меня порадует. Или просто решил доказать, что старше и мудрее. Словом, он повел меня на станцию, где стоял состав, дал машинисту глаорию и велел показать внутренность тягача. «Мою леди-дочь весьма занимает сие устройство», – сказал отец. Машинист ответил: «Раз так, то я запущу машину – пускай поработает вхолостую». Тягач затрясся

от грохота, а машинист открыл дверь и ввел меня в самое чрево.

Я и сейчас помню свой ужас. Железо гудело, гроыхало, стонало, выло... Но не это было худшее. Машина состояла из сотен и тысяч деталек: трубочек, цилиндров, катушек, проводков, валов, колесиков и массы другого, чему нет названий. Я не могла понять абсолютно ничего. Куда ни падал взгляд, он натыкался на что-то неясное, необъяснимое, темное. Внутри тягача царил хаос, намного более сложный, чем весь остальной мир, взятый вместе.

Я убежала оттуда. И с тех пор никогда не пыталась узнать устройство чего-нибудь. Люди, животные, машины, места – все хорошо таким, каким оно видно снаружи. Не нужно лезть внутрь – в устройство, в душу. Красота и смысл не в глубине, а в том, что доступно глазу. Смотри и радуйся. Так я жила девять лет.

Но случилась ты, и во мне переменялось что-то. Я стала другой. Впервые заметила это на трибуне. В ту минуту, когда владыка произносил имя. Я видела его с десяти шагов, прекрасно слышала каждое слово. Слов было много – таких торжественных... Потом он назвал имя: «Минерва Джемма Алессандра».

Я ни на что не надеялась. В этом я себя твердо убедила: не надеюсь, не на что, не я, ни шанса, не надеюсь. Не надеюсь. Не надеюсь. Повторяла день за днем. «Минерва Джемма Алессандра», – сказал владыка. Чувство было такое, словно

клеймо раскалили на огне и прижали к груди. Вот тут я поняла, что изменилась.

Все, что было до слов: «...нарекаю своею невестой...», – распалось на детали. Не поверишь: я своими глазами видела валы и колесики! Они крутились, приводя друг друга в движение. Рельсовая реформа, всеобщий налог, Палата Представителей, заговор Айдена, коалиция Эрвина, влияние феодалов, власть Короны... Я впервые увидела все так, как видишь ты: взаимосвязанным. Вращались шестерни, ни одна не могла остановиться, поскольку все цепляли друг друга. И владыка произносил речь, будто щелкали зубцы на валу. Чеканил слово за словом, с каждым оборотом вала: «Минерва Джемма Алессандра». Промолчи он или скажи иначе... Встань одна шестеренка в механизме – вся машина сломается, развалится на части. Он не мог сказать иначе, только так. И клеймо убрали от моей груди.

* * *

Но я-то не шестеренка в машине. Мало что от меня зависит, и потому могу позволить себе не крутиться: государство не рухнет.

Об этом я сказала отцу, и он спросил:

– Ты о чем?

Я ответила:

– Обо всех этих гостях в нашем доме, каждый день после

игр. Разве они – не по мою душу?

Гостей много. Наш дом в столице невелик, потому они не являются все сразу, а выстраиваются в очередь, сменяя друг друга. «Позвольте высказать наш восторг!.. От всей души поздравляем!..» Восторг – это мне, поздравления – тоже. Отец всякий раз зовет меня в зал, представляет кому-нибудь, а кто-нибудь целует руку, поздравляет и восторгается. Я благодарю – а как же. Кто-нибудь задает вопросы (всякий новый гость – одни и те же), я отвечаю (всякий раз одинаково). И чувствую себя колесиком искровой машины: меня вращают – я кручусь. Остро хочется сделать неожиданное, глупое. Въехать в зал на коне, протянуть для поцелуя не руку, а ступню...

И вот, я говорю:

– Отец, из меня не вышло принцессы. Случись иначе, я бы знала назубок все слова: долг, порядок, обязанность. Была бы честной шестеренкой... Но я – не принцесса. В утешение пообещай мне одно. Когда захочешь сунуть мне в рот удила и посадить на спину наездника, то всадника выберу я, а не ты.

А он отвечает:

– Что ты, деточка! Что ты!..

Отец любит говорить: «Что ты!»

– Что ты, доча! Ты – лучшая в мире, моя кровиночка.

Люблю тебя больше жизни!

Я говорю мягче:

– Нам лучше повременить, правда? Еще год хотя бы.

Он обнимает меня, и я думаю: что значат объятия, когда они заменяют ответ? Вряд ли что-то хорошее. Я хочу сказать, как сказала бы ты: разумно, убедительно. Так, чтобы сработало. Я говорю:

– Па, подождем год. Си или Молли родят... Вся дрянь, которую говорили о нас, сразу забудется. И ты получишь за меня гораздо больше.

– Что ты, милая!.. Не говори так, я же думаю только о тебе!

Я плохо читаю по лицам, даже если это самые близкие лица. Кажется, я попала в цель. Кажется.

* * *

Один гость пришел не за мною, а за тобой.

– Миледи, скажите, где она? Мне очень нужно знать.

Имперский секретарь Итан, хвостик Адриана. Я отвечаю ему:

– Его величество может спросить ее высочество или графиню Нортвуд.

Он говорит:

– Спрашиваю не для его величества – для себя. Куда увезли леди Глорию?

– Леди Глория, – говорю я, и в тот миг особенно горько чувствую обиду, – ни слова мне об этом не сказала. А разве

должна была? Вы полагаете, мы с нею подруги?

– Никому другому она не сказала ничего. А вам, я надеюсь, хоть что-то.

Тут я смотрю на свою обиду: она – как тот тягач с конями внутри. Видимость, чушь, а смысл – совсем иной. Приношу твое письмо и даю Итану прочесть. Он читает, говорит: «Благодарю, миледи», – уходит. Я остаюсь искать.

Знаешь, я непроходимо глупа. Тратила день за днем, разбирала фразу за фразой, слово за словом. Читала десятками раз, могу наизусть повторить.

«Хворь оставила меня. Милостивые боги даровали мне жизнь, и я поняла, что должна посвятить ее служению. Отправляюсь в монастырь, где проведу отпущенные мне годы в размышлениях и молчаливых молитвах. Прости, что не увижусь с тобой на прощанье. Надеюсь, поймешь меня: последняя встреча была бы слишком печальна для нас обеих. Солнце моей мирской жизни закатилось, но я всегда буду тебя помнить. Скучаю по тебе, вспоминаю мгновения, проведенные вместе, особенно – бал и прогулку в лесу. Люблю тебя.»

Глория Сибил Дорина»

Было странно. Странно, что назвалась «Глорией Сибил», а не северянкой, как прежде. Странно про «солнце мирской жизни» – не твои слова. Какой-нибудь пафосный стихоплет сказал бы так... Странно, что не увиделась со мною. Пе-

чалъ последней встречи? Ерунда. От близкого друга получить вместо прощания клочок бумаги – вот печаль.

Но слово это – «странно» – было камнем. Я всякий раз врезалась в него и разбивала лоб, а пройти не могла. Не видела, что лежит за «странно». Ты бы склеила цепочку: из одного – другое, из другого – третье. У странностей есть причины, а у них – свои причины, и так пока не дороешься до сути... Но в моем мире «странно» – это уже крайняя причина. Человек поступил странно – и все тут.

Кстати, о странностях. Я рассказывала про своих родных? В моей семье у каждого есть какая-нибудь странность, свое личное особенное наваждение.

Мама обожает детей. Она горько рыдала в тот день, когда я впервые победила на играх. Я тормозила ее и кричала: «Мамочка, мамочка, ну что ты! Все же хорошо! Я победила, стала чемпионкой, разве тебе не радостно? Что плохого случилось?!» Поняла смысл много позже: победа сделала меня взрослой. Я больше не была ребенком, а значит, потеряна для мамы. К счастью, вскоре Си вышла замуж, потом и Молли. Теперь мама ездит между ними, гостит по три месяца у каждой – боится пропустить радостную весть. Мама знает все средства для плодовитости, которые только выдумали лекари, знахари, кудесники и Прародители. Каждый месяц я получаю письмо, в котором изложено одно из них. Представляю, какво приходится сестрам! Бедные...

Герцог Уиллас – мой дядя – книжник. В родовом замке есть огромная библиотека – якобы, лучшая на Юге. По этой причине дядя очень редко покидает замок. Он любит не только книги, а вообще все, что изложено на бумаге: письма, грамоты, отчеты, доносы... Ни разу не было такого, чтобы он слушал меня с интересом. Собственно, он и вовсе никогда меня не слушал, лишь говорил сам. Но однажды я видела, как он читал мое письмо: улыбался так нежно и печально, и глаза блестели... А еще дядя дружит с пауками. Даже берет с них пример. Как-то в старой башне он увидел огромную паутину трех футов шириной – поперек всего прохода. Дядя смотрел на нее минут пять, потом легонько подул на самый краешек. Паук, сидевший в центре сети, ощутил это ничтожное колебание и ринулся к его источнику. Дядя пришел в восторг: в тот миг он понял, как надо править людьми. Родовой замок Бэссифор – центр паутины. В него слетаются на голубиных крыльях всевозможные новости и доклады, и герцог, сидя на одном месте, знает о каждом, даже самом ничтожном происшествии в Литленде, чутко ловит любое подрагиванье нитей и незамедлительно реагирует. Ну, по крайней мере, так он говорит. Я не решаюсь спорить с человеком, который прочел тысячу двести книг. Но однажды в Бэссифоре пропал гнедой жеребец-трехлетка. Его увел любовник горничной – об этом знали все, кроме герцога...

Что до паука из башни, то он по-прежнему живет там. Дядя не велит слугам его тревожить. Паука зовут Гордон. Он

огромен, как маслина; весь черный, а на брюшке – белый крест.

И мой па. Его странность вот в чем: он любит советы. Па – лорд-представитель в Палате, ниточка дядиной паутины, что тянется прямо в столицу. Тебе виднее, чем занимаются лорды в Палате. Меня это никогда особо не занимало, впрочем, одно знаю точно: они там советуются. Дают советы друг другу, императору, министрам, своим сюзеренам... Но отец – особенный. Он – единственный человек в мире, кто любит просить советов, а не раздавать их. Спрашивает у дяди, мамы, своих рыцарей и секретарей, даже у меня. Всем это очень нравится, и мне, конечно, тоже. Приятно же, когда твое мнение интересно уважаемому мужчине, лорду Палаты! Все очень любят отца.

Главный его советник – некто лорд Косс, второй представитель Литленда в Палате. У Косса есть имя – Брендон, но об этом легко забыть. Все зовут его по фамилии, ведь он похож на слово «Косс» – такой же лаконичный, мягкий, свистящий, и с «о» посередине.

Он сказал отцу:

– Примем их в Лейси. Так будет лучше.

О ком речь – отец знал, почему так лучше – нет. Но спорить не стал, прислушался к совету. Мы переселились за город.

Лейси – это наше имение в Короне. Оно в десяти милях от Фаунтерры, я очень его люблю. Там просторный дом, шестьдесят акров полей – наших собственных, рошица с ручьем. Источник холоднющий, как... черт, и сравнение не подберешь! Тебе бы понравился. Нырнешь в него – так завизжишь, что сама оглохнешь! Зато весь день потом тебе жарко и счастливо. Еще в Лейси роскошные конюшни: тридцать голов, в том числе четыре моих мальчика. У каждого Литленда своя одержимость... мою ты знаешь.

Едва приехали, первым делом я пошла в конюшни, привела Поля – он был со мною на играх, а Жиль оставался в Лейси. Поль и Жиль – братья-близнецы, рыжие мэй-литлендцы. Самые лучшие! Отец подарил мне одного, но я упростила купить и второго – чтобы не разлучать их, это было бы слишком грустно. Сейчас привела Поля, увидела, как они радуются – аж сердце запело. Я обняла обоих, кормила с руки, чесала... Надеюсь, они любят меня хоть вполовину так, как друг друга.

А самая умная в конюшнях – каурая Луна, кобыла холливел. Она понимает абсолютно все, что говорю. Иные удивляются: как можно говорить с лошадьми? Мне странно другое: как можно с ними не говорить?! Я взяла Луну, и весь вечер мы гуляли неспешной рысью. Я рассказала о тебе. О том,

что меня беспокоило: Глория Сибил Дорина, солнце мирской жизни. Я говорила ей:

– Глорию увезли. Так сказал Итан. Странно сказал, правда? Вот мы гуляем с тобой – и ведь никто не скажет, что я тебя увела! Увезли, увели – это насильно, назло.

Луна соглашалась, и я вела дальше:

– Глория любит матушку, но не говорит: «мама», а говорит: «леди Сибил». А о себе говорит: «северянка». Теперь она подписалась: «Глория Сибил Дорина». Не потому ли, что в этом имени содержится имя матери? Увезли. Монастырь. Сибил Дорина. Графиня отправила дочку в монастырь – может быть такое?

Луна втрое моложе меня, но намного мудрее. Она даже не удивилась: конечно, может. Глупая ты, Бекка, что не поняла сразу.

Я прилетела к отцу и спросила:

– Зачем Сибил Нортвуд это сделала?

Он не понял, пришлось пояснить. Тогда папа сказал:

– Когда после смертельной хвори люди встают на ноги, они часто обращаются во служение. Благодарят богов и посвящают себя им.

А я сказала:

– Если бы так поступила сама Глория, я все поняла бы.

Но это дело графини!

Отец читал твое письмо. Он сказал:

– Глория пишет, это было ее собственное решение.

А я:

– Нет, графиня сослала. Силой. Я знаю.

– Что ты, деточка!..

– Папа, скажи мне: кто у нас есть в доме Нортвудов? Мы можем узнать, найти хоть зацепку?

– Но милая!.. Ты же не просишь шпионить за графиней? Нет же!

Мне самой неприятно было, и я сказала:

– Хорошо, давай не шпионить, а по чести. Позволь мне поговорить с графиней Нортвуд... голосом Литленда.

– Что ты!..

– Я уже виделась с нею и спрашивала. Не узнала ничего сверх того, что в письме. Но спрашивала всего лишь Бекка-Лошадница... А если спросит Великий Дом Литленд?

Отец затвердел – иногда он умеет. Редко, но да.

– Великий Дом Литленд никогда не полезет в семейные дела Нортвудов! Мы не клопы, чтобы шарить в чужих постелях! И думать забудь, Ребекка рода Софьи!

Жесткость нелегко далась папе. Скоро он позвал меня снова и приласкал, погладил волосы.

– Доченька, зря ты забиваешь голову глупостями. Все хорошо у Глории, скоро станет аббатисой, и вы снова увидите. Лучше ложись пораньше, выпись, завтра гости придут.

Тут я поняла, что гости будут необычными. Понимаешь,

я – нечто вроде живого герба Литлендов. Где бы ни была, на меня смотрят. Всегда сияю и улыбаюсь, всегда с иголкой, всегда – прелесть. Будь хоть пятнышко – на мне его заметят. Так вот, если к этим гостям нужно как-то особенно готовиться, то что же это за люди? И зачем отец позвал их в Лейси, а не в столичный дом?

– Кто они, папа?

– Граф Рейс и его рыцари.

– Граф Рейс?!

– Да, доча.

Ты, конечно, все знаешь о политике. Держу пари: тебе все это ясно, но по-книжному – конфликт интересов, спорные земли вдоль реки являются камнем преткновения... Дай-ка я объясню, как это видится мне. Представь волчью стаю и пастуха с овцами да собаками. Пастух стережет, волки нападают. Иногда зарежут овцу, иногда собакам пустят кровь. Бывает, и псы задавят волка – одного, а остальные только злее становятся. И вот однажды волчий вожак является прямиком на псарню и виляет хвостом, а собаки дают ему погрызть косточку, водичкой поют. Вообразила картинку? Вот это и есть граф Рейс в гостях у Дома Литленд.

* * *

Их было восемь, они приехали верхом. И мы встречали верхом: папа, лорд Косс, я, десять отцовских рыцарей. Это

было правильно: нас больше, а кони наши – лучше. Но и неправильно тоже: встречаться в седлах – традиция кочевников. Выходило, будто мы подстроились под них.

Многословно прозвучали титулы, имена потерялись под грудой «лордов», «сиров», «шаванов». Я запомнила лишь двоих гостей. Одним был сам граф Дамир Рейс, а другим – худой синеглазый воин, что долго-долго смотрел мне в лицо без тени улыбки. Его звали Моран Степной Огонь, он был правой рукой графа.

Конечно, мы очутились за столом. Отец щедро поил западников и все спрашивал о том – о сем. Люди любят, когда их спрашивают. Видно, папа хотел очаровать гостей. А я не знала, чего хотеть. За столом сидели двадцать мужчин, которые, встретясь они в другом месте, охотно перебили бы друг друга. И я. Было не по себе, я все молчала. Стала думать: в чем суть этой встречи? Зачем мы кормим, поим своих врагов? Поймала часть беседы, прояснилось.

– Мир меняется, и очень быстро, – говорил отец. – Летом не то, что было весной, а осенью будет не то, что летом. К зиме уже не узнаешь то, что звалось Империей Полари. Как думаете, граф?

Дамир Рейс отвечал:

– Не весна и лето, лорд. Времена года как шли, так и идут. Они тут не при чем. Север и Юг, Запад и Восток – вот что меняется. Корона всегда дружила с Центром, а Север держала на цепи – так было. Но вот Корона венчается с медведями,

а Шейланд – с Северной Принцессой. За год лягут рельсы до Клыка Медведя и Первой Зимы. Север станет во много раз сильнее. Что я думаю об этом, лорд Литленд?.. А сами вы что думаете?

– Разве я похож на северянина, граф?

Дамир Рейс подергал нижнюю губу. Премерзкий жест: губа оттопырилась, открылись зубы – белые с гнилыми через один. Но ты не подумай, что он был старик. О, нет! Зубы – вот и все, что было в нем гнилого. А тело – будто из железа выкованное.

– Лорд Литленд, я не привык бить мимо. Если стреляю, то прямо в точку. Стрелю ли, словом – неважно. Хотите дружбы с нами? Скажите прямо, не виляя. Протяните руку – и мы решим, пожать ли. Северяне нам враги более лютые, чем вы. Но не потому, что вы добряки. Просто вы бьетесь хуже их.

Мне до воина – как ползком до Запределья. Но в ту минуту я думала в точности то, что каждый из отцовских рыцарей. Бьемся хуже? Берите луки и коней, выезжайте в поле!

Но отец только усмехнулся и сказал:

– Однако вы приехали к нам. Мы позвали – вы приехали. Значит, имеете что сказать, кроме похвальбы.

– Приехали послушать, что вы нам скажете, – отбил граф Рейс.

– Север усиливается, значит, и Юг должен стать сильнее. Вот все, что скажу сегодня. Завтра слово за вами, граф.

Я поняла это так, что обед окончен. Откланялась и пошла восвояси, но прошла прямо за спинами западников – показать, что не боюсь их. Синеглазый Моран обернулся и схватил меня за руку. Сжал крепко, будто хотел удержать. Мы смотрели друг на друга, а отцовские воины сорвались с мест. Синеглазый подмигнул мне и спросил:

– Говоришь, ты – лучшая наездница в мире?

Я никогда не говорила этого. Ненавижу, когда так говорят, ведь это ложь. Я состязалась лишь с первородными, и то на арене, а не в поле. Среди простого люда множество прекрасных всадников, и их никто не знает, столице нет до них дела... Но синеглазому я ответила:

– Сомневаетесь?

– Встанешь с рассветом – жду у конюшен.

Он это сказал очень тихо. Ни отец не слышал, ни кто другой из наших. Если бы слышали, мне не пришлось бы думать. Отец просто запер бы меня и приставил пару воинов в охрану. Но отец не знал, и я ворочалась до полуночи. Пойти? Полная дурость! Дочка Литлендов наедине с кочевником – да это безумие! Не пойти? Значит, испугалась. Синеглазый скажет об этом, и не тихо, а так, что все услышат. Да и не главное, что услышат, главное то, что я не боюсь его! Пусть не думает, что боюсь! Я сказала себе: возьму и усну. Скорее всего, я просплю рассвет, и синеглазый простоит пару часов у конюшни – дурак дураком. Потом выйду и посмеюсь над ним. Я улыбнулась, когда это выдумала, и закрыла глаза. Ко-

гда проснулась, занималась заря.

* * *

Наш луг, за ним – рощица. Дальше – крестьянские огороды. Можно обогнуть их дорогою, но быстрее напрямиком, через изгороди. Дальше речушка, а за нею – яблоневый сад.

– Я собью тебе два яблока – одно кислое, второе червивое. Ты съешь и не поморщишься.

– Возьму сама, какие захочу, а червей оставлю вам.

Луг прошли вровень, Моран бросил с насмешкой:

– Хороша.

В рощице я вырвалась – Поль прекрасно знал тропинку. На огородах синеглазый стал наверстывать. Оглянулась раз, второй – он был все ближе. Больше не смотрела, гнала во весь дух. Давай, Поль, давай! С берега прыгнула первой, опережая ярдов на десять. В воде Поль сбавил ход. Он любит купаться, и я люблю, но не сейчас же! Выбрались на сушу, Моран был уже рядом, всего в паре шагов позади. Я пришпорила Поля – прости меня, рыжий! Вырвалась, вскинула лук, не сбавляя ходу. Еще даже не выбрала цель, когда западник выстрелил из-за моей спины. Попал в ветку, не в яблоко, но тут же выпалил снова – качнулось. Я была уже намного ближе к роще, и попала с первой стрелы. Но в тот же миг попал и он: с полусотни шагов – в черенок яблока! Никогда не видела такого.

Я подобрала оба яблока: одно было красным, другое – подгнившим.

– Мы успели вровень, – сказал синеглазый Моран. – Будет честно, если поделим.

Взял спелое яблоко, подбросил в воздух и на лету разрубил, а после поймал обе половины. Ловко вышло, я улыбнулась. Сказала, чтобы он не возомнил:

– Как же стараетесь произвести впечатление! Трудно вам приходится, бедняжка!

А синеглазый ответил:

– Я только смотрел, что сделаешь ты, чтобы впечатлить меня.

– Пф! Много о себе думаете! Я ничего особого не сделала.

– Это правда. Ничего особого.

Он взял порченное яблоко и поехал прочь. Я даже опешила – никто со мною так не обращался! Захотелось выбить яблоко из руки или возле уха просвистеть стрелой – пускай дернется с перепугу. Подняла лук, но сдержалась. А он отъехал почти до речушки, обернулся.

– Хочешь сделать особое? Давай.

Взял яблоко и поставил себе на макушку.

Ты думаешь: нет, Бекка, нет, только не говори, что выстрелила!..

Яблоко – с мушку размером. Посол графства Рейс и дочка Литлендов. Возьму на дюйм ниже – и... Сожри меня тьма. Я выстрелила.

Не знаю, попала ли в яблоко. Синеглазый Моран вскинул руку и поймал стрелу на лету. Подъехал, отдал мне и ничего не сказал, лишь кивнул.

Я спросила:

– Зачем вы это затеяли?

Он ответил:

– Ты мне нравишься.

– Потому, что метко стреляю?

– Ты не Литленд – вот почему.

– Ребекка Элеонора Агата рода Софьи, леди Литленд, – процедила я и тронула коня.

Он догнал.

– Я не об имени. У тебя душа свободная, будто ты с Запада.

– Вот уж выдумка!

– Вчера, когда держал тебя, ты не менялась в лице. Слабая душа испугалась бы.

* * *

У папы нет от меня секретов.

Мне до такой степени неинтересны политические дела, что даже мысли не возникнет заглянуть в какую-то бумагу или что-нибудь подслушать. А если по случаю и узнаю что-то, то не удержу это в голове дольше пяти минут. Потому отец любит поговорить со мною о политике: он мне расска-

зывает, я ничегошеньки не понимаю и задаю из рук вон глупые вопросы, папа на них отвечает, и по ходу в его собственной голове становится яснее. Так он со мною советуется. Конечно, это когда нет рядом лорда Косса. Когда есть, они запираются вдвоем в комнате и долго беседуют под пряный чай. Тогда отец просит меня далеко не отлучаться, и если им требуется чего-нибудь – чаю, сыра, бумаги, чернил – то папа просит меня принести. Не служанку, а меня: слугам он при таких обстоятельствах не доверяет. Слуга войдет – увидит мельком, какие документы или карты на столе, услышит краем уха пару слов. Вдруг продаст сведения кому-нибудь! Так что папа просит меня послужить. Веришь, мне это в радость: он так счастлив, когда именно я подаю ему чай. Что бы он ни читал в тот момент, о чем бы ни говорил – обязательно прервется и улыбнется мне:

– Благодарю тебя, милая!..

Но речь о другом. В тот самый день, как мы с Мораном ездили за яблоками, вышло странно. Был намечен общий обед для нас и западников, но прежде папа с Коссом уединились для совета. Двое мечников стояли на страже у дверей, поскольку в доме чужие. Меня они впустили без спроса, я влетела в кабинет. Хотела поскорее рассказать про утренние гонки. Знала, отец пожурит, но и порадуетса тоже: ведь я обскакала Морана, а он, говорят, лучший воин графства Рейс. Распахнула дверь, вбежала, раскрыла рот – и не сказала того, что собиралась. Увиденное сбило меня с мысли: отец дер-

нулся и быстро накрыл одну бумагу другой. Будто не хотел, чтобы я увидела! Но с чего бы? Какая беда, если увижу?!

– Чего тебе, доча?

– Я рассказать хотела... но... вижу, ты занят...

Затянула паузу в надежде. Думала, он ответит: «Да, вот, одно занятное письмецо получил. Хочешь послушать?» И прочтет вслух про какой-нибудь новый закон или ссору лорда В с лордом С, а я мигом выкину из головы. Но он ничего такого не сказал, а только ждал и прижимал ладонью бумагу. Я видела лишь клочок: то был краешек карты. Какая земля – не разобрать по очертаниям. По размеру ясно, что карта занимала не весь лист; ниже нее, наверное, шел какой-то текст.

– Прости, что отвлекла. Я позже расскажу.

– Ничего, не беда.

– Принести вам чего-нибудь?

– Нет, благодарствую.

Я вышла, у двери задержалась, задумалась. Охранники и тут ничего не имели против. Они понимали: я слышу кое-что сквозь дверь. Но это же я, любимица и кровиночка, мне все можно слышать.

И я разобрала, как отец сказал:

– Это в корне все меняет. Нужно сообщить герцогу...

Лорд Косс ответил:

– Но и с дикарями есть о чем поговорить.

Потом они снизили голоса, и ничего больше я не слышала.

Ты меня отравила. Знаешь об этом?

Я влюблялась много раз – и всегда пела от радости. Всякий раз – новый огонь и новая жизнь! Будто солнце горит новым светом! Мне казалось: просто так живу одну жизнь, а когда влюблена – то сразу две. Всего вдвое: сил, чувств, счастья, крови в жилах! И никогда не спрашивала себя: зачем я влюбляюсь? Каков смысл? В чем подвох? Никогда – до тебя.

Я ощутила в себе яд тогда, за обедом. Моран смотрел на меня: глаза – как небо в полдень... Меня бросало в жар, а сердце несло галопом. Это было так приятно – будто скачешь во весь опор по степи! Живешь во всю прыть, дышишь чистой свободой!

Как вдруг змейка холода стекла по спине, и я подумала... Черт, я подумала твоим голосом! Верь или нет – твоим!

– Опомнись, южанка. Зачем он очаровывает тебя, а? В чем смысл?

– Какая разница? – огрызнулась я. – Что плохого, если влюблюсь? Беды бывают от жадности, жестокости, от войн и интриг... От любви – никогда!

Но я уже видела второй смысл, и под языком была горечь, а в груди – песок. Послы графства Рейс приезжают говорить с Литлендами. Кичатся, играют мускулами, хвалятся доблестью, но это – внешность. А суть та, что им очень нужно до-

говориться с лордом Литлендом. А лорд Литленд – опытный-ший политик, десять лет просидел в Палате, со всею столицей в друзьях... Зато у лорда Литленда есть доча. Кровиночка, любимица... Через нее и до папочки можно дотянуться.

Больше я не смотрела в синие глаза. Что-то там ела и о чем-то думала. Скажи, ты всегда это видишь – то, что лежит ниже? Боги, как ты живешь?! Как тебе удается не выть от тоски?!

Краем уха я слышала разговоры. Отец и Косс держались жестче вчерашнего:

– Желаете говорить, господа шаваны? Говорите, мы слушаем с полным вниманием.

Послы Рейса даже растерялись. Они ожидали предложений от нас, по привычке веря в свою силу. Но теперь отец говорил с позиции превосходства: мол, желаете договориться – заинтересуйте меня. Видимо, та самая бумага с отцовского стола давала нам некое преимущество. Вдвойне удивительно: почему он скрыл ее от меня?..

Когда представилась возможность, я ушла поговорить с Луной. Повела о гонках и о себе, о чувстве с подвохом... Сказала, как это мерзко – будто яблоко, побитое червем. Сказала о тебе... Луна смотрела умно и не отвечала, лишь давала себя гладить. Но когда я помянула тебя, она несколько раз моргнула и качнула головой.

– Ты не согласна?.. – удивилась я. – Но с чем? Думаешь, нет подвоха?

К сожалению, с подвохом Луна соглашалась. «Не верь синеглазому», – молчала она. А вот на счет тебя... Что-то ей не нравилось, она будто спрашивала, и я задумалась над ответом.

Ты, наверное, видишь червя в каждом яблоке, гниль – в каждом чувстве... Если она в нем есть. Но со мною – отчего ты так? Что увидела во мне такого, что не захотела встретиться на прощанье? Я никогда не лгала тебе и люблю почти как сестер. Ты должна это видеть. Не могла во мне ошибиться! Только не ты. Значит, была причина не встретиться. Итан прав: тебе не позволили. И твое письмо прочли и проверили прежде, чем вручить мне. Двойное дно... подтекст... есть ли шанс, что его не заметила Сибил Нортвуд, но замечу я? Твоя матушка знает тебя семнадцать лет, я – два месяца. Твоя матушка – политик, землеправитель, игрок; я – только наездница. Вряд ли я рассмотрю в письме хоть что-то, чего не увидела Сибил...

Кроме одного: «*печаль последней встречи*». Не верю этим словам. Ты, которую знаю я, не сказала бы так. Печаль – не печаль, а нечто иное. Как любовь синеглазого – не любовь...

Монастырь. Вот что это такое! Печаль – намек на монастырь! Ульяна Печальная – сестрица смерти, Праматерь без потомков. Ты уходишь служить Ульяне Печальной!

– В чем дело, девочка? Эта кобыла – компания лучше меня?

То был синеглазый Моран. Мне захотелось ответить: «Уж

верно лучше – Луна не лжет!», или вовсе уйти, не сказав ни слова. Но яд струился в жилах, и я была как будто не я... Не одна я, а двое. Во всем есть подвох, во всех... Отчего мне нельзя?! И я сказала игриво:

– Как вы меня нашли? Неужели, следили?

Мы с Луною ушли на луг за рощу, из дому нас было не видать.

– Не нужно следить, чтобы понять твою душу. Я подумал, куда пошел бы сам, и направился туда.

– Так, стало быть, вы видите меня насквозь?

Я улыбалась, вся сияла. После годов при дворе это нетрудно.

– Ты – как я, – сказал Моран. – Вот и вижу.

– Тогда угадайте, о чем сейчас думаю?

А думала я о неискренности, которая хуже змеиного яда. Еще – о кинжале, что висел на поясе Морана. Ему – под левую руку, мне, стало быть, под правую.

– Вот о чем, – ответил он, взял меня крепко за плечи и поцеловал.

И ты, наверное, скажешь: дурочка Бекка. Будешь права. Что было у меня в голове – все вылетело. И яд испарился... Я скажу: когда целуешь человека – чувствуешь, любит он или нет. А ты скажешь: глупость, – и снова будешь права. Я чувствовала лишь огонь и сладость, и боялась, что он меня выпустит.

Но оправдаюсь одним: чего не должно было, того не слу-

чилось. В нужный миг я сказала: «Нет». Я умею – годы при дворе, опять же. И Моран послушался. Даже удивительно! Конечно, скажи я отцу – и ни один западник не встретил бы утра... Но откуда-то знала: Морану плевать на это. Если отступился, то не из страха.

– Свобода?.. – спросила я.

Он ответил:

– Поехали.

Мы сели на лошадей и пустились в дорогу. Ни «куда», ни «зачем» – не было этих глупостей. Засмеркалось, стемнело, взошла Звезда. Упала прохлада, голосили жабы в озерцах, пели сверчки. А мы молчали. Не хотелось болтать. Простор, ночь, луга... мир бездонный, как небо... а слова – они такие тесные.

* * *

Отец запер меня в комнате и приставил охрану. У него были все основания так поступить, ведь вернулась я на рассвете. Наши рыцари сбились с ног, разыскивая меня в окрестностях Лейси. Я понимала, чем грозит эта история: лично мне – ничем. Сказала:

– Папа, прошу тебя, не делай ничего! Моран не виноват. Во-первых, меж нами ничего не было, только прогулка. Верь мне. Во-вторых, поступала по своей воле, не по принуждению. И в-третьих, если думаешь, что через меня он хотел

что-то выведать, то это не так. Мы едва перемолвились дюжиной слов.

– Кое-чего недостает, – ответил отец.

– Прости меня, папа.

Он кивнул:

– Дикари останутся живы, а ты останешься в комнате.

И запер.

Чего я точно не люблю, так это вздыхать попусту. Ах, они уедут прежде, чем я выйду... Ох, больше его не увижу... Ах, мое сердце разбито... Это не по мне.

Ночь была красива, и я вспоминала ее с улыбкой. Думала: таких еще много будет. Западники приехали подружиться, и раз уж сами протягивают руку – то отчего бы нам ее не пожать? Письмо, что получил отец, сделало нас сильнее. Значит, западники будут сговорчивы, и мир наверняка состоится. Они станут нам добрыми соседями, как Шиммери. Я смогу видеть его. Не хочу думать о замужестве... Слишком еще памятно: «Нарекаю своей невестой Минерву...», слишком больно. Но видеть Морана я смогу. Оседлаю Поля и проеду Пастушыи Луга насквозь, чтобы его увидеть. Двести миль в одиночку. Он, конечно, ничего не скажет – но и не нужно! Ехать ради встречи – это и есть счастье. Главное, чтобы был мир... а он теперь будет.

Мне приносили еду. Однажды я увидела в раскрытую дверь отцовского рыцаря, Гейджа – тот стоял на страже. Я

доверяла Гейджу, а он очень уважал меня. Позвала, попросила ответить.

– Что угодно, милая леди.

– Сир Гейдж, что вы знаете об этом шаване Моране?

– Западники – дикари, – сказал рыцарь. – Рейс зовется графством, но это никакое не графство, а кусок земли, кишаший налетчиками, конокрадами и кочевниками. Если не держать этот сброд железной рукой, то он перебьет сам себя. Но на беду нам вышло так, что именно сейчас Рейсом правят железные руки, потому Рейс – опасная сила. А рук, что держат вожжи, две: правая – граф Дамир, левая – шаван Моран.

– Хотите сказать, он – ровня графу?

– По крови – нет. Но по воле и храбрости – лишь на волосинку ниже. Иные даже говорят: Моран мог бы убить графа и править сам. Однако граф ему доверяет, и, видно, есть причины. Неясно, что между ними, но пока жив Дамир Рейс, Моран ему предан.

– Его прозвище – Степной Огонь. Отчего?

– Норов такой. Как пожар в степи: вспыхнет – не остановишь, пока все не выжжет.

Я остановила, – подумала я, – меня он слушает. Гейдж, видно, понял, о чем думаю.

– Милая леди, вам не нужно быть наедине с этим человеком. Он опасен, как сто чертей. Взбредет в голову – задушит и не моргнет.

– Если он меня тронет, разве вы не убьете его?

– Разорвем на клочки, – процедил Гейдж. – Вот только вы от этого живей не станете. А Морану, говорят, плевать на смерть.

Вот в это я верила.

Гейдж спросил:

– Вам, миледи, не принести ли чего? Может быть, книгу? Всяко лучше читать роман, чем думать про этого разбойника.

– Романы – глупости, – фыркнула я, но тут поняла, какую книгу мне стоит прочесть. – Будьте добры, несите все, что есть о монастырях.

Я потратила день, разбирая стопку книг, и составила список. Двадцать четыре монастыря Ульяны Печальной: во всех концах Империи Полари от Беломорья, что в Ориджине, до Алигейра в Шиммери. И, как на зло, ни одного – в Закатном Береге. Я думала: *«Солнце моей мирской жизни закатилось»* – это намек на конкретную землю, ведь ты же знала, что монастырей на свете много. Закатилось – Закатный Берег... но нет.

Знаешь, я все думала о мире. И о том, что сказал Моран. *«У тебя душа западницы – свободная...»* Когда сказал, я озлилась: меня, леди рода Софыи, обозвал дикаркой! Теперь сидела взаперти и думала, в досталь было часов на размышления. Странная штука: он оказывался прав. Половину детства я провела в Пастушьих Лугах, в пограничной крепости. Крупнейшей из них и самой сильной, так что мне ни-

чего не грозило. Однако мертвецов я видела часто. От меня по первой скрывали, потом прекратили – когда увидели, что не плачу. То стычка, то налет, то кровная месть... Дикари напали, дикари угнали, дикари зарезали... Наши в долгу не оставались. Я видела похороны сотню раз и знаешь, что думала? Все говорили: проклятые враги, сожри их тьма, заглоти Темный Идо! А я упрямо думала свое, как про тягач с конями. Какая разница, думала я, меж дикарями и мною? Люблю лошадей – и они любят. Живу в лугах, не хочу другой жизни – так и они. Ловко стреляют из лука – я тоже. До смерти ценят свободу – а разве я иначе?

Потом я попала ко двору, и поняла, в чем разница. А сейчас как-то снова позабыла. Этого я не скажу отцу, лишь тебе: когда не будет на западниках клейма «враги», я смогу полюбить их. Не только Морана – всех. Во мне кровь Софьи... но душа Запада.

Еще я думала: двадцать четыре монастыря. Чтобы проверить все, нужно проехать шесть тысяч миль. Наверное, год в седле. Если бы Моран стал моим спутником, это был бы год вдвоем, бок о бок, в постоянной дороге.

Черт возьми, я не могла вообразить ничего прекрасней!

* * *

На какой-то день (четвертый, кажется) отец позвал меня к себе. С ним был Косс, они пили вино и усмехались.

– Садись, доченька! Вот, пей, если хочешь.

Отец спросил, не в обиде ли я, и я назвала себя дурочкой, сказала: сама заслужила. Он ответил:

– У нас большая радость, мы позвали тебя поделиться. Западники пошли на уступки.

– Они еще здесь?

– Да, и с каждым днем все сговорчивей. Видно, крепко их напугала дружба Короны с Севером!

Лорд Косс вступился и пояснил:

– Мы применили стратегию выжидания: каждый день просто кормим и поим их, говорим приветливые речи, но ничего не обещаем. Дикари понимают, что мы не станем лебезить, но им-то союз о-оох как нужен! Потому они терпели, сколько могли, а теперь уступили.

– Как уступили? – спросила я.

– Предложили проложить прямую дорогу поперек Поляриса! От нас через Пастушьи Луга и Рейс – прямым к западному побережью. Дорога будет под постоянной охраной графских войск, а если захотим, то поставим еще свои форты. Наши купцы смогут без страха торговать на западном берегу, а ведь туда ходят корабли с Севера! Выйдет торговый маршрут в обход Короны и Южного Пути. Наши специи потекут прямым на Север, а граф Рейс просит ничтожную пошлину, просто смехотворную!

– В чем его выгода? – спросила я, уже привычно ища подвох.

– Ни в чем, кроме союза с нами! Литленд – славная земля, к нам прислушивается столица, нас уважают феодалы, мы – рода Софьи! В союзе с нами и дикари поднимутся. Наконец-то они это поняли!

Меня покорило от его надменности. Лорд Косс – хороший политик, но вряд ли он собьет яблоко стрелой с полусотни шагов. И ему точно не хватило бы храбрости самому поехать на переговоры напрямик в стан врага.

– Вы ударили по рукам? – спросила я.

– Мы послали голубей в Бэссифор, ждем ответа от герцога Уилласа.

Тут я услышала «но». Отец не проронил его, однако я поймала.

– Но?.. В чем дело?..

– Предложение западников заманчиво, – сказал Косс, – но то, другое, лучше. Хорошо бы графу Рейсу добавить еще что-нибудь на чашу, чтобы перевесить в свою сторону.

– Понимаешь, доченька, – добавил отец, – мы сейчас в таком удачном положении, что выбираем между двумя путями, и каждый сулит немалую выгоду. За нашу дружбу идет торг – аукцион. Можем выиграть очень многое!

– Постойте-ка...

Я отставила вино и налила себе из кофейника. Там была самая гуща со дна, чертова горечь – что надо!

– Постойте-ка. Рейс, наш давний кровный враг, предлагает дружбу. Я верно поняла?

– Конечно, доча. Ты – умница!

– Помимо дружбы, он обещает торговую прибыль и защиту наших караванов. Правильно?

– В точности так!

– Тогда почему вы ищете еще какой-то выгоды?! Разве мир сам по себе – не ценность? Когда враг становится другом – разве это малая выгода?!

– Что ты, доча, что ты!.. – папа всплеснул руками и глянул на Косса: поясни, мол.

– Мы смотрим на это с иной точки зрения. Кочевники Рейса десятилетиями устраивали набеги на нас и нанесли огромный совокупный урон, не говоря уже о множестве погубленных жизней. Естественно, что мы желаем получить отплату, возмещение ущерба. Простого мира недостаточно, граф Рейс должен понять, что теперь мы задаем правила, а не он. Тем более, в той ситуации, когда у нас есть...

Папа остановил его жестом. Я догадалась, что речь шла о письме. Что же за всемогущая бумага, тьма бы ее?..

– Ладно, доченька. Так или иначе, нам нужен ответ Уилласа. Без его слова мы не примем мир Рейса и не отвергнем. Но сам факт уступок уже радостен! Сделали шаг навстречу – сделают и второй, верно?

– Еще бы! – истово закивал лорд Косс.

– Хочешь чего-нибудь, доченька?

Я хотела. Кроме того, чтобы они забыли свое торгашество, хотела еще другого.

– Папа, сколько у тебя людей здесь и в столице?

– Воинов?

– Да.

– Человек полста.

– Можешь дать мне половину из них на месяц?

– Что ты! – папа засмеялся. – Хочешь взять штурмом Алеридан?

И вдруг сообразил, что я не шучу.

– Глория Нортвуд в беде, ей нужна моя помощь. Она в монастыре Ульяны Печальной, не знаю, в каком именно. А их в Империи двадцать четыре.

– Она не нуждается в помощи, – отрезал отец. – Я читал ее письмо.

– Нуждается, – сказала я. – Глория пишет: *«вспоминаю мгновения, проведенные вместе, особенно – бал и прогулку в лесу»*. Это те случаи, когда я очень помогла ей. Намек на то, что и теперь нужна помощь.

– Намек?.. Хочешь сказать, Глория писала письмо тайком от матери?

Я именно это и сказала. Отец ответил:

– Если ты еще раз упомянешь это письмо, я отберу и сожгу его. Глория – дочь и вассал графини Нортвуд. По любым законам любой земли мы не в праве влезать в их отношения.

Тебе это ясно?

– Мне также ясно, что она в беде.

– Я ей сочувствую, – сказал отец. – И ничего больше.

Меня выпустили на свободу и даже пригласили за общий стол с послами Рейса. Порадовалась бы этому, если б не двойное дно. Подвох вот в чем: я – не я, а живой намек, послание. Пока дикари упирались, меня не было в трапезной. Одни мужчины за столом, это значило: Литленд готов показать зубы. А теперь послы уступили – и вот, как символ от-тепели, я снова сижу рядом с ними. Поощрительное яблочко для лошади...

Западники держались странно: как-то скованно. Нет, говорили они громко, как прежде, если смешно – хохотали, если хотели посмотреть – глядели прямо в глаза. Но чего-то им недоставало, я ощущала. Позже поняла, чего именно: послы не знали, что им чувствовать. Унижение ли от уступок врагу? Радость ли от будущего мира и успешного противостояния Северу? Злобу ли к отцу и лорду Коссу, что все тянут с ответом?.. Тем, кто жил при дворе, привычно испытывать много чувств одновременно, и какие-то из них скрывать, другие – показывать, а о третьих – говорить. Но западники были сбиты с толку. Мне стало их жаль.

После обеда прогуливалась во дворе, и меня позвали:

– На несколько слов, красавица.

Синеглазый Моран был не один, с ним вместе – граф, грозный Дамир Рейс. Заговорил именно граф:

– Моран сказал, ты – достойная девушка.

– А до его слов вы имели причины сомневаться?

– Ты – дочь Литлендов.

Граф не дал мне времени ответить на выпад и сразу продолжил:

– В день нашего приезда твой отец получил письмо из Фаунтерры. Мы видели, как прискакал курьер. Скажи нам, о чем письмо?

Конечно, я рассмеялась ему в лицо. Дамир Рейс оскалился, обнажив гнилые зубы.

– Твой отец и этот шакал Косс скрывают письмо, но ведут себя так, будто держат отравленный кинжал за спиной. Подают правую руку, а в левой сжимают клинок. Скажи мне, благородная, ты бы говорила с человеком, который так поступает?

«Благородную» он выцедил сквозь зубы, с презрительной насмешкой. Но и надежда промелькнула в голосе. Я растерялась.

– Мы не просим о подлости, – добавил Степной Огонь. – Лишь хотим поговорить честно. А здесь никто, кроме тебя, на это не способен.

– Не знаю, что было в письме, – честно ответила я.

Говорят, голуби влюбляются на всю жизнь, никогда не меняют пары. Я бы так не смогла. Есть чудовищная несвобода в том, чтобы принадлежать кому-то накрепко, пожизненно,

как родовое владение или лошадь, или хуже: как рука или нога. Но есть в этом также величие жертвы. Лишь сильная душа способна на такое самоотречение... и тем больше тяжесть утраты.

Перед закатом две птицы прилетели в Лейси; шурша крыльями, уселись на жердь голубятни. В иное время я бы думала о любви и о себе, о странном и страшном времени, когда стану чьей-то пожизненной голубкой. Но сейчас и птицы имели двойное дно. Герцог Уиллас прислал ответ. Паук в центре паутины подергал за нити, передавая свою волю.

Позже, когда в небе стояла луна, новые птицы вспорхнули к небу. В чем был их смысл? ...Боги, как можно так думать! Каков подтекст любви, в чем смысл птиц... Что со мною? Кем я стала?! Однако я думала именно так и понимала: смысл голубей – в их числе. Восемь.

Герцогство Литленд отделяет от Рейса священная река Холливел. На ней имеются четыре брода – я рассказывала тебе о них. При каждом броде – наша крепость. Когда хотят, чтобы известие было доставлено надежно, шлют двух голубей, а не одного. Отец отправил весть во все пограничные форты.

Мы готовимся к войне.

* * *

Что-то я делала в следующий день...

Все стерлось из памяти. Все, кроме ужина. О нем расскажу.

Граф Дамир не вытерпел, когда Косс поднял здравицу.

– Осушим чаши за наше будущее, озаренное теплом дружбы и крепкого...

Тогда граф поднялся и грохнул кулаком:

– Тьма тебя, хитрый змей! Девке своей льсти, а мне скажи прямо: принимаете союз или нет? Ни глотка с тобой не выпью, пока не ответишь.

Косс дернулся, но остался спокоен. Они с отцом, похоже, предвидели подобное. Поставил чашу, опустил руки на колени, и негромко произнес:

– Великий Дом Литленд обдумал ваше предложение, граф. Мы находим, что оно не выказывает ваших дружеских намерений в достаточной степени. Мы полагаем, будь вы истинно заинтересованы в союзе, выдвинули бы иное, более щедрое предложение. То же, которое заявлено сейчас, видится нам всего лишь формальной уступкой.

Граф посмотрел так, что даже меня пробрал мороз.

– И какой щедрости ты хочешь, шакаля душа?

– Ваши оскорбления...

– Тьма! Говори прямо, или мы уходим!

– Что ж... Мы желаем в свое безраздельное распоряжение половину Пастушьих Лугов.

На столе был огромный казан с гуляшом – горячий, толь-

ко с огня. Если бы Косс опрокинул его на голову Рейсу, облил обжигающим жирным варевом – это было бы лучше, чем сказанные слова. Пастушьи Луга – общее владение. Со времен Юлианы Великой это – столь же святая истина, как то, что мир создали боги!

Дамир Рейс стал подниматься, упершись ладонями в стол... Вдруг Моран схватил его за руку и крикнул:

– Ребекка!

Отрывисто – щелчок кнута. Стол замер, окрик парализовал всех. Лишь Моран и я сохранили способность двигаться.

– Ребекка, что было в письме?!

– Я не знаю...

И осеклась. На этот раз я лгала. Теперь – в этот миг – я знала. Что в письме. Чем северяне купили дядю-герцога. Зачем Косс потребовал условий, которые – как плевков в лицо Западу. Почему за столом сегодня целая дюжина наших воинов. Что произойдет в следующую минуту. Теперь я знала все.

Я молчала, но слов и не требовалось. Моран все прочел на моем лице. Я видела, что он понял.

– Бегите!.. – заорала во все горло.

Тогда время ожило.

На нижней стороне столешницы около места лорда Косса имеется хитрое крепление. В него зажимается взведенный арбалет и весьма удобно поворачивается на вертикаль-

ной оси. Можно нацелить под столом в брюшину любому гостю – незаметно для него.

Когда я крикнула, граф Рейс рванулся с места, выхватывая кинжал... и тут же упал лицом вниз на скатерть. Потрясенные, его шаваны потеряли секунду. А люди отца были готовы: все уже на ногах, с обнаженными клинками.

Я вскочила, отпрыгнула, зажалась в угол. Сбежать не могла: дверь – со стороны гостей. Я смотрела. Семеро шаванов и дюжина рыцарей налетели друг на друга. О, боги... Я никогда не видела настоящей схватки. Турниры, игры – сказки. В жизни – иначе.

Было быстро и страшно. Так страшно, что не могла отвести глаз. Так быстро, что ничего не поняла. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Пятнадцать человек хрипят в крови. На полу, на столе, на скамьях. Это кладбище. Это лавка мясника. Я стою в углу у окна и все еще не верю, и пытаюсь выдохнуть.

В живых остались четверо наших. Отец сжимает искровую шпагу, Косс тянет из-под стола арбалет, рыцарь с клинками в обеих руках прикрывает их. Еще один рыцарь – Гейдж – стоит передо мною, заслонив грудью. Из послов на ногах лишь один – Моран.

Идет по столу ко мне, спрыгивает. Гейдж шагает навстречу, делает выпад... охает и валится на пол. Моран стоит в паре шагов передо мною, на обоих ножах – кровь. Позади него лорд Косс скрипит тетивой. Отец кричит что-то –

слишком громко, я не слышу ни слова.

– Беги, – шепчу я, – беги.

Беги, пока шакал не взвел свой проклятый арбалет... Моран ступает мимо меня – к окну. Плечом вперед кидается в стекло.

Отец бросается ко мне, я все еще не могу разобрать его слов. Пытается обнять, ощупать, я рвусь из его рук. Подбегаю к окну, чтобы увидеть, как синеглазый опрометью несется к конюшне.

– Не уйдет, – говорит Косс у меня над ухом и наводит арбалет.

За миг до выстрела я луплю снизу по ложу. Болт уносится высоко в небо.

– Дура!.. – зло бросает Косс.

На мне хорошие башмаки. Твердая, прочная подошва. Прицеливаюсь и, что есть силы, бью его в колено. Хруст...

* * *

Гейдж умер тем же вечером.

Граф Дамир – спустя два дня. Болт пробил живот, лекари не могли ничего, кроме как смотреть.

Моран ушел. Наши не догнали его. Я смогла бы, но остальные хуже меня. Они очень старались. Погоня длилась несколько суток, а отец все слал голубей куда-то – чтобы перехватили. Но синеглазый ушел.

Говорят, в той схватке Моран убил пятерых наших. Если бы граф Дамир не получил болт, мы бы проиграли. Отец был бы мертв... возможно, и я. Выходит, что мы обязаны жизнью шакалу Коссу с его выстрелом. От этого на душе еще гаже.

Отец не говорит со мной. Считает, я его предала: сорвала их прекрасный план. Герцог велел отцу принять то, другое предложение, что было в письме. Я бы сказала об этом западникам и просила прощения, и предложила бы сойтись в поле, если их обида слишком горька. Видимо, я – крошечная дура. Ничего не понимаю в политике. Умный политик, вроде лорда Косса, поступил бы иначе. Выставить дикарям заведомо безумные требования, они расщепятся и сделают глупость, вот тогда, получив повод, начать драку. Взять послов в плен или просто перебить за обеденным столом – они же первые схватились за кинжалы!.. И графство Рейс лишится обоих вожakov, на несколько лет рухнет в смуту. Потом, возможно, морская пехота Ориджинов добьет то, что останется от Рейса. Прекрасный исход для Великого Дома Литленд, лучший и придумать сложно. Великолепный дальновидный план. Как я могла не понять?!

Кстати, Косс валяется в постели, пошевелится – орет. Коленная чашечка треснула. Хоть что-то приятное...

Мне грязно и гадко. Не могу передать. Чувство – будто стою среди площади голая, с ног до головы в навозе. Пытаюсь прикрыться. Строю смыслы один поверх другого – вто-

рой, третий, пятый... Теперь я в этом мастер. Думаю: дикари заслуживают расправы. Они убили наших воинов, убили Гейджа. Они – негодяи, разбойники, грабят и нас, и друг друга. Крадут женщин, а после продают в Шиммери, как собаку. Запад – позорное пятно на теле Империи. Хорошо, если Адриан и северяне приберут его к рукам, наведут порядок, установят законы. Прогресс не обходится без крови...

Силюсь загородить этой чушью один простой факт: мой любимый папа, тьма сожри, поступил как законченный мерзавец. Пытаюсь надстроить хоть что-то. Пусть правда будет хотя бы вторым дном, не первым.

Знаешь, ты очень помогаешь мне. Твое письмо – такое светлое. Очень правдивое, хотя в нем – лишь одна строка правды. Я тоже люблю тебя, северянка.

«Солнце моей мирской жизни закатилось»... Слова какого-то слащавого поэта. Но ты – не менестрель, ты – леди до кончиков пальцев. Что имела в виду леди, говоря о закате солнца? Не название земли... а что?

Мне кажется, я смогу понять тебя.

Я теперь стала очень понятлива.

Лишь одна Звезда

Перо

Конец июля 1774 г.

Фаунтерра и окрестности

Насыпь с рельсовой дорогой рассекает поле надвое, будто горный хребет. По сторонам от нее тянутся в два ряда клены. Их назначение – укреплять корнями насыпной грунт, а заодно скрывать от взглядов благородных пассажиров немилозвучную крестьянскую возню на полях. Впрочем, и крестьянам ни к чему лишний раз отвлекаться от праведного труда, попусту глазеть на составы...

В кленовой тени параллельно рельсам идет колесный тракт. Он размыт дождями, разбит ободами телег. Колея такая, что если угодил в нее колесом, то уже не дергайся, кати себе куда все. Ложбинкой между трактом и рельсовой насыпью ползет ручей, едва живой от июльского солнца. Весною, надо полагать, он был полноводен и дерзок, ему даже достало сил подмыть дорогу: там, где два клена сошлись ветвями, образуя арку, обочина просела, оголив корни, вгрызлась ямой в полотно тракта.

В глинистой грязи на дне этой ямы лежит труп человека.

Пятеро живых, стоящие над ним, видят лишь его спину. Тщедушная спина, узкие плечи. Коричневый сюртук, белый ворот... то бишь, был белым прежде, чем пропитался глиной. На ногах чулки и бриджи, один башмак. Затылок торчит пеньком, волосы – пакля.

Пятеро живых определенно не знают, что делать с мертвым. Это явствует из вопросительных взглядов, коими они обмениваются. Двое в синих мундирах и бронзовых шлемах констеблей стоят возле тела, постепенно вгрузая сапогами в жижу. Они смотрят на покойника с нерешительностью и отвращением: ни малейшего желания извлекать его из грязи, переворачивать лицом к солнцу и видеть, во что оное лицо превратилось. Третий человек возвышается над констеблями, стоя на тракте. На груди его камзола – два серебряных копия, перечеркнутые пером, из чего следует, что он – помощник шерифа города Фаунтерры. Защитник права и порядка, важная птица. Его каменный подбородок вздернут, а губы твердо сжаты, без слов выражая мысль: то, что здесь творится, – непорядок. Это должно быть улажено немедленно!

Двое его соседей одеты в штатское: высокий рыжий парень и темноволосый мужчина с проседью в висках. На поясе темноволосого кинжал, на лице – ироничная улыбка, совершенно неуместная в присутствии покойника. Темноволосый первым нарушает тишину:

– И все же, любезный Ферфакс, что мы, собственно, здесь

делаем?

Ферфакс – так зовут помощника шерифа – указывает на труп.

– Мертвое тело, – констатирует он.

– Сложно с вами поспорить, – отвечает темноволосый. –

Но зачем нужны мы – я и Рыжий? За каким чертом вы при-тащили нас сюда в такую жару?

– Найти убийцу, – бросает Ферфакс, хмурясь. Ему неприятно, что приходится пояснять столь очевидные вещи.

– Да-аа?.. А пять сотен констеблей больше не занимаются такой ерундой, как поиск преступников? К тому же, с чего вы вообще взяли, что этот несчастный убит?

Ферфакс делает паузу, чтобы одарить темноволосого презрительным взглядом, потом машет рукой в сторону насыпи.

– Бедняга выпал из вагона и скатился сюда. Но насыпь не такая высокая, чтобы убиться при падении. Стало быть, он умер еще в поезде. А если смерть наступила в вагоне, то как тело оказалось в ручье?! – Ферфакс победно вздымает палец к небу. – Его убили, господин Марк, а затем выбросили из вагона. Вот единственное объяснение.

Мужчина, названный Марком, убирает с лица малейшие признаки улыбки.

– Ладно, Ферфакс, я сформулирую так, что поймешь даже ты. Я служу в протекции. Наше единственное дело – обеспечивать безопасность его императорского величества. Мы не ловим преступников, не наказываем злодеев, не блюдем

справедливость. Мы находим и убираем тех, кто угрожает Династии. Вот все. А теперь скажи-ка мне, какую опасность для Короны представляет труп этого несчастного?!

– Он был выброшен из вагона, – без промедления отвечает помощник шерифа. – Его величество трепетно относится к безопасности рельсовых дорог. А этот человек убит в поезде. Вы не можете пройти мимо такого! Его величество не простит вам подобной небрежности!

– Дурак ты, – бросает Марк. – Столица кишит шпиками и слугами альмерского предателя. Мы сбиваемся с ног, вылавливая их. Император в бешенстве: альмерец бежал, его шавки на свободе, суд не может состояться. А ты тратишь три часа моего времени, чтобы показать мертвеца в ручье?! Да плевать, выпал он из вагона, рухнул с дерева или грохнулся с луны! Это твое дело – установить причины смерти и найти убийцу. И только если убийца под пытками заикнется о Янмэй Милосердной – лишь тогда ты имеешь хоть какое-то право беспокоить меня! Идем отсюда, Рыжий.

Ферфакс кричит:

– Вы не можете так просто...

Но Марк уже шагает к карете. Рыжий – его помощник – нагоняет темноволосого и говорит:

– Постойте, чиф...

– Надоели дураки, – обрывает Марк. – А еще больше – лентяи. Люди шерифа не умеют ничего сложнее, чем ловить карманников на площади! Дергают нас, когда есть хоть ма-

лейший повод. Дело имперской важности – ну, конечно!

– Чиф, я хотел сказать, раз уж потратили время на дорогу, не взглянуть ли на тело? Хоть одним глазом – может, что увидим...

– Именно так я и поступал предыдущую дюжину раз.

– Позвольте, чиф, я сам погляжу. Всего пять минут! Прощу – просто подождите. А вдруг действительно что-то важное? Мало ли, как бывает... Все равно ведь приехали!

Марк с ухмылкой качает головой. Его помощник любит покойников. Мертвое тело – всегда загадка, – так считает Рыжий. Сам же Ворон предпочитает беседы с живыми людьми.

– Приятель, я хочу добиться развивающего эффекта. Если констебли не получают подсказок, то буду вынуждены воспользоваться собственными мозгами. А это, знаешь ли, полезный навык.

– Но что, если они не справятся, чиф?

Марк уже вертит на языке очередную колкость, как тут замечает поодаль на дороге нечто любопытное. Ярдах в двадцати на юг, в направлении от города лежит в пыльной колее башмак. Лакированный, почти новый. Близнец того, что остался на ноге покойника. Марк поднимает его и задумчиво разглядывает. Наконец, говорит Рыжему:

– Ладно, вперед. У тебя есть пять минут.

И громче, помощнику шерифа:

– Вам повезло! Янмэй Милосердная только что явила мне

видение. Святая Праматерь велела помочь вам.

Рыжий сбегает с тракта в ложбину, а Марк стоит наверху, поигрывая башмаком. Спустившись, смог бы рассмотреть больше. Но там, где дело касается мертвых тел, он скорее доверяет наблюдательности Рыжего, чем собственной.

– Ну-ка, переверните его...

Слышится чавканье грязи, сдавленные проклятья констеблей.

– Мужчина лет тридцати пяти, – Рыжий добросовестно озвучивает все, что видит. – Мещанин среднего достатка. Одет аккуратно, хотя не роскошно. Безоружен. Похоже, мертв больше суток, но меньше двух. Лицо синее, опухшее. Язык выпал изо рта. На шее борозда от удавки. Ясно, что его удушили.

Пауза, Рыжий оттирает грязь с рук мертвеца.

– На ладонях ссадины, два ногтя сломаны, рукав порван. Покойный сопротивлялся, старался вырваться из рук убийц. Также на ладонях следы... следы чернил или туши. Вероятно, незадолго до смерти он писал письмо, хотя и странно, что вода не смыла чернил.

Новая пауза – Рыжий осматривает карманы.

– Никаких денег нет, хотя, судя по одежде, несколько глорий он должен был иметь при себе. Очевидно, перед смертью жертву ограбили.

– Это все, знаете, прекрасно, – вклинивается помощник шерифа Ферфакс, – но у нас самих глаза есть. Пятна чернил,

борозда на шее – это мы и сами видим. Безоружен, денег нет... Ясное дело: раз убили, то и ограбили! Ничего поинтереснее вы сказать не можете?

– Его убили не ради денег, – с некоторой обидой говорит Рыжий. – Удавка – не орудие грабителей. Нож или дубинка – это да.

– И все?.. Больше ничего не добавите?

Марк бросает Ферфаксу найденный башмак.

– Отчего же, добавим. Этот человек трудился в столичной типографии. Преступники подкупили его, дабы кое-что узнать. Возможно, содержание книги, которая пока еще не выпущена. Позапрошлой ночью они приехали за ним в экипаже, усадили в кабину и принялись расспрашивать. Он потребовал деньги вперед, они заплатили. Он стал говорить, они слушали. Тем временем карета выехала за город и двинулась по этой дороге. Едва он сказал все, что злодеи хотели узнать, они накинули ему на шею петлю и задушили. Отняли обратно свои деньги, а заодно – и те, что были у жертвы. Затем выкинули тело в ручей. Их было двое, оружия при них не было. Карета темная, закрытая, со шторками на окнах, запряженная парой лошадей. После убийства поехали дальше на юг. Желаете что-то еще узнать, господин помощник шерифа?..

Ферфакс тарашится на Марка с насмешливым недоверием:

– Может быть, еще имена убийц назовете?

– Да ладно тебе! – фыркает Марк. – Узнайте хоть что-нибудь сами! Идем, Рыжий.

Парень вылезает на дорогу, спешит за начальником, на ходу вытирая руки. Спустя несколько минут они уже катят в сторону столицы. Исторгнув могучий рев, их обгоняет поезд с гербами Литленда.

– Едва окажемся в столице, пошли человека в типографию, – говорит Марк Рыжему, когда утихает гул состава. – Черновик последнего «Голоса Короны» – мне на стол.

– Думаете, это из-за «Голоса Короны» его?..

– Конечно! Из-за чего еще?..

– Да, чиф.

– Дневную сводку прикажи подать мне к обеду, в кухню.

Похоже, другого времени прочесть ее не будет.

– Да, чиф.

– Сегодня до полуночи хочу увидеть таких людей: старших дознавателей по делу герцога Альмера – пусть явятся с докладами; алого капитана Бэкфилда, затем – Клемента и Дойла, и еще – секретаря Итана.

– Да, чиф. Позвольте заметить, с капитаном будут трудности. Он гонорист. Потребуется, чтобы вы сами шли к нему...

– Нет времени за ним бегать. Предстоит прогулочка по темницам часа на два. Потом слушать дознавателей, потом читать сводки. Сделай так, чтобы капитан явился сам. В крайнем случае, скажи ему... кто там его Праматерь?

– Люсия.

– Так вот, скажи, что я купил суку и назвал Люсией. Капитан прибежит за сатисфакцией, там и поговорим.

– Да, чиф.

– Попробую поспать до столицы. Неясно, когда еще доведется.

Надвинув шляпу на глаза, Марк откидывается на спинку. Но вскоре приподнимает поле шляпы:

– Да, и вот еще. Ты молодчина, хвалю.

– За что, чиф? Осмотр тела?..

– Осмотр так себе, не обольщайся. Ты ничего не понял из того, что увидел. Но почуял, что дело может быть важным, – и оно действительно может. Если так случится, получишь елену.

Рыжий снова благодарит, недолго молчит. Нерешительно спрашивает:

– Чиф, а не скажете ли, откуда... ну, как вы...

– Сам скажи мне.

– Ммм... вы нашли башмак. На дороге, но чуть дальше. Значит, они приехали в карете, башмак зацепился за порог и остался в кабине, когда выбрасывали тело, но потом убийцы заметили его и выкинули следом. Отсюда же ясно и то, в какую сторону ехали.

– Верно.

– Ну... Жертву удушили петлей. Кинжалы или шпаги носят все, кому не лень, но вряд ли кто-то постоянно держит в кармане удавку... Значит, к убийству готовились. Беднягу

сажали в карету уже с намерением убить. Чтобы не отмывать от крови кабину, в качестве орудия выбрали веревку.

– Дальше.

– Мертвец одет по-городскому, значит, сидел в экипаже еще в столице. Зачем убийцы привезли его сюда? Не для того, чтобы спрятать тело: можно было бросить в Ханай или оставить в трущобах на окраине... Из этого ясно, что убийцы хотели поговорить с ним по дороге. Маршрут выбрали так, чтобы все больше удаляться от людных мест, а чтобы бедняга не видел этого, зашторили окна. Пока он говорил, был жив. Как только преступники услышали все нужное, задушили его и выбросили труп.

– И это верно.

– Что работал в типографии – наверное, поняли по чернилам на его руках... но ведь вы даже не посмотрели на пятна!

– И не нужно было. Вода не смыла пятна – значит, это типографская краска, а не чернила.

– Как вы узнали, что убийц двое и без оружия? И что карета темная, без гербов?

Марк усмехается.

– Ну, будь их больше да при клинках – он побоялся бы ехать с ними. А что до кареты, неужели ты подался бы на грязное дельце в белом экипаже с золотыми вензелями?

Он вновь закрывает глаза.

Когда человек старается что-то скрыть, он применяет стратегию. Полагая, что ложь – дело непростое и опасное, не позволяет себе действовать наобум, отдаться на волю случая, хотя это и было бы лучше всего. Он силится выстроить свою речь логично и связно, забывая о том, что в обычной жизни слова простого человека полны неувязок. Смертельно боится показаться странным, вести себя подозрительно, хотя кто не ведет себя странно на допросе?

Человек, старающийся что-то скрыть, планирует свои действия, как сражение. Он выбирает тактику, продумывает пути к отступлению и обходные маневры. Его мысли так упорно заняты планированием, что взгляд становится пустым или, напротив, мучительно сосредоточенным. По одному лишь этому выражению глаз уже можно понять, что человек лжет, и даже – о чем лжет. А тактик лжи имеется несколько.

Одни допрашиваемые принимают заговорить много и без умолку, о чем попало – важном и неважном, уместном или неуместном, во всех деталях, какие смогут припомнить. Такая тактика проста: в страхе человеку легче говорить, чем молчать. Безудержный поток речи смягчает отчаяние узника, а вот дознавателя, напротив, сбивает с толку. Что в этом потоке существенно, а что нет? Что запомнить, что пропу-

стить мимо ушей?..

Другие лгут прицельно и изощренно. Изобретают сказку – как можно более гладкую, правдоподобную. Ее и выдают дознавателю, всеми силами стараясь, чтобы поверил. Люди крепкие порой готовы даже терпеть пытки какое-то время, а лишь затем – словно через силу, с болью в голосе, с ненавистью к собственному малодушию – начать излагать вымысел. Если узнику достанет хладнокровия, чтобы лгать напропа-люю, невзирая на боль и угрозы, дознаватель почти наверняка купится. Сам Марк, пожалуй, выбрал бы именно эту тактику.

Третьи упрямо молчат. Сурово, твердокаменно, наперекор всему. Когда становится невтерпеж, выкрикивают оскорбления, плюются ненавистью. К такому способу нередко прибегают дворяне, уверенные, что молчание не запятнает их чести, в отличие от вранья. Глупо. Молчание – слабейшая из тактик. Когда молчун сломается, он неминуемо скажет правду – такова уж природа. А ломаются в конечном итоге все...

Старик молчит. Собственно, не совсем старик: крепкий мужик лет пятидесяти пяти, ручищи здоровенные, как оглобли, шея жилистая, густые брови. Только волосы седые, как полотно, потому с первого взгляда он и кажется стариком. Дознаватель – Сэмми, бойкий парнишка, Марк взял его из беспризорников южной окраины – прохаживается вокруг мужика, поигрывая дубинкой. На голых голенях мужика и

на ребрах, и на скуле красуются синяки. Естественно, узник обнажен. Как иначе?..

– Дедуля, ты бы не запирался, – говорит Сэмми, – оно тогда шустрее пойдет. Думаешь, я устану с тобой? Уж поверь: не устану. Рано или поздно, а ты заговоришь, как миленький... Куда повез герцога с игр? А? Давай, старичок, давай!

Сэмми проходит перед лицом деда, и тот, изловчившись, плюет в него. Промахивается, шипит проклятье.

– Сгинь во тьму, подонок.

Дознаватель замахивается дубинкой. Марк негромко свистит. Сэмми оглядывается:

– Чиф?..

Марк требует, чтобы подчиненные звали его так. Сударь – слишком обыденно; милорд или сир – слишком помпезно, да и какой он милорд?.. А «чиф» – значит «вождь» на старо-западном наречии. Это хорошо подходит к его положению: Марк – не рыцарь, не лорд, не военачальник, но, тем не менее, вождь.

Марк пальцем подзывает Сэмми.

– Кто это?

– Джонас Холи Мартин, кучер герцога Айдена.

– Лжет?

– Молчит. Но скажет, ручаюсь! Будьте спокойны, чиф.

– Да я, как будто, и не волнуюсь, – пожимает плечами

Марк, идет дальше вдоль череды допросных. Сзади слышится глухой стук, сдавленное рычание пленника.

Допросные соединяются меж собою толстыми дверьми. Их можно раскрыть настежь, тогда крики слышны даже с дальнего конца анфилады, еще и отбиваются эхом от сводов, приобретая некий мертвенный оттенок. Недурной эффект, весьма полезен для работы. Однако если кто-то из узников заговорил по делу, дверь следует немедленно закрыть. Соседям ни к чему слышать его ответы.

Марк переходит из комнаты в комнату, думая о скуке. Нет ничего скучнее бесполезной работы. Владыке Адриану нужны доказательства, и тем более они потребуются Палате... но сам Марк не видит в них никакого смысла. Его опыт говорит: доказать можно что угодно. Нанять свидетелей, которые скажут любые слова; подбросить улики, кого угодно оклеветать, очернить. Судьи верят доказательствам и словам свидетелей, публика обожает улики и обличительные речи... Марк доверяет лишь одному свидетелю: собственному уму. Единственная улика, которую нельзя сфабриковать, – это умозаключение. Единственное непогрешимое доказательство – логика. Все прочее – шелуха.

Марк проходит поочередно двух лакеев (один рыдает и молится, второй, кажется, лишился чувств), стражника (неумело лжет, дознаватель не верит ни единому слову), горничную (скороговоркой лепечет что-то, слезы ручьями по щекам и шее). Марк кривится. Мерзость – допрашивать девушку... тем более, безо всякой пользы. Дознаватель, однако, полон вдохновения:

– Вы только послушайте, чиф! Она слышала, а потом и видела, понимаете! Подсмотрела в замочную скважину...

Дознаватель с восторгом излагает, как кто-то из еленовцев переспал с кем-то из южных софиек. Еще в июне, во дворце, в гостевых покоях. Пересказывает подробности, какие запомнила горничная... Марк пропускает все мимо ушей.

– Запиши и отпусти ее, наконец. Когда уйдет, сожги запись.

– Что?.. Как?..

Марк ленится отвечать. В следующей допросной Хряк – сынок мясника – возится с посыльным герцога Альмера. Посыльный твердит, что не знал ничего о содержании писем, только доставлял и все, Праматерью клянусь! «Нет у тебя Праматери», – бросает Хряк и тычет посыльного раскаленным прутом. Тот, ясное дело, орет. Хряк жесток и туп. Он допрашивает ради удовольствия, а не для результата. Марк бы с радостью избавился от него, да только где возьмешь других? На эту работу такие, в основном, и идут.

Марк тычет Хряка под ребро:

– Составь полный список всех его поездок и адресатов. С начала июня по нынешний день. Это понадобится.

– Эээммм... чиф... я, эээ... – Хряк чешет затылок. Он с трудом пишет даже собственное имя.

– Трудись, давай, – говорит Марк и идет дальше.

Пустота, скука. Зачем вообще нужен суд? Айден бежал, владыка знает о его вине, и Марк знает. И сам Айден знает,

что они знают, – потому и сбежал. Допросы, разбирательства – долгое, трудное, жестокое и совершенно пустое дело. Что бы ни постановили высокие судьи, имперские искровые войска все равно осадят Алеридан, а герцог со своим гарнизоном все равно станет биться насмерть, как раненый тигр...

Марк шагает обратно, в допросную с герцогским кучером. Все-таки седой дед интереснее прочих. Когда Ворон входит, Сэмми подхватывается навстречу:

– Все молчит, чиф. Но я справлюсь, обещаю!

Сэмми – еще не законченный подонок. Редкость для дознавателя.

– Постой-ка в сторонке и послушай.

Ворон придвигает табурет, садится, глядит в лицо седому кучеру. Тот отвечает на взгляд, сверкая ненавистью в зрачках. Занятно: на Марка он смотрит с большей злобой, чем на Сэмми, хотя Марк даже не притронулся к дубинке. Сэмми моложе, он почти годится кучеру во внуки...

– У тебя ведь нет детей, правда? – говорит Ворон узнику. Тот фыркает в ответ:

– Какое тебе дело?!

Но брови дернулись вверх – кучеру действительно интересно, какое Марку дело. Сэмми не спрашивал узника ни о детях, ни о нем самом. Лишь о его хозяине – опальном герцоге Альмера.

– Нет детей, но прежде были, – говорит Марк. – Ты – серьезный человек, обстоятельный. Обзавелся семьей, родил

детей, а потом...

– Заткнись! Не суй свой нос, понял?! – рычит кучер.

Марк пожимает плечами:

– Ну, нет – так нет... Давай-ка я о себе расскажу. Моя дочурка – Лиззи – она знаешь, на кого похожа? На черного котенка. У нее волосы темные, как смоль, и глазища огромные, что монетки. Если ей любопытно, она смотрит вот так, не отводя взгляда, и чуть головку наклоняет. Говорит: «Пап, а пааап... ну скажи мне, почему солнце – то есть, то нету? Куда оно ночью девается?» И глядит, пока не отвечу. А когда слушает, то кончик мизинчика в рот кладет – вот так.

Марк показывает. На разбитых губах кучера висит очередное проклятье, но не срывается. Висит, висит. Узник глядит на Марка со страданием и горьким любопытством. Нежность Ворона к дочери причиняет узнику боль.

– Видишь ли, Джонас, – говорит Марк, – пока не родилась Лиззи, я не знал, как можно любить чужих детей. Ну, в смысле, они же тебе никто, с чего их любить-то? Но вот теперь переменилось. Когда вижу ребенка – так и хочется заговорить с ним, угостить чем-то, хотя бы просто по волосам потрепать. И в сердце теплеет. Верь или не верь, но теплеет. Если бы – спасите, боги! – Лиззи умерла, я бы нанялся служить господину, у которого есть маленькие дети. И всего себя им бы отдал... Ведь что еще светлого на свете осталось бы? Только они.

Кучер дышит тяжело и прерывисто. Марк понимает, что

седовласый мужик пытается удержать в груди стон.

– У герцога Айдена, – говорит Ворон Короны, – трое детей. Малютка Альберт – милый, тихонький мальчонка. Среднему Альфреду уже пятнадцать, он прекрасно владеет шпагой и всюду упражняется с рыцарским копьем. Ну, а леди Аланис – о ней и говорить нечего, это подлинная драгоценность.

Марк ждет момента, когда кучер не сдержится, и этот момент наступает при звуке последнего имени: узник тяжело вздыхает.

– Я соболезнаю, – говорит Марк, – сочувствую тебе, Джонас. Беда в том, что мне ведь плевать на твоего хозяина. Вина герцога доказана, ему не отвертеться. Я хотел говорить о леди Аланис – это ее судьба на повестке дня.

– Она невиновна! – кучер едва не срывается в крик. – Отстаньте от нее, отлепитесь! Ее светлость ничего не знала, ни в чем не участвовала! Ты говоришь, любишь дочку? Вот и скажи: ты бы впутал ее в эту мерзость, которой сам занимаешься?!

– Пожалуй, что нет... – неторопливо отвечает Марк.

– Так отстань от ее светлости! Делай со мной, что хочешь, хоть шкуру спусти, я тебе ничего о ней не скажу. И не потому, что упрям, а потому, что нечего сказать! Она ни в чем не замешана, ни в чем!

– Понимаешь, – Марк говорит с сочувствием, – дети растут быстро. Моя Лиззи еще вчера, кажется, ползала на колен-

ках, и, чтобы встать, брала меня за палец всей ладошкой... А сегодня у нее на подоконнике нахожу грязный след. Почему бы? Да потому, что вылезала в окно. А это зачем? Затем, что какой-то мальчонка к ней прибежал – представляешь? Я это к тому говорю... с чего ты взял, будто все знаешь о леди Аланис?

– С того, что когда ее светлость хотела с кем увидаться, то всегда брала меня, вот с чего! И когда обидел ее один, то рыдала в карете, а я на козлах сидел и все слышал. Ее светлость очень редко рыдала, не тот она человек. Но если уж плакала, то в карете, а не дома – так, чтобы никто не слышал... один я, понимаешь?! И когда с подружкой своей северной секретничала, то тоже меня не стеснялась – сидели в кабине, шептались, я бы все слышал, если б захотел! И если злилась на кого, то велела мчать, как ветер, и я мчал, а ей было мало, и она лупила кулачком в стенку... А ты говоришь, не знаю ее!

Кучер медлит, переводя дух, а потом добавляет:

– Если уж так тебе нужна девица-заговорщица, то подумай про эту рыжую сучонку.

Марк приподнимает бровь, а Сэмми аж подается к узнику. Марк жестом велит ему молчать.

– Про рыжую?..

– Дочь Медведицы. Это с нее вся дрянь началась, из-за нее все пошло боком! Твой... – кучер мечет взгляд в сторону Сэмми, – твой сынок спрашивал, куда его светлость ездил с игр. Так я тебе скажу, куда. Эта медвежья сучка его

шантажировала, вот куда. Она ему подкинула записочку, и милорд велел подать карету. Когда сел в кабину, то записку комкал в ладони и злился. А потом привели ее – эту рыжую. Она села, они поговорили. Конечно, я не слышал, о чем, хотя и мог бы. Потом она вышла – довольная такая. А его светлость – темнее тучи. Рыкнул: скачи давай. И мы поскакали. Знаешь, куда?

Марк качает головой.

– К Ушастому, вот куда. Это главный шептун его светлости. Ты не надейся, не поймаешь: Ушастый давно уже смылся из столицы. Поговорил его светлость с ним, а потом вызвал к себе капитана Дермота. Его-то ты знаешь: командир над герцогскими гвардейцами. Велел снова: скачи. Но не как попало, а так, чтобы мимо особняка Лабелинов. Понял? А проедешь особняк – встань на пригорке, оттуда хорошо всю усадьбу видно... Встал я, там они с Дермотом, значит, и беседовали...

– И что все это значит? – Марк невинно взирает на кучера.

– Дурак, что ли? – фыркает Джонас. – Рыжая сучка – дочь Медведицы! Она же северянка, ненавидит Лабелина! Нашла против его светлости какую-то дрянь и шантажировала, чтобы руками его светлости изжить Лабелина со света! Вот тебе заговорщица! Ее бери, а от леди Аланис отстань.

Марк улыбается.

– Чего скалишься? – зло фыркает кучер. – Не веришь, что ли?

– Напротив, очень даже верю. Ай да Глория!..

Марк поднимается. Сэмми пялится то на него, то на ку-чера, и все не может вернуть на место отпавшую челюсть. Марк аккуратно вынимает из ладони Сэмми дубинку.

– Ты этой штуковиной пореже пользуйся. Если хочешь в жизни чего-то добиться, вообще забудь про нее. Ага?..

– Чиф... да, чиф, конечно...

Сэмми, наконец, собирается с мыслями и принимается та-раторить:

– Что прикажете, чиф? Мне изложить все в донесении, или вы сами доложите?

– Кому доложу?..

– Его величеству, конечно! Ведь это же... вы же, чиф, вы же просто сокровище выкопали! Как вам это удалось?! За десять-то минут! Дочь Медведицы покушалась на Лабелина – это же как гром будет!

Марк усмехается:

– Забудь, чепуха.

– Как? Почему?..

– Да потому, что Лабелин жив. Глория сперва выпустила в него стрелу, а потом одумалась и сама же перехватила. За что прикажешь ее судить? За ненависть к правителю Южно-го Пути? Ну, парень, если это – преступление, то весь Север Империи надо превратить в одну большую каторгу.

– Но, чиф, она же... что же нам, просто забыть?..

– Именно, Сэмми, в самую точку. Ты об этом забудешь

сразу, как только я выйду из допросной. – Тон Ворона Короны становится внезапно серьезным. – А если вдруг когда-нибудь ляпнешь хоть слово – окажешься на месте этого кучера. Тебе ясно?

Дознаватель ошарашено кивает. Марк уходит, не сделав даже попытки объяснить свое решение.

* * *

Во дворце Пера и Меча проживает около шестисот человек, еще не менее пятисот бывают здесь ежедневно.

Император Адриан Ингрид Элизабет стоит на вершине пирамиды. Ступенью ниже – его нареченная невеста леди Минерва Стагфорт, генералы Серебряный Лис и Уильям Дейви, а также советники из высшей знати: графиня Нортвуд, герцог Фарвей, граф Шейланд. Ниже – восемь министров; за ними – шестнадцать старших чиновников на имперской службе, в их число входит и Марк. Ниже – имперская канцелярия: могучая махина, склепанная из десятков секретарей, счетоводов, надзирателей, управителей, эмиссаров. Хорошая половина постоянно находится в разъездах, контролируя дела в той или иной части Земель Короны, но вторая половина – здесь, во дворце, переписывает слова с бумаги на другую бумагу, а оттуда – на третью... Ступеньку под канцелярией занимает лазурная гвардия, на полголовы ниже стоит алая. Далее – жены, дети, братья и сестры, альте-

ры и альтессы всех, названных выше. Под ними лежит фундамент пирамиды – сотни слуг всех мастей: лакеи, конюхи, горничные, повара, привратники, прачки, садовники... Окинуть единым взглядом это грандиозное строение почти невозможно – сродни попытке сосчитать насекомых в муравейнике. Тем не менее, первейшая задача Марка – держать под наблюдением каждый отдельный кирпичик.

Он обедает в кухне южного крыла, вместе с челядью. Есть свои преимущества в простом происхождении. Будь Марк дворянином, не мог бы сесть за один стол с поварами и служанками... и лишился бы полезнейшей возможности слушать все, о чем болтает эта братия.

Марк ежедневно раздает несколько елен серебром многочисленным шептунам. У него имеются шпионы среди гвардейских оруженосцев и конюхов, среди писарей канцелярии, генеральских адъютантов и графских слуг, среди любовниц чиновников и горничных нареченной невесты. Марку удалось купить двух человек из свиты Фарвея и одного – из свиты Шейланда (этот почему-то обошелся особенно дорого)... Тем не менее, все платные шпионы вместе взятые приносят едва ли больше сведений, чем досужая болтовня слуг за обедом.

К тому же, в кухне южного крыла весьма вкусно кормят: как никак, объедки со стола самого владыки. Сегодня – салат из перепелиных яиц с маслинами и виноградом, форель

в сливочном соусе, пироги с пряным шиммерийским сыром. Остальные девять блюд уже расхватали: Марк явился слишком поздно. Слуги давно покончили с обедом и закутились в вечерней кутерьме. Кухню наполняют запахи ванили и корицы, тертого яблока и яичного крема, мандариновой цедры, сахарной пудры и еще не пойми чего чертовски аппетитного. Готовится императорское чаепитие.

– Их величество изволят чаевничать наедине с госпожой, – сказала повариха Берта, выставляя на стол лакомства, которые приберегла для Марка. – А госпожа любят сладенькое, вот и стараемся. Уж она порадуются сегодня, пальчики оближут!

Марк улыбнулся в ответ:

– Не сомневаюсь в твоих талантах, Берта.

– А то! Ведь это, знаешь ли, не просто так, а дело чести. Сладости будут, каких госпожа у себя там на Севере в жизни не нюхали!

– Затронут авторитет Короны? – понимающе кивнул Марк, уплетая сырный пирог.

– Не только авторитет, дорогой мой, а и сердечный интерес, так то!

Берту несказанно радуется мысль о том, что его величество наконец-то женится. Повариха вряд ли хоть раз видела леди Минерву Стагфорт, однако заочно обожает ее, называет не иначе как во множественном числе. Кого попало их величество не выбрали бы, так то.

– Приходи сюда к полуночи – ахнешь, какая вкуснятина будет!

– Благодарю за приглашение...

– Пф! Не «благодарю», а возьми и приди! И барышню приводи, если нашел... – Берта досадливо скривилась. – Хотя, какая у тебя барышня!.. От тебя не дождешься.

– Ммм... угу... – мурлыкнул Марк с набитым ртом. – Почему в полночь-то?.. Так поздно?

– Как у их величеств закончится – так у нас начнется.

– Ясное дело, но чаепитие начинается в девять. Думаешь, продлится долго?

Берта подмигнула:

– Так ведь они вдвоем с госпожой будут, без никого больше. Куда им спешить, коли они вдвоем, а?

Вот вам и выгода кухонных бесед! Даже от поварихи можно узнать полезное.

– Постой-ка, Берта. В протоколе значились еще приглашения для графини Нортвуд и генерала Дейви. Я его нынче утром своими глазами читал.

– Читал – перечитал, тоже мне!.. – фыркнула Берта. – Людей слушай, а не бумажки читай. Медведица отказалась, голова у нее. А генерал решил, что третьим быть не годится, и тоже, значит, извинился. Их величество ужинают наедине с госпожой.

Впервые, – отметил мысленно Марк. Что ж, леди Сибил знает свое дело: весьма вовремя у нее разболелась голова.

– Кстати, о чтении... Твой Рыжий вот это принес для тебя, – Берта подсунула ему пухлый конверт без надписей. – Ты ж не читай, пока не доешь, а то подавиться недолго! Засиделась я с тобой, побегу...

Повариха вернулась к делам, а Марк вскрыл конверт. Дневная сводка – заметки о том, что видели его многочисленные глаза. Большая часть – чушь: стараясь набить себе цену, некоторые шептуны доносили обо всем подряд; другие просто не могли отличить важное от неважного. Но встречались и жемчужины: чтобы распознать, нужно чутье. Марк жевал и скользил глазами по листам, с полувзгляда отбрасывая шелуху. Повздорили... подрались... разжился деньгами... переспали... пойман пьяным и высечен... украдкой читала письмо... поглядел на графиню искоса... потерял бумагу из архива... сказал, что его величество...

В кухню ворвался капитан алой гвардии сир Кройдон Бэкфилд. Подлетел к столу, гремя шпорами, пластинчатой броней и всем остальным, чем может греметь гвардеец в полной амуниции.

– Встань, мерзавец! Ты оскорбил мою честь, я требую удовлетворения!

Марк подвинул капитану блюдо с рыбой:

– Может, лучше вы сядете, сир? Форель вкусная, угощайтесь...

– Да как ты только!.. – Капитан чуть не задохнулся от гнева. – Чтобы я жрал объедки вместе с челядью?! Да за одно

это тебя нужно...

– Ну, как хотите, – пожал плечами Марк. – Но если на то пошло, вы прибежали в кухню, чтобы вызвать на дуэль простолюдина. Ваша дворянская честь и так уже в дерьме. Съешьте форели – хуже не станет.

Бэкфилд схватился за меч и замер, выдвинув из ножен на дюйм. Было заметно: капитан не знал, что делать дальше. Зарубить одного из доверенных людей владыки прямо во дворце – такой вариант отпадал, даже при всей его заманчивости. Вызвать на поединок? Незаконно в Землях Короны и, что важнее, весьма унизительно. Рыцарь не должен биться с простолюдином.

– Вот-вот, – примирительно сказал Марк, – лучше спрячьте оружие и объясните, в чем я провинился.

– Еще спрашиваешь! – снова взвился Бэкфилд. – Ты назвал свою собаку славным именем Праматери моего рода!

– Люсия?.. – округлил глаза Марк. – Собаку?

– Думаешь, это смешно?! Я проучу тебя за такие шутки!

– Смешно?.. – Марк хохотнул. – Да, таки забавно. Но я этого не делал. У меня и собаки-то нет...

– Твой Рыжий сказал...

– Он соврал.

– Соврал?!

– Да, сир. Он не дворянин, ему простительно.

– Скоморохи!.. – выплюнул капитан и повернулся, чтобы уйти.

– Погодите, сир. Позвольте спросить.

– С чего мне отвечать тебе?

– Вы хотя бы послушайте вопрос, а там может и будет желание ответить. Видите ли, в типографии случилось убийство.

– Мне-то что? Алая гвардия не охраняет типографию!

– Вы давеча заявили владыке, что протекция – бесполезная стая шакалов, ее стоит разогнать, а безопасность Короны всецело поручить заботам гвардии. Вы даже рвались делом доказать это мнение.

– Я так считаю! – выпятив подбородок, отчеканил капитан. – И что?

– Ну, я подумал, вдруг вы, сир, проявили инициативу и взяли под свою опеку такое ценное для Короны учреждение, как типография...

– Зачем бы это? Не было приказа, чтобы...

Бэкфилд осекся. До него внезапно дошла вся выгода подобной инициативы. Взять под охрану типографию, а затем невзначай доложить владыке: протекция, мол, не смогла уберечь Голос Короны от посягательств, допустила преступление, но все уже под контролем бравой алой гвардии! Ваше величество может не опасаться...

– Убийство, говоришь?

– Позапрошлой ночью.

– Кто убит?

– Не знаю. Рыжий должен выяснить.

– А мотив?

– Пока неизвестен...

Марк изобразил неосведомленность. Капитан Бэкфилд, как мог, скрыл интерес:

– Ладно, Ворон, это твое дело. Меня не касается.

Он ушел. Марк не сомневался, что уже завтра все гвардейцы роты Бэкфилда, не занятые в дворцовых караулах, будут рыскать коридорами типографии. Собственно, к этому результату Марк и стремился. Две выгоды: во-первых, если служащие типографии действительно повадились продавать сведения, то каменные рожи гвардейцев отобьют у них такое желание; во-вторых, пусть лучше Бэкфилд следит за типографией, чем за Вороном Короны и его агентурой.

Проводив гвардейца, Марк вернулся к пирогу и записям. Он успел проглотить два куса и пробежать глазами полстраницы (герцог Фарвей прогнал секретаря... леди Катрин Катрин гуляла в саду вместе с...), когда его вновь отвлекли. Перед Марком возникли два старших дознавателя по делу герцога Альмера и принялись пересказывать то, что Ворон уже слышал в допросных камерах. Одни узники признались в соучастии, другие выдали третьих, четвертые сообщили массу сведений, порочащих герцога и его дочь... Марк вновь ощутил скуку и целиком отдался поглощению пищи. Однако встрепенулся, услышав число:

– Шестьдесят пять человек?.. Что, правда?

– Верно, чиф. Кроме явных слуг и охранников герцога

Альмера, схвачено уже шестьдесят пять его тайных агентов. И это еще не все. Надо полагать, человек двадцать осталось. Желаете увидеть список?

Марк пожелал. Пробежал глазами листы. Подумать только: какая многочисленная, ладно сплетенная сеть! Он ощутил уважение к мятежному герцогу. Шпионы Айдена в итоге сделали свое дело: кто-то из них вовремя предупредил хозяина об опасности, и тот успел бежать из Фаунтерры. Не будь шпионов, Айден Альмера и его великолепная дочь уже озяряли бы своим блеском пыточные камеры.

Марк вернул список дознавателям:

– Значит, так, парни. Есть задание на ночь. Перечитайте все материалы, собранные против этих шестидесяти пяти. Отберите всех, против кого улики недостаточно сильны. Используйте для оправдания любую зацепку: несвязный донос, неочевидные улики, нет конкретной сути преступления – что угодно. К утру всех, кого можно хоть как-то оправдать, – на свободу. А их список – мне.

– На свободу, чиф?..

– Конечно! Готовая сеть из полусотни человек, которые станут бесплатно шпионить хоть за родной матерью, лишь бы я не отдал их под суд! Разве не расточительство – гноить их в темнице?

– Понимаем, чиф.

– И чтобы ни в одной следственной бумажке не осталось ни слова об этих людях, ясно? Должен существовать лишь

один список – тот, что утром окажется в моем столе.

– Так точно.

– Вы свободны, парни.

Он опустил глаза в сводку. Там было нечто... промелькнуло необычное, занятное. Крупица смысла. Из архива пропала бумага...

– Д...доброго вечера, сударь, – с легким заиканием сказал следующий посетитель.

* * *

Итан Гледис Норма, сутулый бледный дворянчик, пятый секретарь его величества – один из полезнейших агентов протекции. Его ценность – не в гибком уме, не в богатом запасе знаний или завидной исполнительности, хотя всем этим Итан наделен с лихвой. Подлинное преимущество заики – его пушистая, зефирная безобидность. Даже среди мальчиков-семинаристов едва ли сыщешь настолько неопасное создание. В силу этого качества никто из вельмож не принимает Итана всерьез. Однако, будучи дворянином и имперским секретарем, он вхож в их круг, может говорить с кем угодно и о чем угодно, не вызывая никаких подозрений. Леди Сибил Нортвуд и ее умница-дочь – далеко не единственные, кого обманула беззубая внешность Итана.

– В...вы вызывали меня, сударь.

– Ага.

– Жду в...ваших распоряжений.

Марк отмахнулся.

– Я не за этим... Это ты хотел со мной поговорить. Парни докладывали, что ты уже два дня рыщешь по моему следу, как голодный волк. Ну вот, теперь мои уши в твоём распоряжении.

– Ммм... сударь, я излагал письменно...

– Ага, ты передал мне три бумаженции, которые я сжег. Никогда не пиши такой ерунды. Это – готовая улика против тебя. Если есть желание городить чушь – городи вслух, не на бумаге.

– Сударь, так вы читали?..

– Читал, читал. У меня, знаешь ли, возник логичный вопрос: зачем?

– П...простите, сударь?

– Ну, зачем ты это написал, а? Какую цель преследуешь?

Итан глубоко вдохнул:

– Леди Глория Нортвуд в беде. Мы должны помочь ей.

– Повтори-ка еще раз.

– Мы должны спасти леди Глорию Нортвуд.

Марк отложил вилку, промокнул салфеткой губы, почесал подбородок. Внимательно поглядел в лицо секретарю: пушок на щеках, хмурые складки на переносице.

– То есть, ты с полной серьезностью?

– Да, сударь.

– Спасти леди Глорию от... ее собственной матери, верно?

Каковой матерью является графиня Сибил Нортвуд – хозяйка половины Севера?

– Д...да сударь. В...видите ли, с леди Глорией приключилось нечто очень скверное. Когда вы навещали ее, она б...была тяжело больна, вы сами так сказали. Но на следующий день – внезапно, срочно, ни с кем не прощаясь! – леди Глория отправилась в монастырь, где останется, видимо, до конца своих дней. Перед этим она отправила лишь короткую записку леди Ребекке Литленд...

– А ты хотел, чтобы тебе? – усмехнулся Марк. – При чем длинную и про любовь, а на обороте – алое сердечко?

Итан промямлил:

– Я н...не о том, сударь.

– Чиф.

– Да, чиф. Эта записка – очень странная, как и все обстоятельства. Леди Глория никогда не была особо н...набожна, но вдруг исчезает в монастыре. Накануне в...вы сами видели и леди Глорию, и ее мать, но никто из них н...ни словом не обмолвился о намерении... В день, когда леди Глория и...исчезла, у них в гостях б...был приарх Галлард Альмера. Ч...что он там делал? Связан ли к...как-то с решением?..

Все это Марк слышал уже не раз: сперва от своей агентуры, затем – читал в записках самого же Итана. Однако он дал секретарю возможность выговориться.

– П...потом, прощальная записка, которую отправила леди Глория. Она скупа, безэмоциональна, холодна. Ни капли

иронии, х... хотя вы же прекрасно знаете: у миледи отличное чувство юмора! Почерк леди Глории, но писала будто не она, а кто-то другой.

– Откуда знаешь?

– Леди Ребекка показала мне письмо...

– То есть, ты допрашивал Ребекку Литленд? Стало быть, Литленды знают, что ты копаешь под Нортвудов?

– С... сударь, я с... смотрю на это с другой точки зрения...

– Я прекрасно знаю, с какой. Юная леди страдает от самодурства матери. Томится, бедняжка, в монастыре, вдали от жизни, а ты – герой-избавитель – спасешь ее. После чего прелестная леди, конечно, бросится тебе на шею и вспыхнет страстью. Верно излагаю?

– С... сударь...

– Помолчи. Теперь я выскажусь. Твоя расчудесная леди Глория, нежный северный цветочек – прирожденная интриганка. Нашла способы разделаться с двумя великими лордами, скормила протекции первого советника Короны, обыграла в стратемы самого императора. При этом рученьки ее остались беленькими, чистенькими. С другой стороны, ее матушка – Леди-Медведица, воплощение харизмы, один из самых влиятельных феодалов Империи, посаженная теща владыки. Дорогой мой, ты действительно хочешь всунуться в склоку между этими двумя дамами?

– Н... но сударь...

– А еще южная очаровашка Ребекка. Как мило, что вы

вместе разыскиваете ее подружку!.. Бекка – племянница герцога, помнишь об этом? А самого герцога Литленда ты часто видишь во дворце? Нет?.. Знаешь, почему? Потому, что северяне оттеснили южан в глубокую тень! А когда Литленд узнает от племяшки какую-нибудь пакость о Нортвудах – потвоему, как он поступит?

Лицо Итана покрылось пятнами, он давно уже не смотрел в глаза начальнику. Однако, выслушав, заговорил с прежней решимостью:

– С...сударь, я хочу всего лишь понять и разобраться. С леди Глорией случилось нечто странное и загадочное. Р... разве не вы сами говорили, что любая странность должна привлекать внимание? Первый признак опасности – необъяснимые поступки. Р... разве не вы учили меня?

– Четыре, – пожал плечами Ворон Короны.

– Четыре чего?

– Веских и вполне объяснимых причины для графини Сибил отправить дочку в монастырь. И это навскидку, а можно и еще найти. Первая: Глория пользовалась немалым успехом при дворе. Просто-таки вознеслась к зениту славы. Тем временем леди Сибил прочила за владыку свою протезе – Минерву Стагфорт. Сделать императрицей дочку она не могла: Глория не настолько высокородна. Но успех Глории вполне мог испортить всю игру и отвлечь внимание владыки от Минервы. Графине это ни к чему.

– Но п...почему тогда просто не отослать...

– Вторая причина, – перебил Марк. – Глория упряма. Она вела расследование заговора вопреки приказу матери. Ей даже удалось раскопать тайный союз самой леди Сибил с Эрвином Ориджином. Ни одна мать не придет в восторг от подобного непослушания дочки. Третья. Глория была тяжело больна, снадобья и лекари не помогали. Близкий друг леди Сибил – архиепископ Галлард – сказал: я буду молиться за нее. И молился, и Глория выздоровела. Тогда приарх заявил: коль боги помиловали девочку, теперь ее жизнь принадлежит им, правильно будет посвятить себя служению. За скобками, конечно, остается обида Галларда на северянку, отвергшую его сватовство... Ах, ты не знал?.. В твоём отчете за тот день значилось лишь то, что Глория на час опоздала на встречу. В этот час, да будет тебе известно, к ней сватался его светлость приарх Альмера. Глория отшила его и сбежала на свидание с тобой. Да, можешь потратить минутку на самодовольство, я подожду.

Итан залился краской, словно вареный рак. Марк с улыбкой добавил:

– Четыре. Глория Нортвуд манипуляцией заставила Айдену Альмера подготовить убийство герцога Лабелина. Чем-то ей этот жирдяй не понравился... да чего греха таить, мне он тоже не особо по душе. Но видишь, какая штука: графиня Сибил, полагаю, предпочла бы сохранить за собой исключительное право казнить и миловать врагов Дома Нортвуд. А когда семнадцатилетняя дочь вытворила такое за спиной у

матери – это, знаешь ли, немного обидно. Самую малость.

Секретарь выглядел удрученным, но все еще не сломленным. Марк с расстановкой произнес:

– Есть и пятый вариант. Он, боюсь, тебя расстроит. Леди Глория умерла. Когда писала записку, она знала, что это неизбежно. Солгала про монастырь, чтобы пощадить чувства Бекки.

Итан вздрогнул.

Помедлил, сказал твердо:

– Н-нет, сударь. Этого не было. Графиня Сибил не выглядит как мать, потерявшая единственную дочку. Говорит о Глории почти без грусти.

– Постой-ка... – прежде разговор забавлял Марка, но сейчас он ощутил гнев. – Постой-ка, приятель. Хочешь сказать, ты расспрашивал об этом инциденте саму леди Сибил?

– Да, сударь. Сегодня. Я собирался вам доложить...

– Какова наша цель?

– Простите?..

– Назови главную задачу протекции.

– Безопасность императора.

– Еще раз!

– М...мы защищаем его величество Адриана!

– Ну и как, тьма тебя сожри, ссора с Великим Домом Нортвуд способствует безопасности императора?!

Итан выпучил глаза и не нашел ответа. Марк саркастично хмыкнул.

– Так я и знал. Тебе даже не хватило ума посмотреть с этой стороны. Ах, любовь... Согласно законам Империи, графиня Сибил в праве распоряжаться жизнью своей дочки любым способом, за исключением убийства. Если Медведица решила отправить Глорию в монастырь или выдать замуж за свинопаса, или сделать горничной, или отдать бродячему цирку – она может сделать это. Единственный в мире человек, кто может потребовать у нее отчета, – ее лорд-муж Элиас Нортвуд. Если ты или я, или сам владыка Адриан сунут нос в ее семейные дела, Медведица рассвирепеет – и будет права! Понятно?

– Д...да, сударь.

– Чиф.

– Да, чиф.

Марк подвинул ему утешительный кусок пирога. Парень влюблен, потому глуп... но его благородный порыв заслуживает если не уважения, то хотя бы сострадания.

– Давай-ка я отвлеку тебя. Твоим мыслям нужен предмет получше, чем любовные страдания. Прочти вот это и скажи, что думаешь.

Ворон Короны ткнул в сводку – тот ее абзац, где говорилось о бумаге, пропавшей из архива. Итан прочел, недоуменно глянул на Марка.

– П...простите, чиф, к...какое это имеет значение? Нумерация бумаг в архиве н...нередко нарушается. Служки бывают небрежны. Старший архивариус наказывает их, но...

– Прочти еще раз, внимательно.

Итан прочел, пересказал своими словами:

– С...служитель архива Грэм искал по просьбе одного дворянина из Надежды грамоту о пожаловании ленного владения. Такие бумаги пронумерованы и хранятся в ящиках согласно землям и датам. Просматривая нужный ящик, Грэм заметил, что пропущен один номер. За грамотой номер сто двенадцать от месяца апреля шла с...сто четырнадцатая. Грэм доложил старшему архивариусу Хэммилу, а тот – вам. П...простите, чиф, но сбой нумерации – ерунда. Я ч...часто видел такое. Просто сунули бумагу не в тот ящик.

– Ничто нестораживает?

– Нет, чиф.

– Старший архивариус Хэммил – самый дотошный и аккуратный человек на свете. Если он пожаловался нам, значит, прежде уже перерыл весь архив от стены до стены и нигде не нашел грамоту. Она не попала в другой ящик, она вообще исчезла.

Итан молчал.

– Не понимаешь?.. Идем. Хочешь знать, куда? В архив, конечно... Благодарю, Берта! Все невероятно вкусно! – воскликнул Марк, выходя из кухни. Секретарь поспешил следом.

– Странности привлекают внимание, как ты и говорил. Я вижу четыре причины сослать Глорию Нортвуд в монастырь, но ни одной – чтобы украсть ленную грамоту из имперского архива, – пояснял Марк на ходу. – Если грамота касается твоего собственного лена, то у тебя имеется копия. Коли потерял копию, можешь заказать в архиве, чтобы восстановили. А если грамота о чужом владении, то зачем она тебе?

– Кто-то захватил чужую землю и выкрал документ, чтобы владелец земли не подал в суд, – предположил Итан.

– Ерунда. Уважающий себя лорд в такой ситуации не побежит в суд, а соберет воинов и задаст жару захватчику. А если не справится, то пойдет с жалобой к сюзерену. Сюзерену же вовсе не требуется сверяться с имперским архивом, чтобы вспомнить, где чья земля. Сюзерен хорошо знает, чем владеет каждый его вассал.

– Хм... – сказал Итан.

– Вот именно, хм, – подтвердил Марк.

Они вошли в Святилище Пера. Стояли уже сумерки, однако архив продолжал работу и после заката. Было немногочисленно: горстка посетителей из числа работников имперской канцелярии, несколько служителей архива. Старший архивариус встретил Марка с неожиданным воодушевлением, едва ли не с улыбкой на лице:

– Не ожидал, сударь, что вы среагируете так быстро! Думал, вы сочтете это мелочью...

– Для нас нет мелочей. Бдительность превыше всего, милейший! – гордо задрал подбородок Марк. Архивариус не уловил иронии.

– В ваших словах – святая истина, сударь. Я готов подписаться под каждой буквой! Если мы позволим себе не замечать мелочей, то погрузимся в умственную лень и превратимся в глиняных истуканов. Нет, сударь, порядок должен быть во всем: в каждой бумаге, фразе и слове. Это дисциплинирует разум, приучает его к прилежному труду.

– Да-да, и я о том же, – кивнул Марк. – Покажите ящик, о котором идет речь.

Хэммил повел гостей во внутренние залы Святилища. Но прежде Марк поймал за плечо одного из младших служителей:

– За полчаса собери здесь всех своих коллег. Всех до единого, кто есть во дворце.

Парень был новеньким. Недоуменно округлил глаза:

– Сударь, простите, кто вы?

– Карrrrrr! – гортанно выкрикнул Марк.

– Делай, что сказано, – потребовал Хэммил.

Парень отправился выполнять приказ. Марк и Итан в сопровождении архивариуса углубились в бумажную сокровищницу. Шагая между рядов полок, маркированных латунными табличками, Хэммил говорил:

– Вчера после полудня к нам пожаловал барон Рэдлейк из Надежды и запросил две апрельских ленных грамоты касательно рыцарских владений на границе графства Холливел и Пастушьих Лугов. Выполнять отправился Грэм. Согласно каталогу он определил ящик, в котором следует искать бумаги, а когда принялся проглядывать его содержимое, то нашел пробел в нумерации. Вынул все документы из ящика и тщательнейшим образом перепроверил. Убедился в том, сударь, что грамота за номером сто тринадцать исчезла.

Они сделали поворот, миновали арку, задрапированную тяжелыми бархатными шторами, вошли в новый зал. Потолки здесь были ниже, а воздух – прохладнее. Свернули в просвет между стеллажами.

– Сто тринадцатая грамота была одной из тех, которые просил барон?

– Нет, сударь. Те, которые он запрашивал, присутствовали и были исправно ему доставлены. Грэм исполнил заказ, несмотря на замешательство. Любой мой подчиненный отлично знает: дело – прежде всего.

– Нельзя не согласиться. И Грэм доложил вам о пропаже?

– Да, сударь.

– А вы говорили кому-то?

– Кроме вас, сударь, никому. Более того: я и Грэму запретил говорить с кем бы то ни было. Знаете ли, если всякий начнет разглаживать о том, что в Святилище Пера пропадают бумаги...

– Полагаете, Грэм выполнил ваш приказ?

Седой Хэммил бросил на Марка удивленный взгляд и ничего не ответил. Миновав несколько рядов стеллажей, они нырнули в неприметный проход, также занавешенный бархатом. За шторой царили сумерки, лишь пара искровых ламп освещала новый зал.

– Вот здесь, – сделав новый поворот, Хэммил подвел гостей к стеллажу, маркированному «Исх. Пожал. 1752–1774», выдвинул ящичек «74-А». Марк заинтересовался:

– Что значит: «исх пожал»?

– Исходные документов о пожаловании, сударь.

– Почему на ящичке значится семьдесят четыре – а?

– «А» обозначает весну. Чтобы проще ориентироваться.

– Ах, вот как... Здесь все грамоты о пожаловании ленов за означенный период?

– Конечно, нет! – сказал Хэммил как о чем-то само собой разумеющемся. – В данном шкафу только вольные западные графства и Юг, и только за последние годы. Земля Короны – слева от вас, Альмера и Надежда – у дальней стены, Север – вон тот ряд стеллажей. Как видите, сударь, у нас во всем полный порядок!

Марк усмехнулся.

– Что скажешь, Итан? Что следует из увиденного нами?

Имперский секретарь, нередко бывавший в архиве, лишь пожал плечами:

– Э...здесь действительно полный порядок. Т...так что за-

метить отсутствие документа было...

Марк оборвал его:

– Порядок? Да здесь можно заблудиться и умереть с голоду прежде, чем найдешь нужную бумагу! Лишь опытные следопыты способны отыскать тропу в этом месте.

Губы Хэммила вздрогнули от обиды, а Итан улыбнулся с пониманием:

– Хотите сказать, если бы сюда даже проник посторонний, он не нашел бы нужный документ б...без помощи служителей?

– Именно. Что приводит нас к следующему вопросу: не мог ли сам Грэм украсть бумагу по заказу барона Рэдлейка?

– Ни в коем случае, сударь! – возмущенно отрезал Хэм-мил. – Грэм – хороший парнишка, весьма аккуратный и старательный. Он ни за что не пошел бы на такое! К тому же, барону Рэдлейку эта бумага без надобности.

– Откуда вы знаете?

– Барон бывает у нас регулярно, не реже, чем дважды в неделю. Он занят весьма благородным трудом: пишет книгу о географии и землеустройстве вольных графств. Весьма доскональный труд, сударь! Мне довелось прочесть его черновики – поистине, талантливейший человек! Не жалея усилий, он провел глубочайший анализ перераспределения земель, вывел закономерности укрупнения феодальных владений...

– Какая тоска, – покачал головой Марк. – И вы считаете,

сей графоман не мог похитить документ?

Хэммил скривил губы и отвернулся. Вместо него ответил Итан:

– В... вряд ли. Очевидно, барон Рэдлейк просто выписывает сведения из грамот в свой черновик. Зачем ему красть оригинал?..

– Пожалуй... Хэммил, что конкретно представляла собою похищенная бумага?

– Грамота о пожаловании двух поместий в Холливеле, общей площадью порядка семисот акров.

– Маленькие... Кому они были пожалованы?

– Малоизвестным рыцарям. Мне нужно будет свериться с записями, если желаете знать их имена.

– Позже пожелаю.

Марк выдвинул ящик, проглядел две грамоты, соседние с пропавшей. Обе представляли собою фрагмент карты графства Холливел, на которой штриховкой были отмечены небольшие владения. Ниже шло описание, какие именно земли передаются в ленное пользование, кому, за какие заслуги. Подпись ответственного секретаря, подпись его величества, печать имперской канцелярии.

– Скажите-ка, Хэммил, вы уверены, что эта грамота вообще появлялась здесь?

– В каком смысле, сударь? Не понимаю вас.

– Ну, самый простой способ украсть ее – вовсе не помещать в ящик. Изъять сразу, как только она попала в руки

служителя.

– В каталоге имеется запись о помещении грамоты в архив.

– И что же? Служитель мог сделать запись в каталоге, но украсть сам документ.

– Сударь, в каталоге значится, что бумагу поместил сюда тот же Грэм, который и обнаружил пропажу! Зачем бы парнишке сперва красть документ, а потом самому же и докладывать о пропаже?

– Ясное дело: чтобы отвести от себя подозрения!

Хэммил не ответил, но его лицо хорошо передавало мысли старика о подобных обвинениях. Итан вмешался в беседу:

– С...сударь, ведь вы регистрируете всех посетителей? Кто, когда и какие бумаги запрашивал, верно?

– Конечно. Порядок должен быть во всем.

– К...кто-то запрашивал пропавший документ в последнее время?

– Никто. Ни одной записи нет, я лично просмотрел книги регистрации.

– Т...то есть, бумагу держал в руках только Грэм, а после него – похититель?

– Верно.

– Достаточно, – сказал Марк. – Давайте выбираться из этой пещеры.

В читальном зале уже собрался десяток служителей. Они перешептывались, сбившись в нестройную кучку. Лица вы-

глядели тревожными – это хорошо. Двое вошли и присоединились к группе уже на глазах у Марка. Это плохо: согласно задумке Ворона, подозреваемые должны успеть поволноваться, понервничать в ожидании. Он решил потянуть время и попросил у Хэммила каталог архивных документов. Не торопясь, не обращая внимания на шепчущихся служителей, принялся листать массивный том. Страница за страницей – однообразные скупые записи: такого-то числа таким-то служителем внесен документ за номером таким-то. Почерк меняется от строки к строке. Вот апрельская запись сто тринадцать, сделанная Грэмом. «Пожал лен влад Холливел. 113 – 19-4-1774». Подпись.

Здесь имелась странность, Марк нахмурился.

– Хэммил, вы говорили, площадь владений – семьсот акров?

– Верно, сударь.

– Откуда вы знаете? В учетной книге это не сказано, а сам документ пропал.

Архивариус нимало не смутился:

– Достаточно просмотреть апрельский «Голос Короны». В нем печатаются все последние сведения о землевладениях.

«Голос Короны»... хм.

Ворон шумно захлопнул каталог, и когда все взгляды служителей обратились в его сторону, заговорил:

– Как вы уже поняли, господа, тайная стража его величества заинтересовалась вами. Хотите знать, почему?

Служители молчали, однако пожаловаться на нехватку внимания Марк не мог. Он медленно прошел вдоль группы туда и обратно, вглядываясь в лица. На них – растерянность, тревога. Это правильно – такими и должны быть лица невинных. Кто из них Грэм? Марк не знал и намеренно не спрашивал архивариуса. Он был почти уверен, что именно Грэм украл документ. Однако для проверки хотел взглянуть на служителей непредвзято, разглядеть виновного по одной лишь его реакции, которая неминуемо отразится на лице.

– Вы стоите и гадаете: в чем мы провинились? Зачем прилетел сюда Ворон Короны? Или, может быть, не гадаете? Возможно, кто-то уже рассказал остальным, что случилось?..

Речь Ворона лилась спокойно и вкрадчиво. Служители не шевелились. Кажется, даже боялись дышать. Еще бы: почти сотня придворных прямо сейчас ночует в темнице. Любой из тех, кто пока сохранил свободу, вздрогнет при одном слове «протекция».

– Я уверен, парни, что большинство из вас невиновны. Однако вы все равно не чувствуете себя в безопасности. Вы думаете: не ошибется ли Ворон? Не схватит ли меня, невинного? Будет ли спасение? Ведь тайная стража может вырвать признание у любого. Даже святая Глория Заступница дала бы показания, попади она в лапы протекции. Созналась бы в убийстве Ульяны Печальной, а заодно донесла бы на Янмэй и Агату. Верно говорю?..

– Сударь... – рискнул подать голос кто-то, и Марк рявкнул

в ответ:

– Молчать! Предатели, продажные псы! Разве я позволял говорить?! Один из вас, гнилых шкур, работал на Айдена Альмера! Кто?!

Свирепо раздувая ноздри, Марк обвел взглядом служителей.

– Ты – шпион альмерской дряни? Или ты? Или, может быть, ты?!

Парни бледнели от страха и отводили глаза. Один, второй, третий... десятый. Все до единого боялись. Дрожали от мысли о камерах, дыбах, «спелых яблочках»... Плохо. Вор не должен был испугаться. Услышав, что речь идет не о краже документа, вор испытал бы облегчение. Марк надеялся заметить эту эмоцию на чьем-то лице... но не замечал.

В эту минуту в зал влетел Рыжий, держа в руках пухлый сверток вошеной бумаги.

– Эскиз июльского «Голоса», как вы просили, чиф. Я проглядел: там, вроде, ничего такого, ради чего стоило бы...

Марк шикнул на него:

– Тьфу! Ты сорвал мне всю мизансцену.

– Простите...

– Ладно, неважно.

Ворон отозвал в сторону двух своих помощников и старшего архивариуса.

– Хэммил, здесь собрались все ваши люди?

– Четверых нет, сударь. Отсутствуют Бойл, Гаррет и Том-

сон – они живут в городе. И еще Ленард...

Нечто мелькнуло в глазах старика, и Марк повторил:

– Ленард?

– Да, Ленард. А в чем дело, сударь?

– Я просто хотел рассмотреть это выражение на вашем лице... да, вот это. Что не так с Ленардом?

Хэммил вздохнул:

– Сегодня была его смена, и он не явился.

– Что? То есть, он пропал?!

– Да не пропал он... – архивариус покачал головой. – У бедняги Ленарда жена захворала. Когда ей совсем худо, он остается с нею. Такое уже случалось...

Марк переспросил с металлом в голосе:

– Хотите сказать, прежде Ленард уже пропускал службу из-за того, что его жена больна? И вы не вышвырнули его, и даже не доложили мне?!

– Да где ваше сердце, сударь! – с презрением бросил Хэммил. – Кем надо быть, чтобы выгнать человека за такое? Он ни в чем не виноват! Разве что любовь к жене теперь считается преступлением!

Ворон Короны покачал головой.

– Знаете, за что Темный Идо любит добрых людей? У кого добрая душа, у того глаза незрячие! Вашему Ленарду отчаянно нужны деньги, понимаете? Настолько нужны, что он боится вас и даже меня меньше, чем лекаря, называющего цену за снадобья. Этот человек ненадежен! А теперь он ис-

чез.

Марк повернулся к помощникам.

– Рыжий, возьми в картотеке портрет Ленарда и домашний адрес. Езжай, проведай хворую жену, спроси, где муж. Когда жена скажет, что не видела его пару суток, организуй розыск тела. Ищите на берегах реки, в канализационных стоках, в оврагах вдоль дорог. Словом, ты лучше меня знаешь, куда обычно деваются тела.

Хэммил ахнул, Марк не обратил внимания.

– Итан, а ты отправляйся в типографию.

– Так ведь там только что был я!.. – воскликнул Рыжий.

– Ты искал черновики «Голоса». А теперь меня интересует личность парня, которого нынче утром мы видели в канаве. Итан, один из сотрудников типографии был убит вчера. Твоя задача – узнать о нем все: как звали, чем занимался, с кем водился, когда в последний раз был на службе, что делал в тот день.

– Так точно, чиф. А в...вы думаете, есть связь?..

– Из архива пропала грамота о ленных владениях. Содержание таких документов дублируется в «Голосе Короны». Вчера убит человек из типографии. Предположительно, убийцы хотели узнать что-то о «Голосе Короны».

Итан задумался.

– Чиф, но г...грамота ведь апрельская. Апрельский «Голос Короны» давно отпечатан и распродан, его можно найти в любом богатом доме. Если вчерашнее у...убийство и свя-

зано с «Голосом», то с июльским. И в нем ничего нет о том апрельском документе.

– Хочешь сказать, связи нет?

– Я ее не вижу, чиф.

– Я тоже. Потому и говорю – копайте. Связь есть, найдите ее.

Он зашагал к выходу, не дожидаясь ответа. Через плечо бросил стайке служителей архива:

– Да, парни, чуть не забыл: вы все невиновны.

Итан Гледис Норма догнал Ворона Короны на улице. Схватил за плечи, заглянул в лицо.

– Чиф, вы действительно д...думаете, что эта ч...чертова бумага, это крохотное поместье за тысячу миль отсюда важнее судьбы л...леди Глории?

Марк покачал головой:

– Ты так ничего и не понял. Твоя леди Глория – прошлое. Скелет в шкафу Дома Нортвуд. Ее история окончена. Пропавший документ, мертвец в канаве, «Голос Короны» – это начало другой истории. И да, тьма тебя сожри, будущее всегда важнее прошлого!

Меч

Август 1774 г. от Сошествия

Герцогство Альмера

На свадьбе должен быть важный гость. Это – неотъемлемое условие, как цветы в гривах коней, испытания для жениха и обручальные браслеты. Святой отец из соседнего села, баронский писарь, старший лесничий, помощник судьи – кто-нибудь в таком роде. Странствующий монах или бригадир с рельсовой стройки тоже сгодится... На свадьбе мельничьего сына из Трех Тополей, что в землях Бонегана, был северный рыцарь.

Вот как вышло. Мельник Ходжис слыл скрягой по всей округе – от Валиента до Смолдена. Не так уж много в этих краях мельниц, потому к Ходжису ездили крестьяне даже за десять миль. Он смекнул, что находится в выгодном положении, какое городской купчина назвал бы «монополией», и принялся выжимать монету. Почитая себя человеком справедливым, Ходжис не делал скидок никому: ни своим кумовьям, ни одиноким вдовам, ни тем, кто день тащился по жаре, ни тем, кто поил его вишневым настоем, ни даже тем, кто грозился поколотить. Цена едина для всех, как закон: агатка за мешок пшеницы.

Крестьяне ходили к барону жаловаться на мельника. До

самого барона, конечно, не дошли – поговорили с кастелян-ном. Ходжис вовремя прознал о такой интриге, погрузил в телегу бочку пива и сам поехал к кастеляну – договорился. Позже мельника подловили в кабаке и как следует отлупили. Две недели он охал и почесывал синяки, уговорил священника прочесть проповедь о вреде насилия, но цену не скинул. Агатка за мешок – и все тут! Еще позже сельчане собрались толпой, вооружились вилами и подступили к мельнице. Однако переговоры с позиции силы провалились: на стороне Ходжиса оказались четыре крепких сына, пять немаленьких псов и арбалет. Крестьяне прокляли мельника, нарекли безбожником и прихвостнем Темного Идо, поклялись сжечь мельницу, освежевать псов, а арбалет запихать Ходжису в... скажем, отнюдь не за пазуху. Затем они отступили восвояси – и смирились. Крестьяне Альмеры – терпеливый народ.

Но с тех пор о Ходжисе пошла дурная слава. На беду для него, Три Тополя ничем не были примечательны, кроме, собственно, Ходжиса с его мельницей. Так что мельник-скряга стал чем-то вроде опознавательного знака. По всей округе, от Валиента до Смолдена, спроси кого хочешь: «Как проехать в город?» – и тебе скажут: «Езжай до Трех Тополей – это там, где скупердяй живет. Увидишь мельницу – плюнь на нее, а потом сверни налево и еще пять миль».

Ходжис, почитавший себя человеком суровым, но справедливым, терял сон от бессильной злобы. Думал в отместку повысить цену еще больше, но вовремя сообразил, что слухи

от этого только ухудшатся. Понизить цену он не думал – не пришло в голову подобной мысли. Но вот второй сын мельника посватался к внучке старейшины, и Ходжис решил, что это – возможность все исправить. Отгулять свадьбу как следует, на широкую ногу, чтобы по всей округе загудело – и никто больше не посмеет назвать мельника скрягой! Тем более, что своих-то денег тратить не нужно: имеется невестино приданное. Говорят, у благородных принято наоборот – жених платит выкуп за невесту. Вот же странные люди!.. Ходжис толково поторговался со старейшиной, взял приданное вперед – шестнадцать елен, и целых четыре из них швырнул на устройство свадьбы. А позже, как стало не хватать, широким жестом докинул еще две. Теперь уж точно никто не скажет!..

Свадьба получилась на славу. Десять бочонков вина, двадцать – пива; восемь молочных поросят, две дюжины огромных пирогов с телятиной, а гуляша столько, что впору накормить целый полк! Столы накрыли во дворе – ни в одну избу такая трапеза не вместится. Гостей – без малого сотня! Есть певец с лютней и музыканты со свирельками. Цветами забросали всю дорогу от церкви до избы, гривы коней украсили шелковыми лентами, а на концах привязали медные звездочки, чтобы звенело. Все отлично! Даже злостные недруги Ходжиса – и те подобрили. Но сам мельник сидел мрачнее тучи. Давеча он беседовал с баронским кастеляном, и тот обещал приехать на свадьбу.

– Ваше высокородие, вы только не позабудьте!

– Сказал же, что приеду.

– Вся будущая счастливая жизнь молодых – в руках вашего высокородия!

– Да отцепись уже. Буду!

Но в назначенный день вместо кастеляна прискакал его сквайр:

– Господин не может приехать. Отбыл в Валиент по срочному делу.

С листа зачитал поздравление, передал подарок – серебряный кубок. То был единственный случай на памяти Ходжиса, когда серебро не подняло ему настроения. Сыновья свадьба – без почетного гостя! Святые Праматери, как же теперь? Что делать-то?! Вот тогда мельник и убедился, что Праматери слышат молитвы простого люда, а не одних только дворян. Спасение явилось само собою! Верьте или нет – само!

На дороге показался рыцарь верхом на гнедой кобыле. Едва мельник увидел блеск кольчуги и шлема, как тут же послал навстречу всаднику двух младших сыновей, а следом и сам выбрался из-за стола.

– Добрый сир, здравия вам и доброго пожалования в Три Тополя!

– Приветствую, – обронил рыцарь, горделиво задирая подбородок.

Лицо у него было мужественное, хоть и молодое, плечи –

широченные, а острая бородка – прям как у императора на портретах. Сын лорда, никак не меньше!

– Вы, добрый сир, устали с дороги? Проголодались? Не изволите ли разделить праздничную трапезу?

Рыцарь поколебался – еще бы, ему зазорно, поди, с простыми крестьянами сесть за стол! Ай, да рыцарь! Как раз такой, как нужен! Ходжис надел на него с полной силой: упомянул кастеляна, что обещался приехать, перечислил все блюда, имевшиеся на столе, и добавил:

– Клянусь, добрый сир, много у нас есть такого, чего вы в северных землях и не пробовали!

Почему-то мельник решил, что рыцарь прибыл с Севера. Тот не возражал.

– Что ж, – сказал благородный воин, – видимо, придется мне задержаться, раз уж вы так настаиваете...

– Очень настаиваю, очень! Все будущее счастье молодых зависит!..

– Ладно уж, – рыцарь спешил. – Меня зовут Джоакин Ив Ханна с Печального Холма.

Его усадили на почетном месте между тестями и свекрами, а чтобы рыцарю не скучалось, присоседили вторую внучку старейшины – конопатую хохотушку Маргери. Мельник Ходжис, раздуваясь от гордости, объявил:

– Боги послали нам славного гостя! Нас посетил сир Джоакин Ив Ханна, сын лорда Печального Холма, что находится

В...

Он шепотом уточнил у воина:

– Вы из Нортвуда или Ориджина?

– Ага, – буркнул рыцарь.

– ... что находится в самом сердце священной земли Ориджин!

Гости шумно выразили радость. Джоакин поздравил молодых – немногословно, как и подобает суровому воину. Маргери наполнила тарелку рыцаря, и тот принялся уплетать за обе щеки. Это было очень вежливо с его стороны – сделать вид, что крестьянская еда пришлась по вкусу дворянину. Все гости оценили и одобрительно зашептались.

Маргери, радуясь соседству с приезжим, стала щебетать:

– Сир Джоакин, а вы были на войне?

Рыцарь отвечал, закидывая в рот куски пирога:

– Еще бы. В этом году участвовал в паре стычек под Лабелином, прошлой осенью – в Мельничной войне на западе... А прежде столько всего было, что и не упомнишь.

– А как звать вашу кобылу?

– Леди.

– Ой, как мило!.. А ваш меч?

– Что – меч?

– В балладах у рыцарей мечи всегда носят имена! Как зовется ваш?

– Я... назову его имя только благородному воину.

– Ой, простите!.. А где ваш оруженосец? Ведь у всякого

рыцаря есть оруженосец, правда?

– Он... я отправил его с письмом.

– Ой, как здорово! Писать умеете! Сир Джоакин, покажите, как пишется мое имя!

– А как тебя звать-то?

– Маргери.

Он показал – мазнул свинину соусом и кончиком ножа вывел буквы.

Старейшина строго вычитал внучке:

– Прекрати беспокоить гостя! Ему немного удовольствия от твоей болтовни!

– Ой, простите!.. – Маргери прижала к груди ладошки.

Вытерпела молча не больше минуты, а потом снова начала:

– Сир Джоакин, вы какого рода? Ваша Праматерь кто была?

– Будто по мне не видно!.. – буркнул с недовольством рыцарь.

Девушка принялась перечислять всех Праматерей, кого вспомнила.

– Агата?.. Люсия?.. Елена? Глория? О! Глория-заступница, да?

Рыцарь кривился и не отвечал. Воину было неприятно, что деревенщина не может распознать на его лице славные родовые черты. Неловкую сцену прервало развлечение, перетянувшее внимание на себя. Начиналось испытание жениха.

Смысл действия состоял в том, чтобы жених доказал силу своей неугасимой любви к невесте, а заодно позабавил гостей. Помочь ему в этом должны были два друга, а задания ставили подружки невесты. Девушки сразу напустили на себя суровый вид, показывая, что не дадут слабину и выдумают испытания со всей строгостью.

Сперва жениху приказали выпить для храбрости. Разумеется, не просто так, а с преодолением трудностей. Друг жениха залез на стол и зажал между коленями бутылку с вином. Сын мельника сел на землю у стола и раскрыл рот, пытаясь поймать струю. Выглядело очень забавно, гости веселились от души, особенно когда подружка невесты принялась щеко-тать парня с бутылкой, и тот облил жениха с головы до ног. Вот только сир Джоакин отчего-то хмурился.

В качестве следующего задания сын мельника должен был забраться на яблоню с завязанными глазами и с высоты спеть невесте песню о любви. Друзья жениха подсказывали ему путь, а подружки невесты – сбивали и отпускали шуточки.

Сир Джоакин раздраженно бросил:

– Какая унижительная забава! Неужели обязательно так позорить парня?

– Это же весело!.. – смеясь, ответила Маргери.

– Разве невесте по душе, когда любимый так унижается?

– Но ведь он доказывает свою любовь! Конечно, ей в радость!..

– Один стыд, а не испытание, – процедил рыцарь. – Вот у

нас, на Севере, если жених хочет завоевать сердце девушки, то должен скрестить мечи с воином невесты. Если она любит парня, то выставит бойца послабее, а если не слишком пылает, то выберет самого сильного из своих вассалов. Тогда жениху придется несладко.

– Так то среди благородных... – ответила Маргери, но внешне мысль овладела ею: – Эй, женишок, когда спустишься – сразишься с сиром Джоакином!

Бедный парень чуть не грохнулся с яблони. Гости покатались со смеху.

– Да я пошутила! – хохотала Маргери. – Шуток не понимаешь?..

– Ни за что не стану жениться в Альмере, – проворчал рыцарь и помрачнел.

В качестве третьего испытания жениху предлагалось оседлать кабанчика и проехать кругом мельницы. Взнуздать свинью и взобраться верхом было несложно – помогли друзья. Но вот направить животное в нужную сторону – это оказалось непосильной задачей. Едва друзья жениха отпустили кабанчика, как он стартовал галопом, не хуже боевого жеребца, но понесся отнюдь не к мельнице, а в более привлекательном направлении – к огромной грязной луже. Жених изо всех сил принялся дергать поводья, колотить скотину ногами и орать. В какой-то миг кабанчик даже было заколебался и шатнулся в сторону, но затем вернулся к прежнему плану и со всего разгону влетел в лужу. Достигнув цели, он резко затормозил

– и сын мельника не удержался в седле.

Надо же было случиться такому, что в самый разгар потехи, когда жених в сердцах колотил себя по бокам, пытаюсь сбить грязь, а кабанчик радостно хрюкал, избавившись от груза, – как раз тогда на свадьбу пожаловали трое незваных гостей. Они спешили у ворот и, не сразу замеченные, приблизились к столу. На них были дорожные плащи и серые сапоги, на поясах болтались топоры и кинжалы. Внешностью чужаки мало отличались от разбойников, разве только немного почище.

– Простите, честные люди, что мы вынуждены прервать ваше веселье, – заявил один из них, двигаясь вдоль столов. – Но дело у нас такое, которое не терпит. Среди вас прячется преступник!

Гости ахнули, притихли.

– Государственный преступник, – веско отметил чужак. – Нам необходимо разыскать его.

– А вы кто такие будете? – спросил старейшина. – Вас шериф прислал?

– Бери выше, папаша, – развязно бросил другой парень. – У владыки есть три стражи: алая, лазурная и невидимая. Мы – из третьей.

Тишина стала гробовой. Старейшина и мельник вышли навстречу чужакам. Двое агентов приблизились к ним, третий продолжал расхаживать вдоль столов. Он внимательно осмотрел Джоакина и двинулся дальше, не сказав ни слова.

Стало ясно, что искомый преступник – не рыцарь Печально-го Холма. Кто-то другой.

– Вы ошиблись, добрые господа, – нарушил молчание старейшина. – Среди нас нет злодеев. Мы – честные крестьяне, все друг друга знаем много лет. Единственный пришлый человек за этим столом – добрый рыцарь Джоакин Ив Ханна с Севера. Вы же не станете обвинять его!

– Речь не о нем, папаша... Преступника, которого мы ищем, нет за вашими столами.

Старейшина с облегчением вздохнул.

– Но, – продолжил агент протекции, – мы ясно видели его следы, ведущие в вашу деревню. Вывод один: вы укрыли злодея. А что полагается за укрывательство? Скажи им, Берк.

Агент, которого называли Берком, приобнял мельника со старейшиной, приблизил их головы к своей. Роба у него была премерзкая: остроносая, хитрая, будто у хорька.

– Поймите вот что, ребятки, – вполголоса сказал Берк, – мы ищем парня, который пособничал Айдену Альмера – изменнику и заговорщику. Таким людям полагается плаха, никак не меньше. Ну, а тем, кто укрывают изменников, – каторжные работы. Пять лет рудников. Соображаете?

Ходжис побледнел. Старейшина горячо зачастил:

– Да о чем вы, добрые господа? Нет здесь никаких преступников! Никого не прячем!

– Все так говорят. Правда, Берк?

– Еще бы!..

– Хотите – общите избу, убедитесь! Там никого, все здесь, за столами.

– Можно подумать!.. – Берк издал презрительный смешок.

– Село большое, – сказал другой агент. – В каждом дворе – изба, погреб, сарай... Неделя нужна, чтобы все обыскать. Мы знаем способ пошустрее. Ага, Берк?

– Ага.

Хорек огляделся и указал на крытую сеном постройку:

– Там что у вас? Хлев?

– Да.

– Запирается?

– На засов. А что?..

– А то. Заберите оттуда скот – и пожалуйста внутрь.

– Простите, я не понял...

– Все ты понял, папаша! – рыкнул агент протекции. – Тебя вместе с кумом и молодыми, и всеми гостями мы запрем в хлеву до поры. По одному будем брать на допрос, покуда кто-то не сознается, где прячет злодея.

– Но вы не переживайте, – добавил Берк, – мы допрашиваем с толком, у нас любой мигом расколется. Дело пойдет быстро: посидите в хлеву денек-другой, не больше. Как найдем изменника, так пожалуйста, продолжайте гуляние. А сейчас...

Он махнул рукой третьему, и тот закричал:

– Все встаем из-за столов! Строимся в ряд вон там, у са-

рая! Чего не ясно? Всем встать и построиться!

Старейшина сунул руку в карман, нащупал и ткнул в ладонь Берку горсть монет.

– Взятка? Человеку императора?! – зашипел второй агент. – Да за одно это вас под суд!..

А Берк мельком оглядел монеты, заметил среди звездочек и полтинок одну увесистую глаорию.

– Знаешь, Фокс, я вот вспоминаю, как дело было... И нет уверенности, что следы вели именно в это село. Мы там развилку проходили, помнишь?

– Да какую развилку! Что ты плетешь?..

Старейшина сунул Фоксу две глаории.

– Хм... а может, ты и прав, Берк... в лесу тропинка раздвоилась. Хочешь сказать, мы ошиблись и не туда свернули?

– Ну, не факт, что ошиблись... – проворчал Берк, получивший на глаорию меньше. – Протекция редко ошибается. У нас острый нюх.

Старейшина подбил локтем мельника Ходжиса:

– Давай, брат. Дай еще глаорию – и, глядишь, обойдется.

Ходжис пощупал в кармане и, холодея, обнаружил там один золотой эфес. Целый эфес одной монетой – и больше ничего! Собирался подарить его молодятам на глазах у всей свадьбы... В нерешительности он глянул на Берка, боясь спросить, не будет ли у агента денег разменять золотой эфес?.. Берк нахмурился:

– По лицу твоему вижу, что мы не ошиблись. Точно укры-

ваете злодея, никаких сомнений! Забираем их, Фокс!

Мельник никак не мог вытащить руку из кармана – пальцы впились в монету мертвой хваткой и не желали разжиться. Он промямлил:

– Позвольте, я это... в избу...

В избе хранился ларец серебра, там точно была мелочь!

– Еще чего!.. Пойдешь злодея предупредить? Никакой избы, за мной!

Берк ухватил его под локоть и потащил к хлеву, Фокс тем же манером повел старейшину. Мельник Ходжис оглянулся и бросил отчаянный взгляд на Джоакина Ив Ханну. Рыцари же всегда защищают невинных! И денег за это не берут!..

Вряд ли воина убедила немая мольба в глазах мельника. Но вот шепоток девушки на ухо оказал влияние, а еще пуще – вкусный пирог, от которого рыцаря оторвали наглецы из тайной стражи. Джоакин встал и двинулся к третьему агенту, который как раз проходил неподалеку.

– По какому праву вы портите людям свадьбу?! – рявкнул рыцарь.

Агент открыл было рот для ответа, но не успел: молодецкий кулак воина угодил ему в челюсть. Агент повалился в пыль, рыцарь перешагнул его и пошел к двум остальным.

– Э, э, ты что это задумал!.. – закричал Фокс и нервно схватился за топор.

– Ты серьезно?.. – хохотнул рыцарь. Меч вылетел из ножен, сверкнул на солнце. Жених и три его брата присоеди-

нились к воину.

Фокс и Берк переглянулись... и бросились бежать. Джоакин мог бы настичь их, но Фокс ловко опрокинул на землю мельника – прямо под ноги рыцарю. Тот споткнулся, сыпля проклятиями. Агенты во весь опор мчались к лошадям. Их догонял и третий – он быстро оклемался после удара. Вот они уже прыгали в седла.

– Пускай себе скачут, – сказал рыцарь. – Не будем марать руки.

Но жених подхватил дубовое полено и метнул точно в затылок Берку. Тот грохнулся с коня. Два остальных агента даже не оглянулись. Конь без седока тоже не сбавил ходу: повертев головой, ускакал на луг. На диво, Берк остался в сознании: встал и метнулся в сторону, скрывшись за пресловутым хлевом.

– Не преследуйте! – приказал рыцарь. – У него топор, можете пострадать. Дайте я!

И решительно двинулся к хлеву. Жених с друзьями пошли было следом, но Джоакин грозно прикрикнул на них, и все замерли. Рыцарь свернул за хлев. Крестьяне с ужасом ждали звона железа, но до клинков не дошло. Вместо этого донеслись глухие удары кулаков и вопли Берка.

– Так и надо!.. – порадовался мельник. Крикнул погромче: – Деньги у него заберите, сир рыцарь!

Последовали новые удары, а стоны агента перешли в рыдание. Доброе сердце Маргери не выдержало:

– Пощадите его, сир Джоакин!.. Пускай идет!..

Рыцарь стукнул еще разок-другой и выполнил просьбу де-вушки. Из-за хлева выбежал Берк, прижав ладони к разби-тому лицу. Сильно хромая, потрусил к опушке леса. Никто его не преследовал. Сир Джоакин вернул старейшине горсть монет. Округа огласилась криками восторга.

Каково было бы удивление старейшины и мельника, и всех гостей свадьбы, имея они возможность наблюдать со-бытия за хлевом! Произошло там следующее. Когда рыцарь Джоакин влетел в тень, Берк встретил его злым шепотом:

– Ты совсем ошалел, Джо?! Не узнал, что ли?

– Узнал, – ответил рыцарь, опуская меч. – Что мне с тобой, дубиной, делать? Отпущу – они поймут.

– А ты врежь мне, – посоветовал Берк, прижимаясь спи-ной к стене.

Джоакин врезал. Берк уклонился, кулак рыцаря впечатал-ся в стену с такой силой, что дрогнула солома на крыше.

– Ааа, тьма!.. – застонал Джоакин, потирая костяшки.

Берк тут же завопил во все горло, заглушив рыцарский стон.

– Давай еще!.. – сказал он, вдоволь накричавшись.

Джоакин ударил в стену осторожнее. Берк заорал.

– Так и надо!.. – донеслось издали. – Деньги у него забе-рите, сир рыцарь!

В промежутках между ударами Джоакин проговорил:

– Хорошо, что ты подвернулся. Есть дело.

– А у меня уже нет, твоими стараниями! – зло прокричал агент. – Ааааа! Пощади, пощади!.. Какое?

– Завтра расскажу. На рассвете жди на опушке, за холмом.

– Ага. Ааааа! Смилуйся, умоляю!

– Пощадите его, сир Джоакин!.. Пускай идет!..

– Слово девушки – закон, – подмигнул Берк. – Мне пора.

– Стоп! – Джоакин еще раз ударил стену. – Деньги-то верни!

– Какие?

– Но-но!

Берк выудил горсть серебра и ткнул рыцарю:

– Ну, Джо...

Зажав лицо руками, он поковылял прочь.

* * *

Не сказать, что Джоакин явился на место встречи прямо таки к рассвету. На рассвете он еще видел сладкие сны на скирде соломы в обнимку с конопатой Мэри, или как там ее звали. Проснулся ближе к полудню и, понятно, захотел поесть. Отправился в избу, где собиралось уже новое застолье. Правильную свадьбу празднуют три дня – в честь трех Праматерей любви: Мириам, Эмилии и Софьи. Героя минувшего дня досыта накормили, приправляя трапезу всякими распросами. Джоакин охотно рассказал, как служил в войске герцога Ориджина и весной отправился в Шейланд воином

почетного эскорта при Северной Принцессе. А затем граф Виттор поручил Джоакину сопроводить чрезвычайно важный груз для герцога Южного Пути. В дороге на них трижды нападали, и Джоакин зарубил никак не меньше пятнадцати разбойников и четверых жеребцов. Когда груз, невзирая на все опасности, был доставлен, сюзерен в благодарность пожал руку Джоакину и подарил искровой кинжал – ага, вот этот самый, – дал денег и сказал: «Ты заслужил отдых, храбрый воин! Иди, развлекись, как следует!» И Джоакин отправился в путешествие, поскольку его душа – как ветер: не терпит покоя... Он бы еще много интересного припомнил, если б голова так не гудела с похмелья.

Но вот его желудок был полон, рассказ окончен, и Джоакин выступил в дорогу. Поклонился тестям и свекрам, пожелал огромной любви новобрачным и запрыгнул на коня – не так ловко, как ему хотелось бы. Спустя какие-то часов восемь после рассвета он выехал на опушку у подножья холма. Берк лежал на лужайке, голый по пояс, и жевал табак.

– Ты где был? Ждал, пока борода вырастет?

– Я задержался в пути, – ответил Джоакин и протянул приятелю буханку черного хлеба с куском ветчины.

– О, это дело!

Берк тут же накинулся на еду. Джоакин спешился, сел рядом.

– Ну, расскажи, как ты до такого докатился. Не просто сыщик, а фальшивый сыщк – ну и ну! Неужто нормальной

службы для воина не нашлось?

– А то ты не знаешь!.. После Мельничной войны тут полная Альмера наемников. Кого Рантигар разогнал, все сюда хлынули, будто медом намазано. Нужен тебе головорез – найдешь любого на свой вкус: хоть мечника, хоть копейщика, хоть рыжего, хоть седого... И первым спросом, понятно, пользуются те, у кого морда мужественная. Обо мне, приятель, этого не скажешь.

Что правда, то правда: Берк с его заостренным носиком и лукавыми глазками напоминал скорей хорька, чем славного воина.

– И чем ты занялся?

– Ну, зиму мытарствовал... Весной встретил парней, мы с ними эээ... промышляли немного...

– Как промышляли?

– Оно тебе надо – знать-то? Негодовать начнешь, драться полезешь... А дело все равно уже прошлое. Летом мы с промыслом завязали и выдумали штуку получше. Как с его светлостью скандал случился, так мы и подумали: отчего бы не стать агентами тайной стражи? Протекцию все боятся, но никто толком не знает, как она выглядит. Рыцаря от мельника всякая собака отличит, а вот агента протекции – поди разбери, взаправду он агент или прикидывается.

Джоакин презрительно фыркнул.

– И что, неужели заработали на этом маскараде?

– А то! Берешь человека в оборот и нежно на ушко гово-

ришь, что выбор у него: пойти с нами или выкатить монетку. Веришь: никто не выбирает первое. А свадьбы – так вообще раздолье. Свадьба, понимаешь, дело серебряное: и гости денежку несут, и невестино приданное в наличии. Легко можно елену-другую наварить.

– Пройдохи, – бросил Джоакин.

– Сам пройдоха! – отбил приятель. – Выгодное дело испортил. Парням теперь голодать придется. А с поломанными ребрами голодать, знаешь, особенно неприятно.

– И по делом. Нечего людей обманывать.

Берк покачал головой, запихнув в рот последний кусок хлеба.

– Тоже мне, проповедник... Ладно, по правде, оно и к лучшему, что так вышло. Ходят слухи, что тут настоящая протекция рыщет. Повстречаться с этими парнями было бы куда больнее, чем с тобой... Так что считай, я тебя простил.

Джоакин хрюкнул, вложив в этот звук всю полноту негодования.

– А ты-то сам откуда и куда? – спросил Берк.

– Я вот... – Джоакин замялся. – Ну... есть один план, и я подумал, что ты мне годишься.

– Если запахнет монетой или хотя бы колбасой, то, пожалуй, пригожусь. А что делать нужно?

– Хочу наняться на службу к большому лорду. А чтобы он наверняка меня взял, скажусь благородным.

– Вроде как лорденышем?

– Именно.

– А я тебе зачем?

– Понимаешь, приятель, я вот подумал... Если по правде рассудить, то чем я не дворянин? Имя – как следует: Джоакин Ив Ханна. Вроде, звучит. Меч есть, кольчуга имеется, кобыла – что надо. Дерусь получше многих благородных. Один только изъян: сквайра у меня нет.

– Сквайра?..

– Ну, это вроде оруженосца, только пониже рангом. Боевой помощник рыцаря.

– Ага.

– И вот что я подумал: не станешь ли моим сквайром?

– Кормить будешь? – мигом спросил Берк.

– Если сам найду, что пожрать, то и с тобой поделюсь.

– Денег заплатишь?

– Четвертину от того, что мне даст лорд.

– Треть.

– Еще чего!

– Четвертину и еще восьмушку.

– Только четвертину.

– Какой из тебя лорденыш, Джо? Торгуешься, как последний купчина!

Джоакин покраснел.

– Ладно, будь по-твоему... треть.

– А присягу нужно приносить?

– Да проку от твоей присяги, – отмахнулся воин, – ты же

не благородный... Просто дай слово, что будешь служить, как следует.

Берк усмехнулся:

– Имеешь в виду, что не брошу тебя в самом дерьме и не продам за пару монет? Будь спокоен, не продам. Ты меня знаешь.

Джоакин знал.

– Что ж, тогда считай, приятель, что ты у меня на службе.

– Постой-постой, Джо. Еще один вопрос: к кому пойдем наниматься?

Джоакин поднял подбородок и горделиво сверкнул глазом:

– К его светлости герцогу Айдену Альмера.

– Чего?! – вытаращился Берк.

– К лорду Альмера.

Берк мотнул головой.

– Проходи, добрый путник, не задерживайся. Тебе в ту сторону, мне – в эту. Буду в храме, помолюсь за тебя.

– Ты чего? – не понял Джоакин.

– Да ты совсем свихнулся, Джо?! Или так упился, что все на свете позабыл?! Герцог Айден Альмера – изменник и интриган! Сам император его ненавидит, в столице против герцога суд готовится! А ты к нему на службу хочешь?!

– Хочу.

– И что, по-твоему, дальше будет? Владыка позлится немного, да и простит Айдена?! Головой своей чугунной по-

размысли! Герцог – враг владыки! Рано или поздно за ним придут. И не какой-нибудь младший помощник четвертого шерифа, а имперская искровая гвардия! Ты хочешь в этот момент быть на стороне Айдена?

– Я не такой дурак, как ты думаешь, – бросил обиженно Джоакин.

– Да ну?! Тогда поясни-ка. Может, я чего не понял.

Джоакин замялся. По правде, он представлял реализацию плана следующим образом: он является в Алеридан, с немалым трудом добивается приема у герцога или хотя бы кастеляна, долго спорит, убеждает, проходит какое-нибудь нелегкое испытание и, наконец, доказав свою доблесть, становится бойцом личной стражи леди Аланис Альмера. Что будет после – он не думал. Перспектива службы у леди Аланис сверкала так ярко, что слепила глаза. Рассмотреть более отдаленное будущее Джоакин не мог.

– Ну... суд будет еще нескоро... – выдавил он наконец.

– Месяц-другой всего остался! Держу пари, до своей свадьбы владыка покончит с герцогом.

Джоакин промолчал. Берк лукаво сощурился.

– Постой-ка... Хочешь сказать, мы месяц пожрем за герцогский счет, возьмем оплату да и уберемся оттуда прежде, чем заявятся искровики?

Джоакин буркнул нечто невразумительное.

– А ты и вправду не такой дурак! – Берк ухмыльнулся. – Хороший план. Я в деле. Когда выступаем?

Альмеру зовут в простонародье Красной Землей. Местные говорят: красная – значит, красивая. С ними сложно поспорить: города и поселки герцогства, даже самые крохотные, неизменно нарядны, вымыты, выкрашены, тщательно следят за собою, как дворянка средних лет. Мещанские домики так заманчиво опрятны, что хочется потрогать, а то и лизнуть – ни дать, ни взять, марципановые.

Приезжие говорят: прозвище пошло от карьеров. Холмистый центр Альмеры изобилует красной глиной. Кирпичные заводы, коих здесь десятки, обрастают карьерами. Изрытая земля становится неплодородной; овраги заполняются водой и превращаются в жутковатые бурые озера. А иные карьеры, напротив, высыхают, и ветер поднимает над ними вихри терракотовой пыли. Дороги среди холмов усыпаны ею. Идешь ты по грунту или булыжнику, под твоими подошвами все равно окажется тонкий слой красно-рыжего порошка. Местные хвалятся: наши дороги покрыты золотым песком! Приезжие бурчат: высохшей кровью.

В очередной раз отряхивая пыль с волос, Джоакин ворчал: – Ну, и земля! Как только герцог допустил такое? Стыдно же такой землей править! Ему бы следовало закопать к чертям все карьеры, фабричников разогнать, а земли раздать добрым лордам. Тогда и порядок был бы, а не вот это... тьфу.

Он сплюнул, плевок окрасился в бурый цвет.

– Как увидим герцога, выскажешь ему замечание, – посоветовал Берк.

– Ну, а что, я не прав? Ни луга, ни рощицы. Коню пастись негде, да и смотреть по сторонам противно.

– Не вся Альмера такая. Скоро холмы кончатся, пойдут поля – там красивше. А потом в Алеридан въедем – так ты вообще ахнешь! Не был там? Нет?.. Вот чем хочешь клянусь: лучше города ты не видал.

Берк принялся описывать. С его слов выходило, что во всем Алеридане нет ни единого деревянного дома – все кирпичные или каменные. Десять лет назад герцог велел сравнять последнюю нищенскую улицу, а взамен выстроить кирпичные дома и раздать прежним жителям. Без денег, за так – чтобы деревянные развалюхи не уродовали собою город. С тех пор весь Алеридан – как квартал богачей: каменный, могучий, многоэтажный. Да-да, меньше трех этажей домов вовсе нету. А улицы вымощены кирпичом, а на каждом углу – фонтан или поилка для коней. И прямо сквозь город рельсы проложены: по главным улицам ходят маленькие поезда. Четверть агатки – и ты в другом конце города. А если денег нет, то становишься на подножку и едешь снаружи вагона – еще веселее!

Джоакин познакомился с Берком год назад, на борту корабля, что шел из Беломорья в Рейс. Шхуна была набита наемниками, надеявшимися заработать на Мельничной вой-

не. Берк играл в карты с парнями и по необъяснимой милости богов все время выигрывал. Громила-копейщик, лишившись пары глорий, озверел и схватил Берка за руку. Рванул рубаху – посмотреть, что в рукаве спрятано. Вопреки ожиданиям, в рукаве оказался не крапленый туз, а стальное «перо». Мигом – вот буквально за мгновение ока – «перо» очутилось в ладони Берка, а кафтан на груди громилы распался лоскутьями крест-накрест. Так быстро, что никто не успел проследить движение: вот копейщик стоял одетый, а вот – голый по пояс. После Джоакин спросил Берка:

– Ты где служил раньше, приятель? В какой-то войске таким штукакам обучают?

– В войске?.. – Берк хохотнул. – Я что похож на служивого?..

– Зачем же ты теперь нанялся?

– Корабль хороший – далеко идет...

За плечами у Берка остался долгий шлейф городов, которые он покинул маршем скорее спешным, чем праздничным. Фарвей, Уайтшед, Отмель, Лабелин, Серый Утес, Твинси, Беломорье – в любом из этих мест Берк предпочел бы не появляться даже ночью и в закрытой карете: слишком уж теплую память оставил он по себе у местных жителей. Так что теперь, слушая из его уст описание Альмерской столицы, Джоакин встревожился:

– Постой, приятель, ты что же, и в Алеридане наследил? Хорошим я буду рыцарем, если по моему сквайру темница

плачет!

– Нет, Джо, будь спокоен. Алеридан – хорошее место, здесь я тихий и мирный. По нраву мне этот городишко. Другие города – чтобы зарабатывать деньги, Алеридан – чтобы жить. Непременно куплю здесь домишко, когда разбогатею.

Спустя день они увидели город, и Джоакин уважительно присвистнул.

– Хорош, да? – сказал Берк. – А я что говорил!

Город был хорош, с этим не поспоришь. Много красивее всех прочих, какие видал Джоакин. Однако молодой воин смотрел на замок.

Эвергард – цитадель герцогов Альмера – лежал на холме, подобно тому, как корона лежит на голове императора. Он не нуждался во рвах – крутые склоны сами по себе защищали крепость от осадных башен. Три кольца стен опоясывали холм: одна – у подножия, вторая – посередке, третья – под самой вершиной. Дорога вилась между стенами, обжатая ими с обеих сторон, и горе вражескому войску, что рискнуло бы вступить на эту дорогу. Подобно зубцам короны, башни усеивали верхушку. Двенадцать остроконечных сторожевых вышек горделиво взирали на склоны с захватывающей дух выси; тринадцатая башня – центральная – была подлинным исполином. Квадратная в сечении, она имела никак не меньше двухсот футов в высоту и пятидесяти – в ширину. Половину башенной стены занимала огромная фреска: рыцарь, преклонивший колени перед святой Агатой. Волосы и плащ

Агаты, шлем и меч рыцаря пламенели золотом.

– Сколько же деньжищ пошло на эту штуковину!.. – воскликнул Берк. – Раз десятый вижу – а все поражаюсь: червонным золотом полбашни облепили! Будто некуда девать было...

– Эвергард невозможно захватить, – сказал Джоакин. – Он неприступен. Можно лишь увидеть, какие трофеи ждут тебя, рвануться на штурм – и сложить головы под стенами. Эта фреска – насмешка над врагами.

– Ага, и над бедняками тоже, – буркнул приятель. – Кстати, о бедняках, господин мой. Приезд в такое великое место неплохо бы отпраздновать. Не угостишь ли верного сквайра пивком? А где пиво – там и кабанья нога. А где наелся от пуза, там и до ночлега недолго... Словом, деньги у тебя есть?

– Пока – нет, – невозмутимо покачал головой Джоакин. – Потому сперва отправимся в замок.

Они спустились к речушке, что отделяла цитадель от города. По солидному каменному мосту пересекли ее, проехали полмили тенистой каштановой аллеей и приблизились к первым, нижним воротам. Ворота были заперты, несмотря на полдень.

– Не очень-то они рады гостям, – заметил Берк, и оказался чертовски прав.

До ворот оставалось еще двадцать ярдов, когда в амбразурах надвратной башни показались арбалеты.

– Стойте, где стоите! – крикнул некто, невидимый в тени

бойницы. – Кто такие, зачем явились?

– Я – Джоакин Ив Ханна с Печального Холма, а это – Берк, мой сквайр! – могуче проорал Джоакин. – Пришли заниматься на военную службу к его светлости!

– Проваливай, – ответила бойница.

Берк невпопад хохотнул. Джоакин свирепо зыркнул на него и прогудел:

– Желаем поговорить с капитаном гвардии!

– Еще чего, – бросили сверху. – Проваливай, говорю.

– А я говорю – позови капитана! – зарычал Джоакин. – Ты хоть знаешь, с кем имеешь дело?

– С голодранцем, – фыркнула бойница. – Для тебя тут службы нет, убирайся.

– Только капитан может принять решение: взять на службу или отказать, – не сдавался Джоакин.

– А я могу принять решение: угостить тебя болтом или нет. Клянусь, если не уберешься сейчас же, проделаю тебе третий глаз.

– Эй, ты что творишь?.. Жить надоело?! – завопил Берк, поскольку Джоакин спрыгнул с коня, воткнул меч в землю, расставил руки в стороны и, безоружный, нагло зашагал к воротам.

– Слушай меня, ты там, на башне! – со злостью закричал молодой воин. – Ты, конечно, можешь пристрелить безоружного путника, с тебя станется. Но тогда ты убьешь человека, который мог бы верой и правдой служить ее светлости леди

Аланис до конца своих дней!

Наверху послышалась какая-то возня, приглушенные голоса. Выстрела не последовало. Джоакин живым добрался до ворот, стукнул кулаком в доски. Спустя минуту открылась калитка. На пороге стоял не арбалетчик, но кольчужный рыцарь в белом плаще с гербом Альмеры. Рыцарь внимательно оглядел Джоакина, негромко хмыкнул.

– Сир Хамфри Эльза Карина, лейтенант гвардии его светлости. Командую привратным караулом.

– Я – Джоакин Ив Ханна с...

– Слышал, – кивнул сир Хамфри. – Ты, по всему, неплохой парень. И служил бы верно – я твою породу знаю.

– Благодарю вас, сир! – вскричал Джоакин, хватая лейтенанта за руку.

– Служил бы, – повторил лейтенант с ударением на «бы». – Замок переполнен, гарнизона вдвое больше, чем нужно. Не возьмем мы тебя – некуда.

– Но сир, нам не обязательно место в замке! – истово заговорил Джоакин. – Мы можем в городе квартироваться, а то и в поле ночевать – не в первой же. Просто на службу возьмите! Я – отличный мечник, вы не пожалеете! Хотите – прямо сейчас докажу. Любого поставьте против меня!

Лейтенант издал смешок и постучал кулаком по лбу:

– Совсем свихнулся... Не нужны нам воины, пойми ты! Ты – храбрый парень, но здесь тебе ловить нечего.

Сир Хамфри захлопнул калитку, и больше с Джоакином

уже никто не говорил. Мрачнее тучи воин вернулся к своему приятелю.

– Ну, ты сделал, что мог, – утешительно сказал ему Берк. – Видать, им и вправду не нужны люди.

Джоакин угукнул и хмуро двинулся от замка. Берк поехал следом, приговаривая:

– Ничего, явемся в город – там найдем что-нибудь. Богачей в Алеридане много, кому-нибудь охрана да понадобится. Ты умеешь говорить веско, так что мы их живо убедим. Скажем: его светлость нынче в опале у его величества. А раз так, то времена грядут беспокойные. А в беспокойные времена всякого сброда на дорогах хватает, так что путешествовать без стражи – оно себе дороже будет. Уважаемый купец должен о сохранности товара заботиться, в этом деле лишний меч никогда не повредит...

При слове «купец» Джоакин дернулся.

– Ну, а что? – продолжил Берк. – Купцу знаешь, как хорошо служить! У него и денег-то поболее, чем у иного лорда, и кормежка вкусная – купцы в еде знают толк. И делишки непильные. Лорды с другими лордами рубятся: меч против меча, рыцарь против рыцаря. А у купца враги – воры да карманники. Наймемся к торговцу – наши шкуры целее будут, вот что!

– Нет уж, благодарю, – буркнул Джоакин.

– Это чего же? Не понял всей выгоды? Едем в таверну, я тебе растолкую! Зуб даю: наняться к торговцу – отличная

мысль! Даже не знаю, зачем мы на замок время тратили...

Вдруг дорога задрожала под ними. Топот копыт загрохотал в ушах, навстречу приятелям вдоль аллеи несясь отряд всадников. Передний кричал, надсадно перекрывая грохот:

– С доррроги! Дорррогу герцогине!

Сзади донесся скрип – замок открывал ворота, готовясь принять отряд. Берк вильнул на обочину, увлекая за собой Джоакина. Спустя пару вдохов мимо них пронесся отряд.

Первым летел золоченый рыцарь на роскошном вороном жеребце. А следом, отставая от лидера на два шага, ехала девушка.

Джоакин глядел на нее. Глядел, не мигая. Глядел, не дыша. Джоакин не знал, где находится, и что делает. От его тела остались одни глаза – остальное было без надобности. Миг, за который леди Аланис промчалась мимо, все длился и длился, и длился... Джоакин смотрел ей вслед, сквозь дорожную куреву и спины всадников, сквозь створки ворот, сомкнувшихся за отрядом... и был уверен, что все еще видит девушку.

Леди Аланис сопровождала дюжина рыцарей – Джоакин заметил их краешком глаза. Самый блеклый из этих рыцарей выглядел так, что Джоакин рядом с ним казался бы нищим прокаженным... но это не имело значения. Замок переполнен, гарнизону не нужны ни воины, ни конюхи, ни лакеи – но и это не имело значения. Спустя месяц имперская пехота осадит цитадель, и всем, кто останется внутри, при-

дется жрать крыс и подметки с сапог. Эта мысль тоже утратила всякую важность.

– Ну что, Джо, двигаем? – спросил Берк, когда улеглась взбитая подковами пыль.

Молодой воин уставился на спутника, будто на умалишенного. Джоакин твердо знал: что бы ни случилось, чего бы ни стоило, он не уйдет от Эвергарда.

Стрела

Август 1774 г. от Сошествия

Первая Зима

Роберт Эмилия Герда рода Агаты, кузен молодого герцога Ориджина, являл собою отличное доказательство того, что люди не меняются с годами. Роберт Ориджин был фаталистом и в тридцать лет, и в двадцать, и в десять. Даже младенцем он был фаталистичным – кто помнит, тот подтвердит. Всю свою жизнь Роберт свято верил, что все на свете – в руках Праматерей. Как они решили – так и будет; чему положено – то и случится. Человек не в силах изменить что-либо, как ни старайся. Даже если кажется, будто принимаешь решения, на что-нибудь влияешь – это иллюзия.

Такие убеждения вовсе не сделали Роберта смиренной овечкой. Подростком он начал службу грея, в шестнадцать получил красно-черный плащ, в девятнадцать командовал ротой, в двадцать три – батальоном. Будучи юношей, считал выигранные поединки, а когда перевалил за дюжину, сбился со счета и больше не давал себе труда. Ходил с лордом Десмондом в Шейланд и в Рейс, и в Закатный Берег. Турнирами пренебрегал – ерунда это. Лишь однажды в Нортвуде на спор принял участие и сделался чемпионом... Словом, кайр Роберт был обычным Ориджином, не хуже прочих.

Его мировоззрение выражалось в крошечном, непрошибаемом спокойствии при любой жизненной ситуации. Роберта невозможно было удивить или выбить из колеи. Что бы ни случилось, он принимал как должное и реагировал одним словом: «Ага». Или в крайнем случае: «Бывает». Кого-то убили – ага, кто-то тяжело хворал и выздоровел – бывает. Сошла лавина, снесла родовое имение – и такое бывает. За ночь выиграл в кости полсотни эфесов – ага. Роберт, вообще-то, был не азартен, но в ту ночь Праматери распорядились – он и сыграл. В Закатном Берегу оказался в безнадежной ситуации: с одной ротой, прижатый вражескими эскадронами к замковой стене, – ага. Прикинул: что угодно Светлой Агате? Ей угодно было, чтобы Роберт бросился на штурм. Он и полез – одною ротой. Замок пал. Позже герцог Десмонд хвалил его: «Ты – герой, племянник. Это легендарный успех». Роберт ответил: «Бывает, милорд». А днем позже скакал в чистом поле, конь угодил копытом в нору, и Роберт расшиб голову – так сильно, что всю зиму провалялся на грани смерти. Он и тут сказал бы: «Бывает», – да не смог, поскольку лежал без сознания.

А когда оклемался, старый герцог поручил ему дело.

– Очень важное дело, почетное, – сказал герцог, но замаялся. Казалось, боялся унизить племянника.

– Ага, милорд.

– Наши денежные трудности растут из года в год. Ситуация становится плачевной. Я хочу поручить казну герцогства

человеку, которому полностью доверяю, – одному из Ориджинов. Хочу, чтобы ты, Роберт, занялся этим.

Другой бы протестовал: что за дело для воина?! Убеждал бы: я выздоровел, рана зажила, готов к любому сражению! Намекнул бы осторожно: младший сын вашей светлости, Эрвин, справится намного лучше... А Роберт не спорил, даже ни о чем не спросил. Раз так случилось – значит, Праматерям угодно.

– Ага, милорд.

С тех пор шесть лет кайр Роберт заведовал всею казной Первой Зимы.

К этому делу подходил он добросовестно, как и к любому другому. Старательно изучал отчеты управителей, крупные суммы выдавал только под расписки, каковые складировал в сундуке под замком. Раз в месяц брал на себя труд лично просуммировать все доходы и вычесть расходы. Если деньги тратились на что-либо видимое глазу – ремонт крепостной стены, строительство моста или дороги – ездил проверить, как идут дела. При этом Роберт продолжал носить двуцветный плащ и меч на поясе. Управители боялись его, как сизого мора. Если прежде кто-то воровал из герцогской казны, то теперь о краже не могло быть и речи.

Однако Великий Дом Ориджин продолжал беднеть. Кайр Роберт зорко следил за тем, куда расходуются деньги, но откуда они берутся – имел смутное представление. Конечно, Роберт знал: основной источник доходов – налоги с торгов-

ли, ремесленных цехов и вольных крестьян. Но какова должна быть сумма этих доходов?.. На нее влияла масса факторов: урожай или неурожай, овечий мор, текущие цены на шерсть, торговая политика Южного Пути, даже столичная мода! Роберт Ориджин не разбирался во всей этой чепухе, да и не пытался. Он видел ситуацию так: доходы зависят от воли Праматерей. Если им будет угодно, доходы вырастут. Как правило, Праматерям было угодно обратное.

Каждый сезон кайр Роберт докладывал своему дяде:

– Милорд, доходы упали на десятину против минувшего года. Я смог сократить расходы лишь на пол-десятины, так что по итогу остались в убытке.

Герцог хмурился:

– Куда деваются чертовы деньги?..

Роберт принимался обстоятельно отвечать, герцог кривился, как от кислого вина. Роберт выкладывал на стол учетные книги и векселя. Герцог рычал:

– Хватит, довольно! Скажи коротко: в чем беда?

– Праматерям угодно, чтобы доходы упали, – невозмутимо сообщал Роберт.

– Холодная тьма... Что можно сделать?

– Будем надеяться, милорд, что в следующем году станет лучше, – советовал Роберт. Герцог следовал совету.

Был конец августа 1774 года. Жизнь повернула и двинулась другим путем. Великий Десмонд Ориджин тяжело захво-

рал и отрекся от власти. Эрвин София Джессика – новый герцог – собирал войско.

Он вызвал Роберта для беседы наедине в шестой день своего правления. Разговор состоялся на вершине южной башни – Эрвин любил высокие места. Молодой герцог предложил выпить, Роберт не отказался. Поднял кубок за Светлую Агату, влил в себя залпом, не поморщившись. Эрвин едва пригубил.

– Ну, ты и дела затеял, кузен!.. – сказал Роберт, кивнув в сторону бойницы.

Снаружи блестело лазурью озеро, плавали утки, служанки со смехом стирали белье... А за озером долина пестрела шатрами и флагами, чадила сотнями костров, всхрапывала тысячами конских глоток. Двенадцать батальонов развернулись в долине, и она сразу сделалась тесной. Военный лагерь уперся флангами в подножья гор.

– Что ты об этом скажешь? – спросил Эрвин.

– Сильное войско, – уважительно ответил Роберт. – Славный выйдет поход, надолго запомнится.

Глубоко в душе Роберт полагал, что армия кузена будет с треском разбита. Имперские войска вдвое превосходят северян по численности и носят искровые копья. А Эрвин, ко всему, совсем неопытный полководец, так что его дело – пропащее. Однако Роберт не кривил душой: поход будет славный и памятный! Хотя и безнадежный.

– И ты не скажешь, что я совершаю самоубийство? – будто

прочел его мысли Эрвин.

Роберт пожал плечами.

– Ты сказал, Агата говорила с тобой. Раз это ее воля – значит, быть посему.

– Я тоже так считаю, – с легкой улыбкой ответил герцог. – Загвоздка вот в чем: Светлая Праматерь не сказала мне, откуда взять денег для похода. Об этом я хотел побеседовать с тобой.

Роберт поднаторел в финансовых подсчетах и без труда прикинул вслух:

– У нас два батальона Первой Зимы. В каждом по четыреста кайров, каждый получает в месяц пять золотых. Добавим жалованья офицерам и походные затраты, выйдет общим счетом три тысячи девятьсот эфесов в месяц. Затем, ты призвал еще десять вассальных батальонов. Тамошним кайрам платят их лорды, но ты должен будешь оплатить продовольствие и фураж в походе, госпитали и снадобья, а также труд инженеров для осадных машин. Это станет тебе по двести пятьдесят эфесов на батальон, итого – шесть тысяч четыреста золотых в месяц...

– Еще не все, – покачал головой Эрвин. – Я ожидаю Флеминга и Уайта, и лордов Верхней Близняшки, и отзываю нашу горную стражу. Добавятся еще два батальона Ориджинов и шесть вассальных.

– Ага, – сказал Роберт и нахмурился, складывая в уме, – стало быть... одиннадцать тысяч восемьсот золотых за месяц

похода. А если положить, что война не будет длиться меньше трех месяцев, то выходит...

– Пятьдесят девять тысяч эфесов, – опередил его Эрвин. – Мне понадобится не три месяца, а пять.

– Все в руках Праматерей, – согласился Роберт.

– Тут мы подходим к самому любопытному. Сколько есть у нас в казне?

Ни секунды не колеблясь, казначей сообщил:

– Сто девяносто эфесов серебром и восемьдесят шесть – золотом.

Ничтожная малость суммы не смущала Роберта. Он был уверен: дело казначея – в том, чтобы точно вести подсчет и не допускать воровства. А уж доходы – это в руках Праматерей, и от воли смертных не зависит.

Эрвин усмехнулся:

– И, я полагаю, эти баснословные богатства уже кому-нибудь обещаны?

– Точно, кузен. Твоя матушка велела выдать пятьдесят эфесов епископу и пятьдесят – госпиталю Глории-заступницы. Еще триста будут выплачены мастерам за укрепление моста через Створки Неба.

– Иными словами, я имею на сотню эфесов меньше, чем ничего?

– Бывает, – пожал плечами Роберт.

Молодой герцог сказал с улыбкой:

– Дорогой кузен, мне нужны деньги. Ты знаешь, сколько.

Найди мне их.

Казначей глянул на лорда несколько озадаченно. Подобных дел ему прежде не поручали. Он привык повиноваться приказам и исполнять со всей тщательностью, но этот приказ был больно уж странным. Роберт попытался объяснить:

– Ты не понимаешь самую суть казначейского дела...

– Кузен, – добродушно подмигнул ему Эрвин, – я знаю, прошло совсем мало времени, ты не успел перестроиться... Никогда не говори герцогу Ориджину, что он чего-нибудь не понимает. Ага?

Казначей не оробел:

– Прости, я не хотел проявить неуважение. Тут нет ничего зазорного: ясное дело, герцог не понимает в финансах, ты же не купец. Но я, волею Праматерей, освоился в этой кухне, и хочу пояснить.

– Что ж, давай, – милостиво разрешил герцог.

– Видишь ли, главная задача казначея – всегда знать, сколько денег имеется в казне. Если лорд желает потратить деньги, он спрашивает о том, сколько есть в наличии, и из этой суммы исходит. Для того и ведется учет – чтобы знать, сколько можешь потратить. Безрассудные лорды тратят больше, чем имеют, и влезают в долги. Слишком осторожные тратят меньше, и в казне остается избыток, который крадут управители. Умный лорд потратит ровно столько, сколько нужно. Такова суть финансового дела.

– Извини мне глупый вопрос... а кто отвечает за напол-

нение казны?

Лицо Роберта прояснилось, он сказал с глубокой убежденностью:

– Это не зависит от воли смертных! Доходы – в руках Праматерей.

Герцог почему-то рассмеялся.

– Ах, как мало мы значим в этом мире! Ничтожные смертные!.. Ладно, спрошу более конкретно. Граф Шейланд оплатил выкуп за мою леди-сестру. Сколько?

– Двадцать тысяч золотых.

– Всего?!

– Двадцать тысяч сразу, и еще обязался платить по десять в год на протяжении будущих десяти лет. Общим счетом выйдет сто двадцать тысяч эфесов.

Эрвин присвистнул. Это была чудовищная сумма. Редкий император выплачивал такой выкуп семье своей невесты! Однако деньги нужны были сейчас, а не через десять лет.

– Я могу использовать хотя бы первые двадцать тысяч?

– Нет, кузен. Они давно потрачены.

– Кем? На что?

В этом Роберт был силен. Улыбка озарила суровое лицо кайра.

– Две тысячи двести пошли на устройство свадьбы Ионы. Тысячу пятьсот Иона забрала с собой в Шейланд, чтобы пожертвовать тамошним беднякам и больницам. Тысячу двести герцогиня София потратила на открытие театра в Лиде

и шестьсот отдала епископу для новых фресок в Скальную Часовню...

Герцог вновь расхохотался:

– Ну и семейка! Хоть кто-нибудь здесь тратит деньги на что-то полезное?

– Оставшиеся четырнадцать тысяч пятьсот и еще двенадцать тысяч из нашей казны герцог Десмонд уплатил мастеровым цехам задатком за сооружение подземной усыпальницы.

Смех Эрвина тут же оборвался.

– Мой отец зарыл в землю половину стоимости войны?!

– Неуместный сарказм, кузен. Подземная усыпальница – важное и дорогое строение. Она...

– ...очень скоро пригодится мне, если я не найду денег на содержание войска!

– Бывает, – развел руками Роберт.

Герцог глубоко вдохнул, чтобы набраться терпения.

– Ладно, Роберт, я понимаю: задача непростая, творческая. Давай подумаем вместе: где взять денег? Вот, например. Отец заплатил цехам вперед... но ведь они не потратили эти деньги сразу! Не могли же! Таких деньжищ хватит на десять лет строительства. Можем ли мы забрать назад то, что цеха еще не истратили?

– Это против чести, кузен.

– Не силой забрать, а попросить. Пообещать цехам свободу от налогов на все время, пока мы не вернем задаток.

– Хм... Да, может сработать. Думаю, тысяч десять получим.

– А нужно шестьдесят. Где взять еще?

– Герцог Десмонд в таких случаях брал в долг...

– У Короны или Альмеры! Айден Альмера заперт в осаде, а император – наш противник!

– Есть Нортвуды...

– Сибил теперь подруга Адриана. Нортвуды ничего нам не дадут. Думай еще, кузен!

Вопреки ожиданиям, новая задача расшевелила Роберта. Найти денег – все равно, что придумать план кампании, только намного сложнее.

– Ха! Есть мысль, кузен! – казначея посетило озарение. – Говоришь, ты ждешь батальоны Флеминга и Уайта? Они опаздывают, и мы с тобой знаем, что это значит: эти люди ненадежны. Опасно вести в бой вассала, который колеблется прежде, чем выполнить твой приказ. Кузен, предложи Уайту и Флемингу внести откупную подать. Вместо военной службы пусть заплатят Первой Зиме по десять тысяч эфесов. Мы получим деньги и избавимся от людей, которым не можем доверять – двойная выгода.

Эрвин уважительно кивнул.

– Действительно, отличная мысль. Ты меня радуешь, кузен. Жаль, что не могу последовать совету.

– Почему?

– Император выставит против меня десять батальонов ры-

царей и двадцать – искровой пехоты. Мне нужен каждый воин Севера, который может держать оружие. Я не могу отказаться от войск Уайта и Флеминга.

– Что ж...

– Не говори свое «бывает»! Подумай еще, давай! У тебя хорошо получается.

Роберт сказал:

– Граф Шейланд может заплатить нам десять тысяч в счет будущего года... если Иона попросит его об этом.

– Иона не станет просить, – отрезал Эрвин. – Тем более, у своего мужа. Только не Иона.

– Понимаю, кузен.

– Но мысль неплоха... Сделаем вот как, Роберт: не сестра обратится к Шейланду, а ты.

– При всем уважении... куда больше шансов, что граф даст денег, если попросит Иона.

– Не бойся, даст и тебе. Он будет сговорчив и добр: я сделаю графу щедрый подарок.

– Какой?... – полюбопытствовал Роберт.

– Предложу ему сбежать из Первой Зимы и переметнуться на сторону императора. Я уверен, банкир будет в восторге.

Роберт покачал головой, но не сказал ничего об умственных способностях кузена. Лишь развел руками:

– Бывает...

В дверь постучали, на пороге возник кайр Джемис Лиллидей:

– Милорд, вассалы собрались в большой трапезной. Ждут вас.

– Верно, пора. Идем, Роберт.

* * *

В замковом дворе раздавался звон мечей. Герцог и кайры остановились, глядя на группу воинов, окружившую двоих дерущихся.

– Поединок, милорд, – прокомментировал Джеμισ.

– А то я не вижу!..

Эрвин подошел посмотреть. Зрители расступились, пропуская. В центре круга рубились двое кайров.

Обычно кайровские поединки быстры и кровавы. Эрвин видал такие, что решались в два удара. Атака – неудачный блок – повторная атака. И все, один лежит, второй оттирает клинок. Собственно, на этом и строится кайровская тактика пешего боя: уложить противника за считанные секунды, пока не пришли на помощь другие. В мечевом бою кайр срабатывает, как взведенный арбалет: наносит один молниеносный и неотразимый удар, отточенный годами. Это позволяет разрушить строй, врубиться в глубину вражеских порядков, сокрушить значительный отряд небольшим числом воинов.

Однако сейчас бойцы были равны по мастерству. Один атаковал с такой скоростью, что клинок расплывался в воздухе блестящей дугой. Сыпал удары градом, зажимал про-

тивника в глухую защиту, не давая опомниться. Но тот, однако, успевал раз за разом парировать и смещался так, чтобы зайти противнику в бок. Нападающий сильно рисковал: если он хоть на миг сбавит напор, вполне возможно, первая же контратака прикончит его. Но и жизнь защитника висела на волоске: спасала лишь предельная концентрация внимания, раз моргнуть – и один из ливня ударов достигнет цели.

Джемис шепнул:

– Красиво!..

Его точку зрения разделяли многие: две дюжины воинов следили за поединком, затаив дыхание. В их числе были и часовые, охранявшие двери трапезной.

– Господа, – кашлянул Эрвин, – простите, что отвлекаю!

Зрители обернулись к нему, вскинули руки в салюте:

– Милорд! Милорд!

Бойцы не заметили, и Эрвину пришлось рявкнуть:

– Отставить!

Они опустили мечи. Ни на одном не было ни капли крови. Несколько минут такого поединка без единой царапины – признак высочайшего мастерства обоих бойцов.

– Хороши, – вполголоса сказал Джемис.

– Кто начал? – холодно спросил герцог Ориджин.

– Я, милорд, – сделал шаг вперед нападавший кайр. – Мое имя...

Эрвин пропустил мимо ушей.

– Зачем?

– Он оскорбил Светлую Праматерь Агату.

– Вот как?..

– Назвал ее просто Агатой, будто какую-нибудь служанку!

– Какой ужас!.. – покачал головой Эрвин.

– Да, милорд.

Герцог повысил голос:

– И ваша память, господа, не сохранила тот незначительный факт, что я запретил поединки?!

Бойцы молчали. Джемис сказал:

– Ваш отец, милорд, поощрял...

– Ах, мы так похожи, сложно заметить разницу... Открою тайну: я – не мой отец!

Эрвин указал на кайра-защитника:

– Месяц в подземелье. В сидячем мешке.

Кайр спал с лица. В обширной темнице Первой Зимы имелись камеры разных размеров. Некоторые отличались от гроба лишь тем, что заживо похороненный имел возможность сесть.

– Милорд, за что?.. Я ведь только защищался!

– Два месяца. Вы могли принести извинения, а не хвататься за меч.

Герцог перевел взгляд на часовых:

– Вы составите ему компанию. Следовало вмешаться, а не зевать.

Три меча со звоном легли на брусчатку.

– Теперь вы... – Эрвин подозвал зачинщика поединка. –

Вы устроили бой у дверей трапезной, когда меня ждут внутри. Хотели произвести впечатление и выслужиться?

– Да, милорд, – без смущения ответил кайр. Он считал себя победителем и был уверен: его не коснется наказание.

– Я дам возможность послужить, – сказал Эрвин. – Идите со мною, займите место за обеденным столом. Когда подам знак, встаньте и выйдите из зала.

– Это все, милорд?

– Поверьте: этого довольно.

В сопровождении трех кайров Эрвин вступил в трапезную.

* * *

Здесь было жарко и тесно: казалось,ходишь в бочку,заполненную смолой. Зал переполнен: триста человек дышат пряными запахами яств, переговариваются,затапливая воздух гулом. Прим-вассалы – на помосте: сестра и мать, кастелян Хайрок и граф Лиллидей, бароны Стэтхем и Нойворт, полковники Хортон и Блекберри, кузен Деймон – брат Роберта. Здесь же и свояк – граф Виттор Шейланд. Секунд-вассалы – внизу, за общими столами: мелкие бароны, родовитые кайры, батальонные офицеры. Цвет герцогства, железный кулак Севера. Триста человек разом умолкли, обернувшись к Эрвину, и ему сделалось зябко.

В тишине он прошел на свое место между сестрой и ка-

стеляном. Все, кто был в зале, поднялись и поклонились ему. Воздух громыхнул:

– Слава дому Ориджин!

Эрвин подумал: что вы запоете через десять минут, когда я скажу то, что собираюсь?.. Эти люди слышали, что сделал император. И привели свои войска в долину, и присягнули на верность молодому герцогу... Но они еще не слышали, что Эрвин собирается делать.

Иона подалась ближе к брату, он ощутил ее тепло. Со дня, как он вернулся в Первую Зиму, Иона всегда находилась около. Стояла за плечом, когда Эрвин принимал вассальные присяги; сидела рядом на совещаниях и обедах; читала книгу, пока Эрвин писал письма; с ним вместе ездила на прогулки, вместе смотрела на огонь в камине. Иона не требовала внимания: когда он был занят – а так случалось почти всегда – сестра не издавала ни звука. Но давала почувствовать: я – рядом. От этого становилось легче дышать.

Эрвин поднял кубок:

– Да славится Светлая Агата!

Вассалы выпили вместе с лордом. Он позволил им сесть, но сам не опустился на место.

– Господа, я хочу сразу сказать главное. Мы перейдем к трапезе после того, как поговорим о деле.

Зал притих. Голос лорда зазвенел в каменных стенах:

– Клянусь быть честным пред лицом сюзерена, не порочить его словом или делом, не совершать поступков, против-

ных воле господина, как своими руками, так и руками людей, что будут служить мне. Знакомые строки?!

– Да, милорд.

– Клянусь чтить память Святых Прародителей, – чеканил Эрвин, – поступать согласно их заветам, свято соблюдать законы воинской чести. Клянусь поднимать меч в защиту слабых и невинных, беречь справедливость, уничтожать ростки зла и тьмы, проникшие в наш мир! ...А эти слова знакомы вам, воины?!

– Так точно, милорд!

– Эту присягу принес каждый из нас. Пришло время ее выполнить! Каждый в этом зале слышал, что произошло в Запределье. Каждый знает: человек, занимающий престол, пограл справедливость, растоптал воинскую честь, плюнул в лицо Праматерям! Адриан решил, что стоит выше заветов, что может призвать в мир тьму и поставить ее себе на службу. Праматери ему больше не указ. Он нашел себе нового союзника – Темного Идо. Вы готовы молча подчиниться этому человеку?! Готовы стать перед ним на колени и покорно склонить головы?!

Зал взорвался негодованием. Стены едва не дрожали от криков. Воины схватывались с мест, вздымали мечи над головами.

Эрвин дал им время, затем поднял руку, призывая к тишине.

– Буду честен с вами, воины. Я не обещаю легкой победы.

Не обещаю звона золота и громких почестей. Не обещаю, что многие вернутся живыми. Вы привыкли к быстрым и победоносным сражениям, привыкли, что враг дрожит перед нами... но нынешний враг не таков! Подобного врага никогда прежде не было. Потребуется все наши силы до последней капли – и все равно окажется мало. Будет трудно и жарко, на нашем пути вырастут железные стены, а земля станет гореть под ногами. Но если кто и сможет противостоять такому врагу, то это – мы, северяне. Никто другой! Ни одна сила в мире не рискнет обнажить меч, если мы не сделаем этого! Мы – последний оплот, мы – надежда Праматерей, и другой не будет! Мы родились на свет, чтобы вступить в эту войну. И я клянусь вам: это будет чертовски славная война!

Трапезная потонула в криках. Злость, азарт, предвкушение. Эрвин и не ждал другого. Убедить кайра сразиться за своего лорда против сильного врага ради славы и чести – не сложнее, чем уговорить пса броситься на волка... Нет, трудная часть – еще впереди.

Эрвин вынул из-за манжеты свернутый листок и подмигнул сестре. Она была рядом, когда он писал это, но не видела текста. Он попросил тишины и показал воинам письмо.

– Согласно древним законам чести, прежде чем начать войну, следует дать врагу шанс. Если он признает себя слабым и отступит без боя, благородный воин не должен его преследовать. Потому я намереваюсь отправить нашему врагу следующее письмо.

Он зачитал с листа:

– Адриан Ингрид Элизабет, сударь. Мне известно о страшных злодеяниях, творимых по вашему приказу в Запределье. Вы преступили законы людей и богов. Если хотя бы отзвуки чести присущи Вам, Вы сделаете то, чего я требую. Остановите святотатство; судите и казните тех, чьими руками творилось зло; освободите всех пленников и выплатите десять тысяч эфесов семьям безвинно погибших; принесите извинения Великому Дому Ориджин. Лишь тогда останусь Вашим верным вассалом. Эрвин София Джессика, герцог Ориджин.

На минуту повисла гробовая тишина. Ее прорезал чей-то возглас:

– Правильно! Пусть знает! Север воюет по чести!

Кто-то подхватил:

– Верно! Адриан может поджечь хвост и сбежать, если захочет!

– Дадим ему время подрожать от страха!

И следом понеслось:

– Да здравствует Ориджин! Слава Агате!..

Но верхний, господский стол хранил хмурое молчание. Кто смотрел с укором, кто – с разочарованием. Роберт обронил:

– Бывает...

– Милорд, – сказал Артур Хайрок, – это плохая идея.

– Худшая из тех, что можно придумать, – добавил полковник Блэкберри.

– Самоубийство, – ввернул Деймон Ориджин, брат Роберта.

Полковник Хортон растолковал Эрвину, будто несмысленному:

– Внезапность – наш козырь. Адриан не знает, что вы живы. Если выступим быстрым маршем, за месяц достигнем земель Короны. Возможно, Адриан не успеет сосредоточить войска, и мы разобьем их по частям. Но если предупредим, он подготовится и соберет армию. Против каждого нашего воина выйдут по два искровых копья! У нас не будет шансов!

– Учтите политическую обстановку, милорд, – взял слово граф Лиллидей. – Как только вы оповестите Адриана о мятеже, он тут же созовет своих вассалов. Можно не сомневаться, что на его стороне выступят Лабелин и Литленды, Альмера и Надежда. Это даст ему не меньше тридцати тысяч рыцарей! У Адриана будет пятикратный перевес в кавалерии! Как вы планируете победить, милорд?..

Эрвин громко кашлянул и заговорил на весь зал:

– Я хочу дать шанс не только Адриану. Здесь, среди нас, могут быть такие, кто не согласен со мною. Те, кто не готов подчиняться приказам, кто считает меня глупым и неопытным. Те, кто не верит мне. Я даю вам возможность, но только одну: встаньте и уйдите прямо сейчас, и никогда не возвращайтесь. Я не стану преследовать – даю слово лорда.

Джемис аж присвистнул. По столам пробежал шепоток. Такого не ожидал никто. Разрешение на предательство?.. Как это?..

Некоторые лица выразили колебание. Некоторые предпочли бы не идти за неженкой в его самоубийственный поход, но не могли решиться подняться с мест. Было слишком похоже на издевку или жестокое испытание. Сложно поверить, что герцог говорил всерьез.

Эрвин нашел глазами кайра – зачинщика поединка, и чуть заметно кивнул. Тот побледнел, но встал. Растерянно развел руками.

– Милорд?..

– Ступайте, – сказал герцог.

Кайр пошел к выходу, то и дело оглядываясь. Эрвин буравил его взглядом, пока воин не оказался за порогом. Повернулся к залу:

– Кто еще? Кто еще не верит мне?

Поднялось несколько человек. Потом другие, и еще. Один за одним, двадцать три воина покинули зал. Больше, чем Эрвин хотел бы, но меньше, чем опасался.

Затем он окинул взглядом верхний стол: Хортон и Блэкберри, Лиллидей и Хайрок, бароны, два кузена, сестра и мать, граф Шейланд. Никто из них не изъявил желания встать. Многие опустили глаза.

– Я рад, что теперь меж нами полное взаимопонимание, – сказал Эрвин и взмахом руки велел начать трапезу.

Иона хотела сказать что-то, но Эрвин прижал палец к губам:

– Потом.

И через плечо сестры шепнул Виттору Шейланду:

– Граф, после обеда я хотел бы поговорить с вами наедине.

* * *

Эрвин плотно запер дверь кабинета и предложил свояку сесть. Тот отказался. Застыл в напряженной позе, готовый не то сражаться, не то оправдываться, не то отвесить поклон.

– Граф, почему вы не ушли?

– Простите?..

– Я предложил уйти всем, кто не хочет участвовать в моей безумной и безнадежной затее. Большинство северян остались – они сумасшедшие, как и я. Но вы-то, граф?..

– Ваша светлость... – Виттор Шейланд потер подбородок, опустил взгляд. – Вы не лучшего мнения обо мне. Я не первый день живу на свете, милорд... Понимаю: такие, как леди Иона, не выходят за таких, как я. Уже одного этого довольно для вашей немилости... Я – сын банкира и внук купца, это верно. Но и сын графини – тоже. Вы предложили уйти, и предатели ушли. Можете думать обо мне что угодно, милорд, но у меня есть достоинство. Я остался.

– Слово «предатель» неприменимо к тем, кто не связан клятвой. Вы не обязаны служить мне.

– Но я – ваш свояк, милорд.

Эрвин искривил губы в улыбке:

– Будьте верны Ионе – этого довольно.

Граф Шейланд прочистил горло:

– Милорд, неловко говорить... Не к лицу мне пафос и громкие слова. Не тот я зверь, чтобы рычать. Но... мне тоже не по душе то, что сделал Адриан.

Эрвин смерил его внимательным взглядом, будто увидел впервые.

– Хорошо сказано. Я рад это слышать... И тем не менее, буду просить вас, граф: уезжайте. Вернитесь в Уэймар. Сообщите императору о том, что видели здесь.

Виттор дернулся:

– Вы принимаете меня за...

– За умного человека, граф. Тысяча ваших воинов не изменит ход войны. Они даже не удержат Уэймар, если император пошлет туда искровиков. Но если вы сделаете, как я прошу, то спасете себя... и мою сестру.

– Вы просите... постоять в стороне, пока вы сражаетесь со злодеем и тираном?

– Да. И защитить леди Иону.

Виттор поразмыслил – и покачал головой.

– Нет, милорд, простите. Я не сделаю этого.

– Имеются весомые причины, кроме уязвленной гордости?

– Даже две. Во-первых, леди Иона не согласится стоять в

стороне. Ни за что.

– Я поговорю с нею.

– И она откажет вам, милорд. Увидите.

– Увидим. А во-вторых?

– Во-вторых, у меня есть идея. Вам ведь нужны союзники, верно?

Эрвин прищурился, склонил голову в сомнении.

– Хотите сказать, вы можете привести на мою сторону Великий Дом?

– Полагаю, да.

– Как?

Виттор медлил.

– Желаете плату за это?

– Да, милорд.

– Какую?

– Ваше доверие.

Герцог издал смешок:

– Всего-то?..

– Милорд, я женат на вашей сестре и знаю, чего стоит доверие Ориджина. Дороже всего, что я мог бы попросить.

Эрвин ответил:

– Ничего не обещаю вам. Лишь одно: я дам вам право выбрать сторону, и если по какой-то причине выберете мою – я приму вас.

Виттор слабо улыбнулся:

– Этого я и хотел, милорд. Моя идея – в следующем...

Полчаса спустя граф Шейланд покинул кабинет герцога. В приемном покое дожидались леди Иона и кайр Джемис. Они застали Эрвина в странном воодушевлении.

– Милорд, ваша радость скверно пахнет, – тут же заявил Джемис. – Вы имеете дурную привычку смеяться, стоя на пороге смерти.

– Сейчас – не тот случай, – возразил Эрвин. – Близость смерти наскучила и больше не забавляет. Я стал предельно осторожен.

– Неужели? – с сарказмом процедил кайр. – Из чистой осторожности вы предупреждаете императора о своем мятеже?

– Именно.

– Даете ему время подготовиться, собрать войска, встретить нас пятикратным перевесом?

– В кавалерии. И десятикратным – в пехоте.

– А изменникам в вашем войске милостиво позволяете предать вас?

– Точно так.

– Не объясните ли смысл ваших поступков, милорд?

– И не подумаю! – Эрвин буквально лучился самодовольством.

– А мне – объяснишь?.. – осторожно спросила Иона.

– И тебе – нет.

Лицо сестры посерело. Кайр Джемис сказал:

– Вы просили правду, милорд. Извольте: ваш поступок выглядит благородной глупостью. Очень благородной... и очень глупой.

– От всей души на это надеюсь! – Эрвин подмигнул кайру. – Вы можете идти, Джемис.

Тот покачал головой и вышел. Брат и сестра остались одни.

– И тебе не объясню, милая Иона... но ты поймешь сама. Иона повела тонкой бровью.

– Ты хотел избавиться от предателей сразу, еще до сражений?

– Верно. А зачем я злю Адриана?

В темных глазах сестры блеснули искорки:

– Ты хочешь, чтобы он прислал за тобой своих убийц с Перстами Вильгельма. Мы схватим их и покажем всему миру. Тогда Великие Дома выступят на нашей стороне!

Эрвин улыбнулся в ответ:

– Провокация, дорогая сестричка. Ее так легко принять за безрассудство противника.

Иона обняла его и шепнула на ухо:

– Знаешь, что я хочу сказать?

– Тебе достался чертовски хитрый брат.

– А еще?

– Ты гордишься мною.

– Это не все, – глаза леди Ионы были очень серьезны.

– Если Адриан разгадает мою маленькую хитрость, то ре-

шит сыграть на опережение. Захочет раздавить нас прежде, чем мы сплотим Великие Дома. Швырнет в бой каждого рыцаря, каждого искровика, каждого зверя с говорящим Предметом, который ему служит. Здесь, в долине, случится самая кровавая бойня, какую только видел Север. Земля станет цвета кайровских плащей, а от Первой Зимы не останется камня на камне. Ты об этом, сестрица?

– Да, – кивнула Иона. – Но мы все равно победим. Иначе просто не может быть. Мы – Ориджины. Мы разобьем его.

– Не мы... – тихо сказал Эрвин. – Я.

– Что?..

– Прошу тебя: уезжай. Отправляйся с мужем в Уэймар. Если они придут в Первую Зиму, хочу, чтобы тебя здесь не было.

Иона отстранилась. Обошла комнату, встала у окна. Долину накрывали сумерки, повсюду тлели искры костров.

– Как ты думаешь, милый: птицы умеют падать?

– Так же, как рыбы – тонуть...

– Если птица захочет умереть, что ей делать? Сложить крылья и рухнуть камнем вниз, на скалы... Хватит ли силы воли, чтобы не вспорхнуть в последний миг? Сможет ли заставить себя разбиться?..

Эрвин подошел ближе, а голос сестры стих до шороха.

– Я думала об этом, когда ты был... там. Стояла на башне меж зубцов, смотрела туда, где Запределье. Не видела тебя и думала о птицах... О себе. Я – не птица, мой дорогой Эрвин.

Никаких крыльев, ни перышка. Мне было бы очень легко падать.

Брат развернул ее лицом к себе.

– Хочешь о смерти? Хорошо. Я вернулся из Запределья ради тебя. Проще было тысячу раз сдохнуть, чем вернуться... Так вот, не смей говорить мне про башни и перья, слышишь? Если сотворишь такое, я найду тебя на Звезде, притащу обратно на землю, а потом своими руками задушу.

– А ты не смей прогонять. Мое место – здесь!

– Иона, ты говоришь, как капризная девчонка. Вспомни, кто ты!

Северная Принцесса покачала головой с ледяной улыбкой на устах.

– Я хорошо помню, кто. А помнишь ли ты? Я – Ориджин. Ты – мой лорд, и я хочу служить тебе. У меня есть такое право.

– Сестрица, ты не...

– Прикажи! – оборвала Иона. – Прикажи что угодно, я сделаю. Тебе нужны деньги – сколько? Сто тысяч? Миллион? Я найду! Нужно командовать войском? Ты же знаешь, смогу и это! Искать союзников, договариваться, убеждать – кого угодно, хоть Темного Идо. Сидеть в засаде, ожидая, когда за тобой и мной придут всесильные убийцы? Я буду, если нужно. Только скажи!

Эрвин оторопел от этой вспышки и не находил слов. Иона продолжила:

– Но не приказывай уезжать. Не говори, что я снова должна оказаться в сотнях миль от тебя. Снова неделями не спать, снова дышать пеплом вместо воздуха. Чувствовать, как сердце леденеет в груди. Замерзать с каждой вестью, которую приносят голуби. Умирать вместе с тобой ночь за ночью, и делать вид, что живу... Не поступай так со мною, прошу. Я устала от смерти. Я знаю, как холоден мир без тебя.

Перо

*Август 1774 г. от Сошествия
Фаунтерра*

Три недели в столице – это много. Не сказать, что целая жизнь, но где-то около. Множество событий теснятся, скрешиваются, затеняя друг друга.

Его величество начал появляться на людях вместе с ее высочеством. Минерва Стагфорт взошла на очередную ступеньку традиционной лестницы. В день помолвки она стала зваться «ее высочеством», наравне с принцессой крови. Первого августа обрела привилегии сопровождать владыку в светских делах и наполнять его кубок за столом. Шестнадцатого августа леди Минерва начнет носить фамильные цвета Династии, первого сентября получит место у трона во время больших приемов... Так, ступень за ступенью, она будет вживаться в новую роль, пока не сделает окончательный шаг: шестнадцатого октября корона императрицы ляжет на голову девушки.

Айден Альмера, обвиненный в измене, окопался в родовом замке Эвергард на окраине Алеридана. Пришли донесения: герцог удвоил гарнизон и набил склады припасами. Эвергард сможет продержаться до зимы против самого сильного войска. Герцог больше не покидает стен замка. А вот

его дочь иногда выезжает в город под охраной рыцарского эскорта. Безрассудная смелость, или отчаянная глупость, или попытка доказать свою невиновность. А может, все вместе.

Архиепископ Галлард – брат герцога – отбыл из Фаунтерры в Алеридан, где собирает войско небогатых рыцарей и наемников. Едва суд лишит Айдена Альмера титула, как его брат тут же провозгласит себя правителем Красной Земли. Прежде это встревожило бы Корону: одиозный упрямец, собравший в своих руках и церковную власть, и военную мощь Альмеры... Однако со дня помолвки императора Галлард сделался шелковым: именем Праотцов благословил невесту, пожелал венценосной чете долгих лет счастья, осудил злодеяния брата, поклялся всеми силами бороться за справедливость. Ходят слухи, Галлард так увлекся, что даже сказал несколько слов о пользе рельсовых дорог! К сожалению, Марк не слышал этого лично.

В Надежду протянули «волну», скоро состоится торжественное открытие. Линия, ведущая в Алеридан, работает уже несколько месяцев, но из-за неурядиц в Альмере никаких торжеств не было. А Надежда чиста перед Короной, так отчего бы не отпраздновать?.. Изначальное длинное название «голос-на-расстоянии» заменили простой и понятной «волной». Наглядное словечко: провода, по которым бежит искра, выгибаются дугой меж верхушек столбов – точно как гребень волны...

Марк читал обо всем этом в донесениях агентов. Мельком – за едой или в карете, или глубоко за полночь, когда глаза слипались. Иного времени не находилось: бесконечная череда допросов по делу Айдена Альмера подошла к концу, и теперь требовалось передать материалы суду. В деле имелись показания трехсот человек – свидетелей и обвиняемых. Общее число страниц перевалило за две тысячи. Марку следовало просмотреть их лично и внести необходимые правки.

Дело в том, что вина большинства подсудимых весьма сомнительна. Герцог Айден, конечно, поручил грязную работу двум-трем доверенным людям, а все прочие его слуги виновны лишь в том, что служили не тому господину. Однако суд не признает полутонов в подобных делах: человек либо виновен в измене – тогда его ждет топор или каторга, либо невинен – и прощен. И судьи не побоятся переусердствовать: лучше снести пару-другую лишних голов, чем выглядеть мягкотелыми в глазах владыки. Так что материалы дела следует представить суду в правильном свете: бросить на съедение тех, кто явно виновен, и по возможности обелить остальных. Суд – фарс, показуха для непосвященных. На деле судьбу обвиняемых решает Ворон Короны, вычеркивая и переставляя слова в протоколах допросов. Другой на его месте наслаждался бы своей невидимой властью... Марк сходил с ума от усталости и проклинал все на свете. Кто выдумал судебскую коллегияю?.. В феодальных землях правосудие вершат лорды – выносят приговоры на основании

собственной прихоти и сомнительного чувства справедливости. А в просвещенной столице дела обстоят намного лучше. Судьи трезво учитывают все нюансы дела: знатность обвиняемого, размер взяток, полученных от его родных, необходимость выслужиться перед императором, наконец, толщину протоколов. Протокол допроса невинного должен быть тонким. Если в отчете больше трех страниц, к чему трудиться и читать их все? И так понятно, что человек виновен...

Обиднее всего то, что канцелярская возня не оставляла времени для решения загадки, которая уже две недели беспокоила Марка. Он поручил своим помощникам пропавший документ и убийство в типографии, но вновь и вновь возвращался мыслями к этому делу. Вполне возможно, здесь нет и следа заговора против Короны. Убийство и кража – скверная штука, но обыденная. Такими делами занимается шериф и констебли, никак не тайная стража владыки... Но Марку не давал покоя вопрос: зачем? Какую цель преследовали злодеи?

Ленард, служитель архива, исчез без следа. В июле соседи видели, как дважды приезжали к нему некие господа в темной карете. На господах были широкополые шляпы – лиц не разглядеть. Уже шестнадцать дней Ленарда не видели ни в архиве, ни дома. Марк не сомневался: большей своей частью Ленард уже исчез в желудках крыс, а то, что осталось, невозможно будет опознать. Ясно и другое: именно Ленард взял из архива грамоту и продал тем самым господам в карете.

Зачем?

Зачем кому-то понадобилась эта бумажка?

По требованию Марка воссоздали точную ее копию. Документ гласил: граф Холливел передает во владение двум своим рыцарям одноштитные деревни на краю Пастушьих Лугов в награду за верную службу; Корона заверяет передачу. Графство Холливел – одна из самых диких земель Империи. Мелкие рыцари в этой земле мало чем отличаются от разбойников. Такие люди ценят железо и золото, немногим меньше – слово. На бумаги им плевать. Наверняка они даже читать не умеют. Зачем этим парням документ из архива? Зачем собаке подкова?..

Ладно, предположим... За две недели Марк много чего успел предположить. Допустим, кто-то подал в суд на добрых рыцарей по поводу спорных земель. Документ из архива выкрал затем, чтобы у воинов не было доказательств. Глупо. Такие споры решаются мечами или словом сюзерена, но не судом. Честный рыцарь признает над собой только одну власть – своего лорда, никак не судебскую коллегия.

Может быть, именно лорда хотели убедить в чем-то? Украли грамоту только для того, чтобы ему показать?.. Новый абсурд. Любой лорд или его доверенный слуга может законно получить доступ к документу архива. Зачем красть?..

Предположим – эту мысль подкинул Рыжий – документ украли по ошибке. Ленард должен был взять другую грамоту – более ценную, но ошибся и взял эту. Потому его и уби-

ли. Марк сказал, что Рыжий – дурак. Преступник вернул бы ошибочный документ и взял нужный. Для этого действия ему требуется Ленард. Так зачем убивать?..

И вот что странно (это сказал Итан): документ-то новый, всего три месяца как выписан. Обычно тяжбы случаются из-за старых земель: кто-то умер, что-то сгорело, лес разросся, ручей сменил русло, а то и просто забылось, где проходила межа. Но когда владение только что пожаловано, сложно найти зацепки, чтобы оспорить. Верно, – согласился Марк, – это странно. Но все же, зачем красть бумагу?..

Хорошо думается в разговоре с умным человеком. Из тех, кому Марк доверяет, самый смысленый – Итан.

– Начнем сначала, – сказал Ворон Короны. – Что мы знаем о преступниках?

– П...простите, чиф, но я к вам по делу... – Итан мял в руках гербовый конверт.

– Всегда есть какое-нибудь дело! Подождет. Расскажите мне о злодеях.

– Н...ну, их двое. Одеты как мещане среднего достатка: рубахи, сюртуки, бриджи, башмаки. Ездят в темной карете, з...запряженной парой рысаков. Носят широкополые шляпы и стараются не показываться никому вблизи. Поэтому н...никто не помнит их лиц.

– А кто их вообще видел?

– Х...хворая жена Ленарда видела из окна, как муж сел

к ним в экипаж. Л...лекарь, что приезжал к ней, тоже как-то видел эту карету – стояла недалеко от дома, двое сидели внутри, выглядывали. З...затем, этих же двоих видели у типографии...

– О типографии – предельно подробно, – потребовал Марк.

– Д...двадцать шестого июля печатный цех работал в ночь. На службе б...были семеро печатников, среди них – некто Джейк из Годвина, мещанин сорока лет. На рассвете охранник видел, как Д...джейк вышел из дверей типографии, неся в руках сверток бумаги. Он отошел ярдов на сорок и сел в к...карету, что ждала его дальше по улице. Темный экипаж, два м...мышастых рысака. Как и у дома архивариуса Ленарда. Карета укатила, с тех пор живым Джейка никто не видел. Его т...тело нашли констебли службы шерифа в канаве у рельсовой дороги. Там его и осмотрели вы с Рыжим.

– Что Джейк делал в ночную смену?

– Как и все: н...набирал июльский «Голос Короны».

– Что значит – набирал? Да-да, помню, ты уже рассказывал. Поясни-ка еще раз!

Итан пояснил. Чтобы изготовить одну страницу книги, сперва делается печатный барабан – труба, на поверхность которой рядками насажены металлические буквы, согласно тексту страницы. При печати барабан сперва прокатывается по красящей пластине, а затем – по странице. Краска перебивается на буквы барабана, а с них – на бумагу.

– То есть, бедняга Джейк всю ночь занимался тем, что цеплял бисерные буквы на этот самый барабан?

– Э...это не так уж сложно, чиф. Имеются приспособы, чтобы ускорить...

Итан рассказал, как буквы набираются на барабан. Марк попытался уследить за смыслом, но сбился. В чем-чем, а в машинерии никогда не был силен. Однако уловил одну деталь:

– Если я тебя правильно понял, после того, как Джейк ушел, на станке остался готовый печатный барабан?

– Тут есть странность, чиф. Обыкновенно п...печатник вполне успевает за ночь подготовить барабан. Но тот, что остался после Джейка, был готов лишь наполовину.

– Стало быть, полночи Джейк занимался чем-то другим?

– П...похоже на то.

– Чем именно?

– Пара свидетелей заявила, что Джейк заряжал барабан в станок и делал пробные страницы.

– Пробные страницы?

– Да, чиф. Закончив набор барабана, нужно напечатать пробную страницу, прочесть ее и проверить, не допустил ли ошибок. Н...на бумаге лучше видно, чем на барабане.

– И люди видели, как Джейк печатал пробные?

– М...мне кажется, они лгут, чиф. Во-первых, его барабан был не готов. Во-вторых, и пробных страниц мы не нашли. Р...разве что их сдуру выбросил кто-то или забрал ка-

кой-нибудь констебль. Там ведь побывало целое стадо...

– М-да...

Теперь Марк жалел, что некогда отправил в типографию и шерифа, и гвардейского капитана. Тогда дело не казалось ему интересным. Но теперь...

– Итак, Джейк из Годвина – совершенно обычный работник печатного цеха, ничем не примечательный, кроме одного: как-то он занял денег у своего коллеги, чтобы вернуть карточный долг. Это значилось в отчетах помощника шерифа.

– Верно, чиф.

– В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое Джейк набирал печатный барабан. Неизвестно, окончил ли он дело: свидетели говорят за, улики – против. Так или иначе, на расвете он покинул цех и сел в карету к людям, которые часом позже задушили его и выбросили тело в канаву.

– В...все точно, чиф.

– Можем ли мы утверждать наверняка, что парни, приезжавшие к архивариусу и к печатнику – одни и те же?

– Н...нет, чиф. Констебли и гвардейцы Бекфилда п...перевернули типографию вверх дном и допросили всех, включая м...мышей и сторожевых собак. Несколько человек видели карету, но никто не рассмотрел самих преступников. Неизвестно, как они выглядят. Темная карета, шляпы, м...мышастые рысаки – вот все приметы.

– Но мы думаем, что и в архив, и в типографию наведа-

лись одни и те же ребята. Почему мы так считаем?

– Во-первых, там и там темная карета с парой мышастых коней. М...масть не такая редкая, но все же. Во-вторых, почерк злодеев похож в обоих случаях. Нашли человека, которому нужны деньги. Подкупили, он сделал работу, они увезли его и у...убили. В-третьих, на той странице, которую делал Джейк, речь шла о пожалованиях владений. Как и в украденной грамоте.

– Но в «Голосе Короны» речь о других владениях?

– Аб...солютно. Ничего общего с графством Холливел.

Марк щелкнул костяшками.

– Отлично. Подведем итог: мы ничегошеньки не знаем ни о преступниках, ни об их мотивах. Две недели расследования дали нам пару мышастых рысаков.

Итан потупился и вновь попытался сменить тему:

– И в...все же, чиф, у меня к вам дело... Приглашение...

Он протянул конверт, Марк нехотя взял.

– Что еще за новость?

– Вы п...приглашены на торжественное открытие «волны». Сегодня. У...уже и ехать пора.

Ворон скривился.

– Не люблю машинерию...

– Т...там будет его величество и ее высочество, нельзя отказываться.

Марк мельком проглядел бумагу – действительно, герб Династии. Однако...

– Здесь нет подписи Адриана. Владыке безразлично, явлюсь ли я. Это формальное приглашение, выписанное канцелярией. Наверняка, по ошибке: на такие сборища обычно зовут только высшую знать.

Тут он внимательно поглядел на Итана:

– Приятель, это не ты ли устроил? Зачем?

Секретарь потупился:

– Ч...чиф, вы выглядите очень ус...сталым. Вам нужно отвлечься от дел. На празднике будет весело, поверьте...

– Благодарю, Итан. Толпа благородных – как раз та компания, в которой мне хорошо отдыхается. Когда половина гостей смотрит на тебя с презрением, а вторая – со страхом, это так расслабляет!

Итан покраснел.

– Ладно, едем, – смирился Ворон. – В дороге хоть будет время поговорить.

Они покинули дворец в черной карете протекции. Итан уставился в окно, погружившись в собственные мысли. Однако Марк не собирался оставлять его в покое.

– Мы остановились на сходствах двух дел. Сходств много, даже слишком. Попробуем зайти с другой стороны: в чем различия?

– Есть лишь одно. Т...тело печатника нашли на следующий день. Труп архивариуса так и не найден.

– Ага. О чем это говорит?

– Архивариуса убили раньше и тщательно спрятали тело.

Печатник умер вторым, и п...преступники были небрежны. Н...навверное, им было уже нечего бояться.

– И почему?

– П...полагаю, убив печатника, они покинули столицу.

– Я тоже так полагаю. Выходит, они отправились восвояси, заполучив краденую грамоту и некий сверток, который вынес из типографии Джейк.

– Да, чиф.

– В типографии что-то пропало?

– Н...нет, ничего ценного.

– Но Джейк что-то вынес в своем свертке. Что?

– Возможно, бумагу... Может быть, черновики... Печатный цех завален пробными страницами.

Марк усмехнулся.

– Стало быть, преступники убили двух человек ради двух бесполезных бумаг. Одна бесполезней другой: документ на крохотное владение и пробная страница из книги новостей. Все упирается в один-единственный вопрос: зачем могут понадобиться эти две бумаги?

– Я не знаю, чиф, – покачал головой Итан. – П...простите, уже не раз об этом думал, но не смог понять.

– Что вообще можно сделать с бумагой? Если широко мыслить, без рамок.

Итан с недоумением воззрился на Марка:

– В каком смысле?

– Ну, например, можно продать кому-то, кто не умеет чи-

тать, – предположил Марк. – Сказать, что это – бумага на рыцарский титул. Найти неграмотного болвана с деньгами – и дело в шляпе.

– Н...ну, вряд ли...

– Показывать друзьям и хвалиться: у меня, мол, документ на владение леном, – продолжил Марк. – Правда, на чужое имя, но все равно ведь солидно, правда?

– Чиф, вы шутите!..

– Я строю версии. На грамоте есть имперский герб – опрятный такой, красненький... Если в избе стены голые, можно повесить посередине – сразу как-то живее станет.

– М...можно скомкать и поджечь – печку растопить, – вставил Итан.

– Сложить вчетверо, всунуть под ножку стола, чтобы не шатался, – добавил Марк.

– С оборота бумага чистая – можно цветочек нарисовать...

– Поплевать на чернила и потереть – пальцы посинеют. Тоже весело.

– «Г...голос Короны» не подойдет – там чернила не смываются. Только грамота из архива сгодится...

Марк хохотнул и на время умолк. Сложно было придумать еще более дурацкое применение документу...

Вдруг улыбка слетела с его губ.

– Стоп, Итан. Повтори-ка, что ты сказал?..

Дворцовый праздник – прекрасное событие, полное светлых чувств.

Сперва люди тратят состояния на шелка и жемчуга ради удовольствия глядеть с презрением на тех, кто потратил чуть меньше. Затем собираются в какой-нибудь зале и выстраиваются согласно иерархии. Иерархия – отличная штука, она сближает людей: тех, кто рядом с императором, роднит чувство превосходства, а тех, кто вдали, – зависть. Потом гостям позволено разбиться на группки, чтобы обменяться слухами и сплетнями, отыскивая мишени для злословия. Насмешка над ближним весьма способствует дружбе между теми, кто смеется...

Сегодня дело происходит в саду Лилий, на большой поляне у пруда. Сюда вынесли машинерию: латунное чудовище громоздится на помосте, сверкая цилиндрами, щупальца проводов тянутся к зданию имперской почты. Стоит безлунная ночь, поляна освещена искровыми огнями. Лампы сияют так, что больно смотреть. Торжество науки над темнью... Что ж, это и вправду впечатляет. В избе, где вырос Марк, имелись два источника света: угли в печке и свеча. Топку закрывали заслонкой, свечу зажигали только по праздникам. Марк без труда мог бы сосчитать все светлые вечера, какие выпали на годы детства... Горячее вино из искровых само-

варов – вовсе нечто сказочное. Традиция пришла с Севера и мигом охватила всю столицу. Во многих знатных домах появились самовары, причем не в кухнях, а прямо в гостиных. Особый шик – разогреть вино самому, без помощи слуг. Никаких дров и углей, просто повернул рычаг – и готово! Здесь, в саду Лилий, тоже подают горячее вино. Ночь зябкая, пить приятно.

Гости располагаются на трех трибунах, построенных вокруг помоста. Центральную занимает владыка и его приближенные, Марк с Итаном сидят на той, что слева. Помост с машиной отсюда видно хуже, зато открывается недурной обзор на императорскую трибуну. Это и к лучшему: приемник «волны» вызывает у Марка сильное недоверие. Намного проще разобраться в человеческой душе, чем в этой штуковине.

Владыка Адриан сидит меж двумя прелестными дамами: леди Минервой и леди Сибил. Ее высочество – само очарование. Хрупкая и прекрасная, прямо северная азалия... или что там у них на Севере цветет? Не дергает владыку попусту, остерегается даже заговорить с ним, но сидит в позе чуткого внимания. Стоит Адриану шепнуть полслова – девушка тут же среагирует. Конечно, ваше величество! Вы так добры. Что угодно для вашего величества!.. Графиня Нортвуд пышет красотой и здоровьем, как, впрочем, и всегда. Род Сюзен, что ни говори. Выражение сияющего счастья не сходит с ее лица. Марк прежде не видел феодала, что так радовался

бы прогрессу. Или дело не в прогрессе? Тогда в чем? Владыка погладил графиню по коленке?..

Сам же император спокоен и удовлетворен. Его головокружительный план сбывается. Несмотря на интриги, суды, убийства, протесты лордов... Несмотря ни на что, время идет тем путем, который указал Адриан. Сегодня – очередная вежа. Сердце Света – древняя столица Надежды – соединилась с Фаунтеррой. Два города сплелись, как кони в упряжке. Сам герцог Надежды – Генри Фарвей – позавчера отправился в Сердце Света скорым поездом. Преодолев триста сорок миль, он отправит «волной» сообщение в Фаунтерру, которое будет доставлено мгновенно. Герцогство Надежда превращается в окраину столицы.

Собственно, об этом сейчас вещает во всеуслышание церемониймейстер:

– ...недаром Милосердная Янмэй завещала: «Стремитесь к единству, ибо в нем – величайшая сила. Те, кто близок друг с другом, всегда найдут общий язык и придут к согласию. Согласие придаст им твердости. Семья всегда прочнее города, город прочнее графства, графство крепче державы. Поэтому сильнейшая страна – та, что едина и сплочена, как одна семья». Именно такую державу строит его величество Адриан. И мы, господа, – свидетели того, как новый камень ложится в ее фундамент!

Он делает красноречивую паузу, и трибуны нестройно восклицают:

– Слава Янмэй Милосердной!

Марк не сводит глаз с Адриана. Тот хранит величавое спокойствие, но лампы светят ярко, а Ворон достаточно хорошо знает владыку, чтобы разглядеть торжество.

– Подходит время, – говорит церемониймейстер, – представить слово нашему почетному гостю: творению инженерной мысли, машине...

Кто-то дергает Марка за плечо, и, обернувшись, он видит капитана Бэкфилда. Гвардеец торжествует едва ли меньше, чем сам владыка, хотя и по иному поводу.

– Кого я вижу – сам Ворон Короны! Твое плачевное поражение в типографии заставляет хвататься за ниточку? Надеешься, теперь злодеи покусятся на приемник «волны», и ты их поймаешь на месте?

– Нет, капитан. По правде, я здесь из-за выпивки. Люблю, знаете, горячее вино...

– Не надейся, – ухмыляется Бэкфилд, – сад оцеплен моими людьми, у преступников никаких шансов. Я больше не допущу нападок на дело прогресса!

– Вы о чем, сир? Убийство картежника из типографии – полагаете, это попытка остановить прогресс?

– Фиглярствуй сколько угодно, однако я безошибочно установил мотив преступления. Именно я, а не хваленая тайная стража!

Марк издает тонкий присвист:

– Мотив? Спасите меня, сир! Дайте ниточку, пролейте лу-

чик света. Зачем убили несчастного Джейка?

Церемониймейстер оканчивает речь словами: «...услышим голос из дали, переставшей быть далью», звучит новая «слава Янмэй», и голоса утихают. Машина урчит, на ее латунной груди загораются огоньки.

– Преступники украли пробные страницы из «Голоса Короны», – победоносно шепчет Бэкфилд, – чтобы подорвать доверие к имперским новостям! Они хотели показать: любой прлхвост может проникнуть в печатный цех, не нужно верить «Голосу». Но теперь, моими стараниями, проникновение больше невозможно!

– Уверяю, сир, вы ошибаетесь, – воркует в ответ Ворон. – Мотив преступления куда более серьезный.

– Неужели!.. И в чем он, по-вашему?

– Преступники покусились на святое – неприкосновенность чернил! Знаете, если смочить палец в воде и потереть, то чернила сотрутся, а палец посинеет! Вы можете представить такое святотатство?!

Капитан вертит пальцем у виска и готовит колкость, но кто-то сзади шепчет:

– Судари, судари, прошу тишины...

Оба умолкают. Машина, озаренная всеобщим вниманием, урчит и выписывает слова. Церемониймейстер зачитывает их:

– ...да славится та мудрость, что уважает богов и людей. Да славится та сила, что покорна мудрости. Да славится то

милосердие, что присуще силе...

Парадная молитва Праматери Янмэй. Вот какие слова выбрал герцог Фарвей, чтобы прокричать на триста сорок миль.

– ...Да славится разум, направляющий силу, и смирение, склоняющее голову перед силой и разумом. Да будет вознагражден труд смиренного...

Марк переводит взгляд на императора. На лице Адриана проскальзывает скука. Владыка – человек дела, его божество – результат. Долгие речи, даже самые приятные, вгоняют его в тоску. Адриан предпочел бы, чтобы Фарвей сообщил «волной» два слова: «Я доехал».

Нареченная невеста тоже скучает, но с пользой: ее ладонь касается руки Адриана. Кто из них прикоснулся первым?.. В любом случае, владыка не убрал руку. Почему-то в душе Марка рождается тревога.

– Лорд Генри Фарвей из Сердца Света. Послание завершено.

Трибуны взрываются аплодисментами. Кто-то встает на ноги, другие следуют примеру. Стоячие овации в адрес машины... Хм, – думает Марк и смотрит на леди Сибил. Она от души рукоплещет и цветет в улыбке. Кажется, это ее триумф, а не владыки...

Тогда Марк тычет Итана под ребро:

– Эй, приятель, ведь ты нарочно привел меня сюда. Хотел показать ее, ага?

– К...кого – ее?

– Не дури! Медведицу, кого еще! Дочь гниет в монастыре, а мать блаженствует? Ты об этом?

– Ч... чиф...

– И вывод – все тот же: ах, бедная леди Глория! Как ей тяжело без тебя! Да? Итан, я устал повторять: это не твое дело!

Итан говорит с неожиданным холодом:

– Т... тогда скажите: чему графиня радуется? Родная дочь г... гниет в монастыре, а она сияет, как новая елена!

– Разные бывают отношения в семье.

– А зачем графиня отослала Вандена?

– Кого?..

– Рыцаря, что охранял леди Глорию.

– Куда отослала?

– Не знаю. Может, в Нортвуд, а может, под землю.

– Итан, это немного странно, но даже если так...

– Не верите моему чутью – взгляните на ту, кому верите, –

Итан указывает кивком.

На правой трибуне, точно напротив Марка, сидит леди Катрин Катрин – советница владыки в светских делах, знаток сплетен и любовных историй. Игнорируя чудо-машину, она буравит глазами невесту императора. Тревожный, неприязненный взгляд.

– Это не наше дело, – чеканит Марк и слышит сомнение в собственных словах.

Он столкнулся с графиней Нортвуд, когда гости расходились с трибун. Преспокойно миновал все гвардейские кордоны и направился к императору вверх по ступеням. По неслучайной воле случая леди Сибил спускалась ему навстречу.

– Ах, графиня! Вы великолепны, я не могу отвести глаз!

Она благосклонно кивнула:

– А вы, как обычно, нахал! Кто вам позволил бросаться даме под ноги?

– Миледи, простите! Представился редкий шанс полюбоваться вами вблизи, и я им воспользовался. Понимаете, пока рядом нет ваших воинов...

Графиня улыбнулась, протягивая руку для поцелуя. Марк поклонился, коснулся ее ладони.

– Как удачно сложилась встреча! Будь рядом ваш сир Ванден, он уже отшвырнул бы меня подальше.

Легкая тень по лицу графини, не более.

– А будь рядом ваш Итан, уже пытался бы учинить мне допрос. Марк, отзовите щенка. Я до поры терплю, но могу и разозлиться. Жалко будет мальчонку...

– Конечно, миледи. Любая ваша прихоть!.. Посажу Итана на цепь в дальнем углу дворца.

– Не забудьте подбрасывать косточки в его миску.

– Вы так великодушны, миледи! Приятно видеть вас в отменном настроении.

Леди Сибил подарила ему новую улыбку. Марк шепнул:

– Не откажите в любезности, передайте мое почтение леди

Глории.

– Дочь в монастыре, – голос стал суше, – и вы об этом знаете.

– Знаю, миледи. Потому и прошу передать. Ей будет приятно услышать, что свет ее помнит и ценит.

– Конечно.

Графиня двинулась с места, и Марк сказал ей вслед:

– Это из-за меня, верно?

– Вы о чем?

– Из-за меня Глория в монастыре? Вам не понравилось, что дочь сотрудничает с тайной стражей?

Леди Сибил расхохоталась:

– Вы так самонадеянны! Какая прелесть...

Она ушла. Марк подумал ей вслед: не умеете имитировать смех, миледи.

* * *

Хорошо думается в беседе с умным человеком. Иногда собеседник видит больше твоего. Бывает, он даже согласен поделиться.

– Я пришел за помощью, – говорит Ворон Короны.

Его собеседница – смуглая худая западница. Острый взгляд, тонкие губы; за плавностью движений скрыта хищная сила. Некоторые восторженные кавалеры сравнивают ее с рысью. Марк, хорошо знакомый с этой дамой, держит на

уме другое сравнение: гадюка.

– Это мило, – отвечает Катрин Катрин. – Я знаю что-то, чего ты не знаешь?

– Надеюсь.

– Я люблю конфеты. У тебя найдется для меня?

– Какую конфету ты хочешь?

– Зависит от того, чего хочешь ты. Задай свой вопрос.

Марк спрашивает:

– Твое мнение о браке владыки с Минервой Стагфорт?

Катрин Катрин отвечает без запинки, с интонацией светской мурлычущей вежливости:

– Ее высочество – достойнейшая леди. Она всецело заслуживает доверия владыки Адриана.

Марк качает головой:

– Видишь ли, существуют разные ступени искренности. Первая ступень – то, что ты скажешь за обеденным столом на большом празднике. Вторую шепнешь спутнику на прогулке, желая показаться откровенной. Третья – деловой разговор с человеком, в ком ты очень заинтересована. Четвертая – то, что предназначается ушам твоего альтера, принца Гектора Шиммерийского. Пятая – только для его императорского величества. Так вот, Катрин, я хочу услышать шестую ступень.

Глаза женщины сужаются, губы уродует ухмылка:

– Такое будет дорого стоить. Я не уверена, что услуга тебе по карману.

– Ты же понимаешь, это – не моя прихоть. Я действую ради безопасности Короны.

– Дорогой, любой пес при дворе может пролаять эту фразу.

– У тебя, Катрин, лучший нюх изо всех придворных собак. Такой интуиции нет больше ни у кого, потому я и пришел.

Катрин кривится:

– Ах, милый Марк, как давно прошли времена, когда на меня действовали комплименты. Хочешь искренности – заинтересуй. Почему мне стоит откровенничать с тобой, а не с самой владыкой?

– Потому, любезная Катрин, что тебе нечего сказать владыке. Ни одного факта, ни одной конкретной улики – лишь интуиция. Ты не смеешь тревожить слух государя такой ерундой, но и успокоиться не можешь. Ты бы посоветовалась с кем-нибудь, если бы умела кому-либо доверять. Ну вот, сейчас – редкая возможность. Поделись со мной.

– Я тревожусь? – брови Катрин Катрин весьма натурально ползут на лоб. – С чего ты взял?

– Милая моя, я охотно с тобой поиграю в другой раз. А сейчас давай обойдемся без детских забавок. Если я ошибся, то нет смысла тратить время друг друга. Но если прав, и ты подозреваешь в чем-то ее высочество Минерву Стагфорт...

Катрин Катрин складывает ладони перед грудью, сжимает. Костяшки издают хруст.

– Сперва ты сам выложишь все карты на стол.

– Идет.

– И останешься должен конфету.

– Идет.

– Начинай.

Марк откидывается на спинку кресла, прочищает горло.

– Я не нашел ничего против ее высочества. Хотя, видят боги, старался. Еще во время игр по заданию владыки раскопал все, что возможно. Минерва чиста. Единственное пятнышко – отец служил в алой гвардии во время Шутовского заговора и водился с Джоном Корвисом. Однако суд императора Телуриана его оправдал, а это о многом говорит. Тот суд рубил головы безо всякой скромности... Словом, Минерва Стагфорт чиста, ее родители чисты, любимая кошка ее горничной – тоже чиста.

– Тогда зачем ты пришел ко мне?

– Из-за леди Сибил. Я не понимаю кое-чего.

– А именно?

– Что получает графиня от брака Минервы с Адрианом? Со времени игр Медведица так и сияет. Это можно списать на ее успех и лестное внимание владыки. Графиня теперь частый гость в малой чайной, видная придворная дама, опекунья будущей императрицы... Все так. Но Медведица – прагматичная дама. Тщеславная – да, но прагматичная – прежде всего. Она потратила массу усилий, чтобы защитить Минерву, привлечь к ней внимание, добиться поддержки у

Великих Домов и, в итоге, выдать замуж за императора. Зачем? Ради одних лишь формальных почестей?.. Минерва ей никто – не родственница и даже не вассал. Графиня ничего не просила у владыки, напротив, сама обещала ему поддержку в Палате. В чем же ее выгода?

– Угу. Что еще?

– Сюзерен Минервы – Виттор Шейланд. Он не участвовал в чудесном спасении девушки – это еще ладно. Куда более странно, что сейчас он уехал на Север, предоставив свою подопечную заботам Медведицы. Все, кто так или иначе близок к ее высочеству, готовятся пожинать плоды, а ее сюзерен ни с того, ни с сего покидает столицу. Надо полагать, графиня чем-то отплатила ему за это «равнодушие». Может быть, именно она сумела устроить его сказочный брак с дочкой Ориджинов... не суть. Важно другое: зачем Медведице единоличная опека над Минервой? Ведь, повторяю, она ничего не имеет от взлета девчонки.

Катрин Катрин подается вперед. Марку удалось вызвать ее интерес.

– А еще?

– Есть и еще. Герцог Айден Альмера – человек серьезный. Когда понадобилось убить кузена императора, Айден прикончил его прямо в столице, не возбудив подозрений. Тогда почему сорвалось покушение на Минерву? Люди герцога не справились с горсткой охранников северянки?.. Я все чаще думаю, что нападение на девчонку, с которого началась вся

канитель, – дело Медведицы, а не Айдена. Чтобы заполучить Минерву в свои руки, графине следовало убить ее отца. Допустим, она это и сделала... Что возвращает нас к вопросу: зачем? Убийство, опека, покровительство, договор с Шейландом – все ради чего?

– Хочу еще, – говорит Катрин.

– Последнее лакомство на сегодня. Глория Нортвуд, дочь графини, ныне послушница неведомого монастыря, – умница, каких мало. Ради забавы Глория расследовала убийства наследников престола. И вот, с тех пор, как Минерва прибыла в столицу, Глория ни разу не увиделась с нею. Не странно ли? Минерва – единственный свидетель, оставшийся в живых, но Глория ею не заинтересовалась.

Катрин пожимает плечами:

– Ну, если Глория знала, что ее мать замешана...

– Тогда бы она вовсе не расследовала ту историю! Допускаю, в самом конце Глория догадалась о преступлении графини. Возможно, потому графиня и спроводила ее в монастырь. Но это не дает ответов, которых я хочу. Почему Глория не повидалась с Минервой? Зачем графине Минерва на троне?

Катрин Катрин улыбается краем рта:

– Хорошо. Вкусно.

– Теперь – твоя очередь.

– Я думаю, владыка совершает ошибку. Ему не стоит жениться на Минерве.

– А подробнее?

– Чутье. Как ты говоришь, нюх. Ты знаешь многих янмэйцев?

– Доводилось...

– Минерва на них не похожа.

– Ну и что? Родовые черты заметны далеко не у всех. Это скорей удача, чем закономерность.

– Я не о внешности. Минерва... воспитание, манеры – на уровне. Знает, о чем говорить и когда молчать. Умеет пошутить, если нужно. Когда время улыбнуться – улыбается, если время кланяться – делает реверанс. Правильная леди...

– И что же?

– Не торопи! – бросает Катрин. – Скажу, никуда не денусь. У дворян рода Янмэй подо всеми манерами есть второй слой, а ниже – третий. Эту глубину почти не заметно, ее прячут изо всех сил. Для янмэйцев дело чести – скрыть тот факт, что у них имеется душа.

Марк усмехается: отлично сказано, чего уж. Катрин добавляет после паузы:

– Ну, а ее высочество... Мне кажется, там нечего скрывать. Под ее манерами – пусто.

– Почему это тревожит тебя?

– Этот брак – нечестная сделка. Владыка мог вытерпеть агатовскую суку и получить в награду влияние Альмеры. Мог взять дуру Грейсенд с торговыми путями и богатствами Лабелина в придачу. Плюсы и минусы на виду... А сейчас

непонятно, кого он берет в жены. Неизвестно, в чем подвох, но он точно имеется.

– Ты говорила с его величеством?

– Нет.

– Побоялась?

– Как и ты.

Марк не отводит взгляда.

– Одному из нас придется с ним поговорить.

– Да, Марк. Тебе.

– Мне?..

– Ты обещал конфету. Это она и есть.

– Больше похоже на пригоршню красного перца.

Катрин Катрин касается ладони Марка, лежащей на столе.

Ее слова звучат, как утешение:

– Ты рискуешь меньше меня. У тебя – агентура, которой не сможет управлять никто другой. К тому же, раскрытый заговор Айдена за плечами. А у меня никакой страховки. День, когда я расстрою владыку, может стать последним.

– Твоя нежность наводит на скверные мысли. Это настолько рискованно?

– Адриан принес жертву. Сделал непростой выбор: связал себя с девушкой, которую вовсе не знает. Теперь он хочет слышать лишь похвалы: вы поступили правильно, владыка. Империя расцветет, история пойдет новым путем, потомки прославят вас в легендах... Да, Марк, я не хочу быть тем, кто скажет ему, что он ошибся.

– И почему возникает чувство, что ты мною манипулируешь?

– Возможно, потому, что я смотрела на Минерву тогда, на празднике. Ты видел, какими глазами я смотрю. А я знала, что ты видишь.

Ворон Короны невесело усмехается:

– Ладно. Кто-то из нас должен. Это буду я. Договорились.

– Удачи тебе, – говорит Катрин Катрин, поднимаясь.

Прежде, чем уйти, добавляет:

– Да, есть еще одна странность о Медведице, ты проглядел. Умница Глория Нортвуд пробыла три года в пансионе Елены-у-Озера, потом мать забрала ее оттуда и привезла в Фаунтерру. Любопытно, зачем она это сделала, если обучение в пансионе длится четыре года? Зачем терять один?

* * *

Хорошо думается в беседе с умным человеком. Хочешь разобраться в чем-то – поговори с тем, кто не уступает тебе интеллектом. Беда в том, что умных людей мало. В особенности мало таких, кому можно доверять. Гибкий ум ищет себе применения: строит планы, лелеет амбиции, плетет интриги. Если не видишь человека насквозь, то не знаешь до конца, чего от него ожидать. А это всегда опасно.

На Ворона Короны работают полтысячи человек различных сословий: слуги, воины, секретари, торговцы, мещане,

дворяне. Многие из них даже не знают Марка в лицо. Все они вместе служат славной цели – оберегают покой государя. Ирония в том, что каждый в отдельности – ненадежен: малодушен, продажен, труслив. Благородные и смелые идут в гвардию; в тайную стражу попадают те, кто любит легкие деньги, либо те, кто замарался. Секретарь Итан – один из немногих подданных Марка, кто служит за идею, по велению души.

Есть при дворе и еще один человек, кому Ворон доверяет безоговорочно и полностью – Адриан Ингрид Элизабет, император Полари. Марк имеет удовольствие беседовать с ним раз в неделю: в четверг после полудня, за чаем. Три года назад, придя к власти, Адриан потребовал, чтобы глава протекции отчитывался перед ним регулярно, лично и устно, чем тут же заслужил уважение Марка. Действительно важные слова нельзя доверять ни посредникам, ни бумаге.

В этот четверг Адриан сидел спиной к окну – признак скверного расположения духа. Будучи в хорошем настроении, владыка любит садом за окнами; в плохом – садится спиной к стеклу.

подав чай и сладости, лакие быстро удалились, а Марк остался наедине с императором. Повисло молчание: первое слово, как и последнее, принадлежит владыке, а владыка не спешил нарушить тишину. Он выглядел угрюмо сосредоточенным, погруженным в мысленный омут. Под вторым сло-

ем всегда есть третий, а ниже – четвертый... Адриан пребывал на нижнем слое, и там, в глубине, было темно.

Марк подумал: хорошо бы сказать что-то ободряющее. Он понятия не имел, какими словами можно подбодрить императора – этикет не предполагал подобных действий. «Расслабьтесь, владыка, плюньте на всех и отдохните» – вряд ли подойдет. «А невеста у вас ничего, я вам по-доброму завидую» – звучит как-то сомнительно. Хлопнуть дружески по плечу, мол, выше нос, приятель... Тоже идея так себе. Орджа бы ему налить, но орджа на столе не было, только чай.

– Что скажете, Марк? – прервал, наконец, молчание император.

– Рад служить вашему величеству, – согласно этикету ответил Ворон. Губы Адриана отчего-то дернулись.

– Надеюсь, что рады... Ладно, не будем терять времени. Слушаю ваш отчет.

Марк подобрался. Отодвинул чашку, прочистил горло. Отчет состоял из двух пунктов: неприятного и очень неприятного. Потому Марк начал с третьего – того, который мог хоть как-то порадовать Адриана. Дело герцога Альмера готово к передаче в суд. С полной уверенностью можно утверждать, что все шпионы и пособники изменника, состоявшие при дворе, найдены и выловлены. Двадцать два человека в темнице ожидают суда. Пятьдесят шесть освобождены за малостью их участия в делах изменника, однако тщательно учтены. Тридцать девять раскаялись и теперь служат без-

опасности Короны в качестве агентов протекции...

Адриан перебил его:

– Скажите мне, Марк: чем ваша паутина лучше Айденовой?

– Моя защищает Династию, ваше величество.

– Айден говорил то же самое.

– Герцог Альмера тайно вербовал своих шпионов. У меня же нет секретов от вашего величества. В любой момент я готов предоставить...

– Ладно, – махнул рукой Адриан, – это был риторический вопрос. Продолжайте отчет.

Марк помедлил в замешательстве. Возникло неприятное ощущение: император не просто мрачен, а мрачен именно из-за Марка. Но все, что должно вызвать гнев Адриана, еще только предстоит сказать!..

– Ну, – поторопил владыка.

– Произошли скверные события в типографии, а также в имперском архиве, – Ворон начал с меньшего зла. – Из архива похищена грамота о пожаловании ленных владений...

Он рассказал о грамоте и «Голосе Короны». Владыка слушал без внимания, рассеянно ковыряя штрудель десертной вилкой.

– Не трудитесь, Марк. Эта история мне уже известна.

– Капитан Бэкфилд?..

Владыка помедлил.

– Ваше право задавать вопросы кажется мне сомнитель-

НЫМ.

– Простите, ваше величество...

Марк оторопел. Уже давно его беседы с императором стали чем-то вроде доверительных совещаний: с вопросами и предложениями, откровенными словами, шутками. Откуда холод?

– Продолжайте.

– Ваше величество, я не знаю, какую трактовку придал событиям ваш источник сведений. Потому позволю себе высказать свою.

– Любопытно, – бросил Адриан без малейшего интереса.

– Видите ли, всякий указ о пожаловании владения отражается в книге новостей. На соответствующих страницах «Голоса Короны» можно прочесть, кто получил какие земли за последний месяц. Я попытался увязать пропавшую грамоту с листом из «Голоса». Лист июльский, грамота – апрельская. На первый взгляд связи не было. Но затем я предположил: что, если грамота из архива нужна преступнику не сама по себе, а лишь как исходный материал?

– Поясните, – повел бровью владыка.

– На грамоте имеется имперская печать, подпись вашего величества и ответственного секретаря. Что, если именно эти детали важны, а вовсе не содержание грамоты? При помощи слабой кислоты преступник растворил и вывел чернила, и получил заготовку – бланк грамоты о пожаловании со всеми необходимыми подписями и печатями. Затем он

вписал в нее другие сведения и заштриховал другие области на карте. Вышел полновесный документ на владение землей. Мы не знаем, какой именно. Возможно, огромной и ценной. Возможно, речь идет о сотнях тысяч акров! Такая игра стоит свеч, ради этого преступник и совершил два убийства.

Император не перебивал. Марк продолжил:

– Чтобы придать дополнительный вес поддельной грамоте, злодей также изготовил фальшивый выпуск «Голоса Короны». Зная, что в книге новостей печатаются все сведения о передачах землевладений, он подкупил сотрудника типографии, дабы тот изготовил подложную страницу. Набрал на печатном барабане другой текст, сделал оттиск, а затем снял буквы с барабана, чтобы не оставить следов. Подложную страницу печатник передал нанимателю. Тот внимательно проверил содержание, задал ряд вопросов о том, все ли улики уничтожены, и как правильно клеить в книгу подложную страницу. Когда с расспросами было покончено, он задушил печатника, тем самым оборвав цепочку следов. В тот же день злодей покинул столицу, имея на руках два документа, подтверждающих землевладение: грамоту о пожаловании и страницу из «Голоса Короны».

По мере своей речи Марк распалился, глаза начали блестеть. Адриан – любитель стратем, интеллектуальных игр, тонких умозаключений. Он должен оценить блестящий вывод, сделанный из двух бесполезных бумаг!

Помедлив, император спросил со скукой:

– Зачем это нужно преступнику?.. И, что важнее, зачем вы беспокоите этим меня? Кто-то пытается захватить чей-то лен – такое случается каждую неделю. Обычно используются мечи, теперь – печатный станок. Вас радует, что преступники идут в ногу с прогрессом?

Марк нахмурился.

– Ваше величество, злодей не пытается присвоить владение. Он изготовил подложные документы не для захвата земли, а для провокации. Бумага способна вызвать войну. Положим, некто мечтает о владении соседа. И вдруг получает почтой из Фаунтерры грамоту о пожаловании оного владения, да еще и «Голос Короны» в довесок. Уверенный теперь в своей правоте, некто берет войско и вторгается в земли соседа. А тот, естественно, защищается, и вспыхивает бойня. Полагаю, к такому результату стремится преступник.

– Допустим, – согласился Адриан. – Что еще можете сообщить?

– Ваше величество, я... – Марк запнулся. В иное время он сказал бы «советую» или «рекомендую», или даже «мы должны»... – ...мне кажется, было бы милосердно и дальновидно, если бы Корона предотвратила войну.

– Согласен, – равнодушно кивнул император. – Пусть секретари подготовят опровержение поддельной грамоты. Я подпишу, вы отправите жертве провокации.

– Ваше величество, – Марк набрал воздуха, – я не знаю, кто это. Нам не удалось выяснить, кому отослан поддельный

документ.

Адриан нахмурился:

– Тогда чего вы, собственно, ждете от меня? Вы не нашли ни преступника, ни жертву, и я должен помочь?

– Я прошу: отмените все июльские передачи владений. Разошлите общее опровержение всем феодалам, кто получает «Голос Короны». Так мы сможем остановить действие фальшивой грамоты и предотвратить побоище.

– Отменить? Марк, вы в своем уме? После летних игр было передано из рук в руки больше сотни владений. Это же месяц брачных договоров!.. Сотня лордов не получают законные владения – почему? Потому, что протекция не справляется со своей работой?

– Ваше величество, я прошу лишь временно приостановить действие... Клянусь, за месяц я найду преступника, после чего владения вступят в силу! Но опровержение нужно немедленно: если война вспыхнет, ее уже будет не остановить.

– Очередная феодальная усобица, – Адриан покачал головой. – Обычное дело... Мой ответ – нет.

– Ваше величество, это не будет обычная междоусобица. Похищение и подделка – все проделано смело, умно, ловко. Я чувствую: человек, который стоит за этим, не стал бы тратить на мелкую рыбешку. Мишень провокации – из тех, кто привык доверять «Голосу Короны», то есть – из высшей знати. Думаю, эта война заденет кого-то из графов, а может,

и герцогов.

– Марк, – тихо спросил император, – у вас все?

Скверно. Ох, до чего скверно. Ворон медлил, не зная, как поступить. Конечно, владыка не хочет злить лордов в преддверии голосования. Благодаря помолвке, примирению с приархом Галлардом и открытию «волны» Адриан сейчас на пике всеобщей любви. Палата проглотит с восторгом любой закон. Отобрать владения у сотни феодалов – значит, поднять бурю недовольства, столь неуместную сейчас... Однако Ворон ждал, что император поверит его чутью, как верил прежде. Вышло иначе.

А теперь впереди второй вопрос, куда сложнее первого. Стоит ли вообще поднимать его – без малейших-то шансов на согласие? Зачем? Для очистки совести? Или ради права с гордостью сказать впоследствии: «А я же говорил!..»

– У вас все? – рыкнул Адриан.

Хорошо было бы ответить: «Да, ваше величество». Заманчиво. Эх... Три, два, раз. И в омут головой.

– Ваше величество, я прошу разрешения поговорить с ее высочеством.

Зрочки императора сузились:

– Поговорить – значит, допросить, верно?

– Да, ваше величество. Наедине. От имени Короны.

– Допросить мою невесту от моего имени?

– Да, ваше величество.

– Знаете, Марк, – владыка недобро усмехнулся, – если вы

не приведете никаких аргументов, я подумаю, что вы всего лишь сошли с ума. И, вполне возможно, для вас это будет лучше.

– К сожалению, ваше величество, у меня имеются аргументы. Есть причины не доверять графине Сибил Нортвуд. Перечислю их.

– А позвольте, я угадаю, – перебил его император. – Один: леди Сибил внезапно услала дочь в монастырь. Два: графиня всеми силами поддерживает Минерву, которая не приходится ей ни родней, ни вассалом. Три: графиня ничего не просила за свою поддержку в Палате, хотя могла бы. Четыре: графиня цветет от счастья без ясных на то причин. Это вас смущает, верно?

– Ваше величество...

– Из этих странностей, сударь, вы сделали выводы и, в безграничной своей заботе обо мне, решили предупредить. О чем?.. Первое: вероятно, леди Сибил убила отца моей невесты, чтобы получить девушку в свое распоряжение. Второе: леди Глория Нортвуд в ходе своих поисков узнала о преступлении матери, потому и отправилась в ссылку. Третье: Минерва считает себя обязанной графине и потому, став владычицей, примется ратовать за интересы Севера. В частности, графиня Сибил со своим приятелем, а возможно, и любовником Эрвином Ориджином положили глаз на торговый флот Южного Пути... Я ничего не упустил?

Справляться с удивлением – чертовски важное умение.

Кому нужен советник, похожий на сельского дурачка?.. Марк не справился. Сам ощутил, как полезли на лоб его брови.

– Ваше величество, простите...

Адриан жестом заставил его молчать.

– В другой день, Марк, я бы умилился вашей заботе. Улыбнулся тому, как вы и Катрин Катрин упорно считаете себя умнее всех. Как с высоты своего всевидящего ума оберегаете меня – этакое безмозглое дитя в короне... Простите, но так уж вышло: не вы одни способны размышлять. Мне жаль бедного сира Клайва Стагфорта и несчастную леди Глорию, и я глубоко сочувствую сироте Минерве. Но если сейчас отдать под суд леди Сибил, то графство Нортвуд окажется на стороне моих врагов. Сколько сиров клайвов тогда лягут в землю? Сколько бедных девочек станут сиротами?

– Ваше величество, – с рискованным упрямством произнес Марк, – леди Сибил ненадежна. Не стоит доверять ей.

– Ненадежна?.. Боги, а кто надежен? Может быть, вы с вашей паутиной? Может быть, именно вы убережете меня от бурь и невзгод, удержите корону на моей макушке?..

Император сделал паузу. Ворон не рискнул ответить. Адриан с горечью покачал головой:

– Марк, этот разговор – шанс, который я вам дал. Я все ждал, когда же вы скажете то, что должны. Думал: Ворон не мог пропустить такое. Кто угодно, но не Ворон. Раз он говорит о неважном, значит, видимо, собирается с духом. Боится

расстроить меня этакой дрянью – вот что я думал. Рано или поздно Ворон вздохнет поглубже и выпалит... Но нет.

Император извлек из-за манжеты крохотную бумажную ленточку – такие применяет голубиная почта. Развернул, показал Марку через стол. Тот смог различить лишь вензелек – малюсенького нетопыря со стрелой в когтях.

– Последняя возможность. Что в этой бумаге? Знаете или нет?

Ворон глубоко вдохнул.

– Нет, ваше величество.

Император опустил ленту на стол. Она тут же свернулась в колечко, и щелчком пальца Адриан отправил ее Марку.

– Читайте.

Ворон прочел. В глазах потемнело. Очень уж мелкие буковки, расплываются, путаются. Наверное, от этого искажается смысл... Он перечел, поднеся ленту к кончику носа. И снова. Выронил, бумага издала шорох, свернувшись колечком.

– Ваше величество... Прошу: скажите, что это? Чья-то шутка? Проверка? Я понятия не имел... Никто не докладывал...

– Это письмо, – отчеканил император, – доставлено птицей из Первой Зимы, получено нынешним утром. Эрвин Ориджин объявляет себя герцогом и ставит мне ультиматум.

Проверка. Наверняка проверка! Или провокация, или шутка – что угодно, но не правда! Благородные Ориджины –

опора Династии в течение шести веков! Эрвин – умный щенок, герцог Десмонд – несокрушимая скала. Щенок убил отца, чтобы поднять мятеж против Короны?!

Марк развернул ленту и снова прочел, хотя уже помнил наизусть каждое слово.

Адриан Ингрид Элизабет, сударь. Мне известно о страшных злодеяниях, творимых по вашему приказу...

– Ваше величество... – выдохнул Марк. – Я не знал об этом... Клянусь, не знал!

Адриан проговорил медленно и тихо:

– Знаете, что любопытно в этом деле. Ведь я с самого начала не доверял графине Сибил – с того майского дня, как она явилась на аудиенцию вместе с дочкой. Это вы убедили меня поверить графине. И вы же, Марк, теперь стараетесь очернить ее. Я спрашиваю себя: почему? Я спрашиваю себя: почему вы так тщательно ничего не знаете об Эрвине Ориджине? Почему отвлекаете меня ерундой, вроде краденых грамот, вместо того, чтобы предупредить о мятеже сильнейшего Дома? И я вижу объяснение, Марк. Вы хотите моей размолвки с Нортвудами потому, что вашему новому другу Эрвину требуется сильный союзник.

– Ваше величество, клянусь, я не... – горячо начал Ворон, и осекся. Не верьте ни словам, ни уликам, верьте только умо- заключениям – это говорил он сам.

Император покачал головой.

– Да, вы правы, капитан Бэкфилд доложил мне об убийствах. Капитан недалек, потому его мотив ясен: попытка выслужиться. С вашими мотивами, Марк, куда сложнее... Дневники Янмэй Милосердной, третий том, глава пятая: «Враги бывают сильны и хитры, друзья – самодовольны и слепы. Будь осторожен: хитрого врага легко принять за слепого друга». Любого наследного принца Династии учат: делай, как завещала Янмэй, и не допустишь фатальных ошибок. Далее в той же главе есть и такие слова: «Другу, в котором ты усомнился, дай шанс: поручи трудное и опасное дело. Справится – прости и доверься ему. Не справится – не горюй о нем».

– Что угодно, ваше величество! – отчеканил Марк.

– Отправляйтесь в Первую Зиму, – сказал император.

Повисла тишина. Краска сбежала с лица Ворона.

– Формальный повод прост, – сказал Адриан, – представитель Короны заверяет законность передачи власти в герцогстве. А ваша истинная задача... полностью отвечает задачам протекции.

Находим тех, кто угрожает Короне, и устраняем их. Боги. Святые боги!

– Ваше величество, вы приказываете... я... я должен убить лорда Ориджина в Первой Зиме?

Адриан молча смотрел ему в глаза.

– Ваше величество... Я служил вам верой и правдой. Поверьте мне! Я разочаровал вас тем, что не сумел раскрыть

планы мятежников. Если моя глупость достойна наказания, то так тому и быть, отдайте под суд – но здесь, в столице! Ваше величество, проявите милосердие! Неужели я не заслужил хотя бы этого?..

– Я проявил милосердие, – ответил император, – и дал шанс заслужить прощение. Вы даже получаете возможность переметнуться к Ориджину. Вряд ли он простит вам провал с леди Сибил... но, пожалуй, вы сможете вымолить быструю смерть.

– Ваше величество, одумайтесь! Я предан вам. Пусть вы не верите, но допустите хоть возможность! Вы отдаете врагу в руки начальника тайной стражи! Северяне получают все, что мне известно: имена агентов, пароли, координаторов сети...

– О, за это не волнуйтесь, – усмехнулся Адриан. – Вашей агентурой займется капитан Бэкфилд. Координаторы будут переназначены, пароли сменены. То, что вы успели сообщить Ориджину, завтра потеряет вес. ...Да, и вашему прихвостню Итану больше не место в имперском секретариате. Он проявил слишком много наглости, следя за графиней Нортвуд и моею невестой. Буду признателен, если заберете его с собой.

Адриан взмахнул рукой, веля Марку уйти.

Марк силился выдавить что-то. Найти слова, оторвать язык от пересохшего неба. Но отчаяние намертво свело челюсти. Что ни скажи, ничего не изменить.

Он встал, двинулся к двери. Кажется, ноги не дрожали.

– Пойдите...

Резко обернувшись, Марк не сумел скрыть вспышку отчаянной надежды на лице.

– Мне жаль, – сказал император.

Меч

*1–2 сентября 1774 г. от Сошествия
Окрестности Алеридана*

Вихря свела в могилу гнилая кровь. Худая смерть – долгая, мучительная. Не всякий воин вытерпит без стонов. А Вихорь был не воин, всего лишь крестьянин и конюх. Он и меча-то в руках не держал до того дня... Вихорь голосил двое суток подряд, пока не утих. Рыдала и Сара – дочурка, и даже Вихренок.

К счастью, Джоакин не слышал плача. Те двое суток он провалялся без чувств. Сквозь рубленую рану на плече вытекло слишком много крови. Позже, придя в себя, увидел Луизу – она меняла ему повязку и тихо приговаривала:

– Хоть ты останься... Хоть ты. Помрешь – никогда не прощу...

Она не плакала, но лицо было серым, почти черным. Джоакин сообразил: кончился Вихорь...

А Джоакин остался. Когда смог ходить и думать, обоз был уже далеко от Лабелина. Ближе к морю, наверное: ветер дул прохладный и соленый. Он спросил о Полли. Луиза сказала: похоронили. А священник? Помолились, – сказала Луиза. За всех помолились... кроме этого. Этот сбежал, бросив два мертвых тела и прихватив все деньги до последней агат-

ки.

Зато в телегах остался товар. Где-то в землях Грейсендов они нашли ярмарку. Джоакин помог Луизе распродать добро. Вышло недурно: без малого четыре эфеса. Луиза предложила:

– Поехали теперь в порт. Накупим с корабля всяких южных шелков, потом в Короне продадим. Хорошо будет.

Джоакин удивился:

– Это что же, ты хочешь продолжить дело торгаша?

Она пожала плечами:

– Отчего нет? Я умею. Считаю быстро; знаю, как цену сбивать. А ты будешь с лордами говорить, если доведется; читать и писать письма. Мы с тобой хорошо поладим.

Он глянул на нее этак с подозрением, и Луиза фыркнула:

– Размечтался!.. Я тебе не руку предлагаю, а долю в деле. Смотри, затея выгодная. Хармон-торгаш делал до сорока эфесов в год. Мы, положим, не такие ловкие, но двадцать золотых выручим. Итого, по десять на брата. Ну?..

– Десять в год?.. Кайр полсотни за год службы получает.

Джоакин покачал головой и на лице изобразил презрение. Это было зря. Луиза потемнела:

– Дурак ты недобитый! Погибли три хороших мужика, а с ними – твоя любимая! Тебе же все нейдет, все не навоевался! Ну, так езжай к чертям в свою Первую Зиму! Чтоб тебе следующую дырку проделали во лбу, а не плече!

Она плюнула и ушла в фургон. Джоакин призадумался,

помялся, да и пошел следом.

– Луиза... Луиза. Ты... прости меня, ладно? Ты меня выходила, я тебе жизнью обязан. Прости, не хотел обидеть.

– Только выходила, как обратно в могилу лезешь...

– Да не в могилу... Пойми: у меня есть мечта. Вот ты в детстве знала, кем станешь? Нет? А я знал. Сколько помню себя, всегда знал, что сделаюсь рыцарем. Буду служить великому лорду, прославлю свою семью и свою деревню. Будут говорить: Печальный Холм? Так это же то самое место, откуда Джоакин!.. Вот только прежде не знал, кому хочу служить. А теперь и это знаю. Не в Первую Зиму, мне в Алеридан нужно, понимаешь? Там моя слава!

Не факт, что Луиза поняла, но сердчать перестала. Пожелала удачи, отдала половину выручки. Сказала писать в гостиницу в Излучине, если вдруг надобность. Джоакин сказал: так ты же читать не умеешь! А она в ответ: ну и что? К священнику схожу, он прочтет.

Следующим днем он помог ей нанять на рынке охранника – такого, что вызывал доверие. А затем распрощался.

Прошел месяц – и вот он в Алеридане.

Точнее, на лесистом бугре за городом, среди черных камней и обугленных балок. Когда-то здесь была мельница, потом сгорела, а холм зарос. Если влезть на камни, виден Эвергард: три кольца стен, тринадцать башен, Светлая Агата и воин, выложенные золотом. На шпилях башен полощутся

флаги: верхний – герцогский, остальные двенадцать – гербы знатнейших рыцарей гарнизона. Один из них мог бы принадлежать Джоакину. Он давно уже знал, какой герб себе выберет: сердце, пронзенное мечом, а ниже – осадная машина, катапульта...

Деньги, доставшиеся от Луизы, исчезли без следа. Львиная доля ушла на новый меч взамен отцовского, утерянного в бою. Затем была дорога через Земли Короны и Альмеру, продовольствие, овес для Леди. Последняя агатка испарилась вчера: потрачена на пиво для Берка, чтобы убедить его проторчать еще один день среди развалин мельницы. Пятые сутки они здесь, и каждое утро Берк заводил одну и ту же песню:

– Милорд, а милорд... Скажи мне, как лорд: какого черта мы здесь торчим, а? Жратва кончается, с выпивкой вовсе печаль. Давай-ка наймемся к кому-нибудь!

Идея о том, что Джоакин Ив Ханна – как бы дворянин, а он, Берк, – как бы сквайр, сперва только позабавила пройдоху. Но потом, осознав тот факт, что лорд обыкновенно платит за пиво и вино для сквайров, Берк понял все выгоды положения и теперь иначе, как милордом, Джоакина не звал. Правда, насмешливая нотка в голосе никуда не делась.

– Ну, что скажешь, господин? Давеча мы слышали: архиепископ Галлард в городе собирает войско. Идем к нему нажиматься!

– Не люблю святош, – уклончиво отвечал Джоакин.

– А кто их любит? Разве что монашки! Зато все любят деньги, а их у святоши полно. Чего, благородный Джо, не сказать о тебе.

Джоакин хорошо понимал, зачем приарх Галлард собирает войско. Вчера новомодной почтой – какой-то «волной» – в Алеридан прилетело известие: владыка начинает суд и велит герцогу Альмера явиться в столицу. В противном случае император лишит его титула и доставит в Фаунтерру силой, как беглого преступника. Ясно, что герцог и не подумает мчаться на плаху. Ясно, что император выполнит угрозу, и Айден Альмера лишится власти. Когда это произойдет, брат Айдена – Галлард – объявит себя новым герцогом и бросит войско на штурм Эвергарда. Ни за что в жизни не хотел бы Джоакин оказаться в той армии, что придет за головами Айдена Альмера и его дочери – леди Аланис. Ему противна была даже мысль.

Однако Берк посмеялся бы над этакой романтикой, потому Джоакин приводил другие аргументы:

– Дружище, ты замок-то видишь? Думаешь, сладко придется, когда архиепископ пошлет нас на штурм? Иначе, как винтовой дорогой по склону холма, до верхушки не доберешься. А дорога обжата стенами с обеих сторон. Мы станем ползти по ней вверх, как черепахи, а нас будут поливать смолой и обсыпать булыжниками. Эвергард неприступен! Никаких шансов нет.

– Святоша – не дурак, – возражал Берк. – Он не ползет

на штурм, коли замок неприступен. Возьмет в осаду. Всю осень, а то и зиму, мы будем жрать и пить в лагере, ничем не рискуя, да еще и монету получать. Потом гарнизон сдастся, мы заберем денежки и пойдем своей дорогой. А теперь, славный Джо, подумай, что будет, окажись мы внутри. Хотя нам и ясно сказали убираться прочь, но все же представь: твой чертов план сбылся, и нас таки взяли в гарнизон. Что из этого выйдет, а, милорд?

– Прославимся! – не раздумывая, сказал Джоакин.

– Ага. Станем славными пожирателями подметок, чемпионами по ловле крыс. Что мы есть-то будем в крепости, а?

– Имеются склады продовольствия.

– На осень хватит. Но потом-то запасы кончатся. Знаешь, приятель, я очень не хотел бы дожидаться того дня, когда рыцари начнут жрать своих сквайров. Накануне я предпочел бы слинять подальше из этой дыры... да только не выйдет, крепость-то в осаде! Как ты вообще планировал выбираться оттуда?

– Герцог что-нибудь придумает. Когда станет невтерпеж, он выведет людей. Наверняка есть подземный ход.

Берк хохотнул. Джоакин взаправду верил в существование туннеля, даже принимался его искать. Собственно, и холм этот выбрал для стоянки потому, что он выглядел очень уж подходящим местом для выхода из лаза. Деревца и мельничные камни маскируют макушку, можно выйти незаметно для осаждающих. Зато с высоких башен замка бугор хорошо

просматривается, и можно заведомо отследить, есть ли враги у выхода из туннеля. День Джоакин убил на поиски. Идея была такова: обнаружить подземный ход, пробраться прямо в Эвергард, а там заявить: «Мы нашли уязвимое место вашей обороны! В награду возьмите нас на службу». С утра до ночи приятели ворочали камни и балки, испачкались в саже, как Темный Идо... Потом Берк осведомился:

– Скажи-ка, милорд, позволено ли сквайру называть лорда дубиной?

– Ни в коем случае.

– А пустоголовым дураком? Или безрогим бараном?

– Тоже нет.

– Ну, тогда я промолчу.

На том и закончили поиски подземного хода.

Шел пятый день стоянки на холме. Солнце клонилось к горизонту, закатывалось за башню Эвергарда – точь в точь как на родовом гербе леди Аланис... Берк хлопнул Джоакина по плечу и заявил:

– Вот что я тебе скажу, благородный лорд. Моего терпения хватит еще на один вечер – вот этот, что сейчас. План «торчим туточки и ждем погоды» был, конечно, хорош, но немного приелся. Если до утра не выдумаешь идею получше, я иду в город наниматься к архиепископу. С тобой или без тебя – все едино.

Он закинул в рот щепотку табака и завалился на плащ. Джоакин взобрался на камень и крепко призадумался, глядя

на остроконечные башни цитадели.

Если по уму, то Берк прав. Не возьмут их в гарнизон. Замок и так переполнен людьми, а запасы пищи ограничены. Значит, нечего им тут делать, нужно уходить. Податься к другому лорду, выслужиться у него, получить рыцарство. Потом, уже в звании, вернуться сюда, попроситься к леди Аланис... Пройдут годы. Джоакин возмужает, на лице будут шрамы, в висках – седина. Слава о нем разлетится по стране. Он сможет тогда не клянчить, а гордо заявить:

– Меня, миледи, любой бы взял на службу. Вот только моя душа рвется к вам. Не откажите же ей!

Но уходить не хотелось. Даже больше – не могло. У него, Джоакина, может, и есть впереди годы... но у леди Аланис их может не быть! Она замешана в заговоре своего отца. Пусть и по незнанию, да кто на это посмотрит! Имперский суд не пощадит ее, войско приарха Галларда не выпустит из осажденной твердыни. Леди Аланис в западне, до конца года решится ее судьба. Если она у... ум... боги, даже мысленно Джоакин не мог произнести этого слова! Не умрет она! Он будет рядом, и она не умрет! Нельзя уходить.

Трижды они с Берком ездили в город. Один раз Джоакин снова увидел герцогиню: со своим блестящим эскортом она ездила в собор. Джоакин был потрясен – не одной лишь красотой девушки, но и отчаянной храбростью. Алеридан наводнен наемниками Галларда. Совершеннолетняя Аланис – помеха для дяди на пути к власти. Спусти священник псов –

и они разорвут дюжину рыцарей герцогини. Джоакин знал: Аланис не зря пошла на такой риск. Она заявляла тем самым: «Я ничего не боюсь. Я невиновна, город – мой по праву». Мещане орали приветствия, смеялись от восторга. Герцогиня с нами, значит – все по-прежнему! Не будет войны, не будет смуты! Да здравствует Аланис Альмера! Джоакин тоже орал, его голос тонул в толпе, неслышный даже для соседей:

– Берегитесь, миледи! Прячьтесь в замке! Город опасен!

В дюжине тяжелых всадников мещане видели несокрушимую мощь. Стальные люди на стальных конях – что может их остановить?! Тем более, эти воины – лучшие из лучших, чемпионы турниров, герои битв!.. Джоакин знал, насколько уязвимы рыцари на узких улочках города. Один арбалетный болт из-за оконных ставен – и...

– Прячьтесь, миледи! Ваша жизнь на волоске!..

Она посетила собор, подарила Светлой Агате пригоршню золотых эфесов и вернулась в Эвергард. Живая... на этот раз.

Нет, Джоакин никак не мог уехать отсюда!

Но что делать?

Он глядел, как полощутся флаги в розовых закатных лучах... Затем солнце пропало, его место заняла луна... Искровые фонари вспыхнули на стенах, принялись шарить вокруг. Пятна света скользили по голой земле. Подступы к замку вырублены, вычищены от деревьев. Одна лишь каштановая аллея, ведущая к воротам. Если войско хлынет на

штурм, его увидят издали. В лучах фонарей люди – как на ладони. Арбалетчики замка наспигуют их болтами, сотрут в кровавую пыль еще задолго до стен! Бедные, бедные наемники приарха! Эвергард неприступен... Эх.

Джоакин ничего не понимал в политике, но было ясно даже ему: император не простит герцога. Когда войско Галларда расшибется о стены замка, владыка пришлет свое. Искровая пехота – перед нею никто не устоит. Холодная тьма. Нельзя уезжать. Нужно думать.

Воин снова вспомнил герб, который выбрал для себя. Пронзенное мечом сердце – отличный символ: это и смерть врага, и любовь девушки. Ниже – катапульта. На гербе леди Аланис – крепостная башня, а у него будет осадная машина. Герцогиня неприступна, как сам Эвергард, но найдется тот, кто возьмет ее штурмом!.. Еще недавно эмблема наполняла его радостными мечтаниями, но теперь казалась злой насмешкой. Скоро здесь хватит катапульта и без Джоакина: будут и машины приарха, и самого императора... Чего не хватает – так это щитов, чтобы укрыть миледи от смертельной опасности. Сердце на щите – вот каков должен быть герб! И придет день, когда он будет трепыхаться на одной из башен Эвергарда!

Тех гербов, что сейчас украшали башни, уже было не видеть. Стояла ночь. Туча сглотнула луну. Лишь одна Звезда сияла в небе, да тревожные огни белесыми пятнами вспахивали землю. Громада замка тонула в черноте.

– Надо поспать, – сказал себе Джоакин. – Встану на рассвете, подумаю еще.

Он поднялся, чтобы спрыгнуть с камня, бросил прощальный взгляд на крепость. Шепнул:

– Доброй ночи, миледи. Ничего не бойтесь: я рядом...

...и тогда увидел отряд.

* * *

Всадники возникли на каштановой аллее. Фонарь выхватил их из темноты и повел, больше не отпуская. Люди в легкой амуниции, почти без доспехов. Кони идут галопом. Десять, двадцать... примерно полсотни. Они скакали напрямиком к воротам Эвергарда.

С башни что-то крикнули – в ночной тиши звуки летят далеко. Всадники не сбавили ходу. Дураки, сейчас их перебьют, – подумал Джоакин... Подумал бы, если б успел. Но кое-что случилось, и мысли в голове разом погасли.

Надвратная башенка треснула и развалилась.

Куски балок и кирпича – дождем на дорогу. Людские тела.

Всадники мчали, не сбавляя ходу, и двое передних вскинули руки, будто в рыцарском салюте. Теперь Джоакин успел заметить, как воздух вздрогнул перед их ладонями. Мерцающие сгустки метнулись к воротам, и те лопнули – будто пузырь, в который ткнули ножом! Щепки брызнули в стороны. Кто-то рванулся навстречу всадникам, и передний конь смял

его. Отряд хлынул в замок.

Джоакин не понимал... и не пытался, и даже не воскликнул: «Что за чертова тьма?!» Он – соляная статуя, он – истукан с глазами. Стоял и смотрел, и не мог ничего другого, кроме смотреть.

На дороге между стен царила темень – фонарщики не успели перенаправить свет. Вот они зашевелились, крутанули лампы, нацеливая лучи... и одна за другой фонарные башенки стали лопаться. Вспрыгивали на воздух, разваливались, сыпались градом обломков. Раскаленные внутренности ламп еще недолго мерцали искрами... Кто-то побежал по стенам, упруго сработал арбалет. В ответ полыхнул огонь. И снова. И снова. Истошные крики: живые факела падали на дорогу, под копыта. Вспыхнула галерея, за нею вторая...

А те, конные, скакали вихрем, поливая огнем стены. Вторые ворота – в щепки. Решетка – в пыль. Они неслись с такой скоростью, что полоса огня отставала от них! Пламя текло по стенам снизу вверх, охватывая десятки шагов за минуту... но конные шли быстрее. Балки, булыжники, головешки сыпались водопадом за их спинами. Всадники – огромный черный змей. Ворвался в замок и вспорол изнутри – будто двуручный меч в глотку.

Джоакин смотрел. На его глазах неприступный Эвергард превращался в факел.

Жутко, протяжно взвыл сигнал тревоги. Падая, притихая, и снова взлетая, вымораживал жилы. Огненная река, теку-

щая снизу вверх, долилась до верхнего замка и уперлась в бастион. Здесь, впервые, всадники сбавили ход. Извилистый путь замедлил их. Пятна света поймали голову отряда. Скачут, прижавшись к холкам, выставив вперед руки. Вдох – и лежат, никого живого из тех, кто оказался на свету. Кричит и бьется на земле лошадь. Остальные отпрянули, прячась за поворотом стены. Свет скользнул за ними, выхватил одного... Уже не человек – губка, истыканная стрелами.

В груди Джоакина мелькнул луч. Все, конец им! Кто бы ни были, им конец! Сзади подступает огонь, впереди – лютые стрелки герцога. Всадники сбились кучей в узком безопасном простенке. Рыцари замка уже бежали к ним по зубчатым верхушкам стен. Круглые камни посыпались с бастиона, покатались вниз по дороге, ломая ноги коням.

Но вдруг среди мертвецов зашевелился один. В нем сидела стрела или две, но он двинулся, перекатился за труп лошади. Положил руку на тушу, как ложе арбалета на упор. Выстрелил.

Прежде, во тьме, Джоакин не мог разглядеть, но теперь фонарь светил прямо на этого, полумертвого, и все виделось ясно.

Он выстрелил из руки.

Никакого оружия! Просто из кулака вырвался огненный шар и воспламенил ворота. Затем второй, тут же – третий. Стена, переполненная людьми, издала вопль. Вспыхнула башня, заметались огни. Люди сталкивались, обезумев от

боли. Зажигали друг друга, сгорали заживо, прыгали со стен. А тот, за конской тушей, продолжал бить, обращая бастион в пекло. Одной голой рукой.

Вот тогда Джоакин заорал.

Сжимал голову ладонями, мотал из стороны в сторону, иступленно орал:

– Аааа!.. Аааааааа!

Берк, что проснулся от воя, подскочил к нему:

– Заткнись, твою Праматерь!

Но увидел полыхающий Эвергард – и онемел.

Бастион выгорел дотла, выпали ворота. На стенах не осталось жизни. Всадники спешили и цепочкой вбежали в верхний замок. Где-то там – леди Аланис. Теперь беззащитная.

Джоакин бросился к лошади. Берк догнал его, развернул к себе и врезал кулаком по лицу. Воин упал, тут же выхватил кинжал, попытался ударить. Берк прыгнул, выбил нож, уселся на парня верхом:

– Да стой же ты! Дубина! Ничем не поможешь, сам подохнешь!

– Пусти! Убью! Пустииии!

– Не успеешь ты, дурак! Они уже в покоях! За пять минут всех вырежут, кто остался!

– Аааа!.. Пусти, гад! Ааааааа!

Джоакин метался, взрывая пальцами землю. Смотрел в небо – туча багровела от зарева. Берк сдерживал парня, при-

говаривая все тише:

– Ну, будет! Хватит уже!.. Успокойся... Как тебя заклинало, а...

Наконец, он утих.

Берк отпустил, Джоакин сел, привалившись спиной к камню. На замок он не смотрел. И так знал, что там: в небе плясали отсветы.

– Как же это... – прошептал воин. – Как они смогли... Это же... так не бывает! Не бывает!

– Да ладно, – пожал плечами Берк, – обычное колдунство. Император – потомок самой Янмэй. Он еще и не такое умеет!

– Император?.. – тупо повторил Джоакин. – Император?

– Кто же еще?! Он сказал, что притащит герцога на суд – вот и прислал за ним парней.

– Парней?..

О, нет, это и близко не парни! И не воины, и даже не кайры! Черные демоны на лошадях, крушащие стены одним взмахом руки!

– Ты проспал и не все увидел, – сказал Джоакин. – Наверное, не понял, что к чему. Они сражались, как Праотец Вильгельм! Смертные неспособны на такое!

Берк хмыкнул:

– Ну, тогда нам стоит помолиться. Умеешь?

В разговор вмешался странный звук – не то скрип, не то скрежет. Два камня провалились в землю. Вдавились и скры-

лись, оставив квадратную черную дыру. Из дыры возник человек с мечом, и еще один.

– О, подземный ход!.. – воскликнул Джоакин. – Я же говорил...

Рыцари двинулись к ним, в жутком молчании заноса клинки.

– Э, стойте, стойте! Мы свои!

Джоакин успел вскочить и поднять меч, а затем рыцарь обрушился на него. Удар, полный холодной ненависти. Парень отпрянул, с трудом устояв.

– Мы не враги!

Не говоря ни слова, рыцарь вновь атаковал. Сталь гремела и выбрасывала искры. Джоакин чуть не стонал от напряжения, парируя удары. Рыцарь бил слишком быстро, чтобы уклониться, и слишком мощно, чтобы блокировать. Каждая сшибка едва не выворачивала запястье. Клинки скрещивались у самой груди Джоакина. Противник сминал его оборону.

Второй воин тем временем накинудся на Берка. Тот успел парировать первый удар, но второй вышиб из рук топор и бросил Берка наземь. Он откатился, меч вспорол грунт в дюйме от уха. Берк пнул рыцаря в промежность, сам же взвыл, разбив стопу о латы. Увернулся от удара, перекатился, встал на четвереньки, пополз. Латник подбежал к нему и врезал ногой в бок. Берк скрючился на земле, задыхаясь. Рыцарь взял меч в обе руки, неторопливо замахнулся, чтобы

снести парню голову.

Джоакин отступал шаг за шагом под свирепым натиском врага. Он не мог улучшить ни секунды для атаки. Все силы и время уходили на оборону. Однако, отступая, он выманил противника из тени и сумел разглядеть.

– Сир Хамфри, я вам не враг!

Рыцарь промедлил полвдоха, Джоакин отпрыгнул назад и вогнал меч в землю:

– Хватит! Мы на вашей стороне!

Лейтенант Хамфри из гарнизона Эвергарда подступил к Джоакину, смерил взглядом:

– Ив Ханна?

– Я!

– Рольден, стой!

Клинок замер у шеи Берка.

– Какого лешего вы здесь?

– Мы видели штурм и пожар. Хотим помочь.

– Помочь?

– Вам нужна помощь, сир Хамфри?

Замешкавшись на секунду, рыцарь принял решение:

– Нужна. С нами раненый.

Он и Рольден вложили клинки в ножны. Берк поднялся, отряхиваясь и потирая бок.

– Сюда! Безопасно, – крикнул сир Хамфри.

Из туннеля показалась молодая женщина в одежде служанки, за нею двое парней с закрытыми носилками, следом

– еще один рыцарь, замыкавший отряд.

– Простите, сир, но я не лекарь, – сказал Джоакин. – Не могу помочь с раненым.

– И не требуется. В миле отсюда охотничье угодье герцога. Пойдем туда, там есть лекарь. От вас нужна помощь в защите. Нас мало, а погоня возможна.

– Конечно, сир. Можете положиться на нас.

Лейтенант кивнул:

– Благодарю.

Махнул рукой замыкающему воину. Тот дернул что-то в недрах лаза, камни пришли в движение и встали на место, закрыв дыру.

– Простите, сир... – Джоакин прочистил пересохшее горло. – Ее светлость... она жива?

– Герцог погиб, – холодно отрезал лейтенант. – Лорд Альфред тоже. О лорде Альберте не знаю.

– А... леди Аланис?

Рыцарь медлил. На лице ясно читалось желание солгать.

– Прошу, сир Хамфри! Я же здесь ради нее!!

Тот мотнул головой в сторону носилок:

– Ее светлость ранена. Но шансы есть. Вперед!

Джоакин ловил воздух, пытаясь вдохнуть. Наконец, отмер. Прыгнул в седло и двинулся следом за уходящей горсткой людей.

В голове Джоакина царил черно-бело-красный хаос, похожий на гибнущий Эвергард. Черная растерянность, близкая к смятению. Мир стал другим: теперь в нем есть сила, неподвластная ни воинскому мастерству, ни законам чести. Опоры, на которых прежде стоял Джоакин, шатались и уходили из-под ног.

Красные вспышки – озарения, как пламенные шары. Герцог погиб вместе со старшим сыном. Леди Аланис бежала. Приарх Галлард объявит себя правителем Альмеры. Обищет Эвергард, не найдет тела герцогини и пошлет погоню. Как скоро это случится?.. Кто были те всадники, кому служат? Они ринутся по следам, или другие?..

А белый цвет – это надежда, теплые манящие лучи. Леди Аланис потеряла отца и брата, получила тяжкое ранение. Нужно быть бессердечным человеком, чтобы радоваться этому. И Джоакин честно душил в себе предательское чувство... но все же радовался. Судьба дала шанс. Впереди дюжина дорог. Та, что ведет в лапы к наемникам архиепископа, и та, что на столичную плаху, и та, где ждут всесильные всадники, и даже та, где леди Аланис вернет себе герцогство и взлетит обратно ввысь, бросив Джоакина ползать по земле... Но есть и такая дорога – одна-единственная – по которой Джоакин пронесет девушку на своих руках, спасет

ото всех опасностей, и в конце... Именно там, в конце той дороги и сиял неотразимо заманчивый белый свет.

Краем уха Джоакин слышал обрывки разговоров в отряде:

– ...около пятидесяти. Убили всего дюжину...

– ...размолотили, как гнилую тыкву!

– Предметы. Говорящие Предметы!

– Безнадёжно с самого начала...

– Персты Вильгельма... они нашлись!

– Приарх Галлард.

– Нет, император.

– Сам владыка?..

– А кто же еще?!

Берк приблизился и потряс Джоакина за плечо:

– Эй, милорд! Слышишь меня? Слышишь, говорю?!

– Что?.. Ага, слышу.

– Думаешь, у них есть с собой деньги?

– Деньги?..

– Деньги! Ты что оглох? Как только нам заплатят, сразу

сваливать нужно.

– Это еще почему?

– Точно, оглох. Уши прочисти и слушай, о чем люди говорят! Леди Аланис – наследница герцогства. Едва святоша поймет, что она осталась жива, сразу отправит псов искать следы. Нам бы к тому моменту оказаться подальше от этих носилочек.

– Ага, носилки...

Джоакин нагнал парней, что несли раненую. То были воины, за их плечами висели мечи и щиты. Сир Хамфри, идущий впереди, задал безумный темп. Парни с носилками тяжело дышали, выбивались из сил.

– Вам помочь, друзья?

– Да как поможешь? Верхом раненую не понесешь!

– Могу отдать ей лошадь или взять к себе в седло.

– Ее светлость не сможет... она без чувств.

Точно: девушка лежала удивительно тихо. Была бы в сознании, стонала бы. Тревога ожила в сердце с новой силой.

– А рана сильная?

– Не позавидуешь...

– Какая?

– Ожог.

– Большой?

Сир Хамфри обернулся и прикрикнул:

– Сир Джоакин, отстань от них! Парням и так нелегко!

Он переключился с расспросами на лейтенанта:

– Что случилось с ее светлостью?

– Задело огненным шаром.

– О, боги! Страшный ожог?

– Я видал и хуже.

– Значит, есть надежда?

– Есть. Особенно если не болтать попусту, а идти быстрее.

– Так точно, сир.

Джоакин умолк было, но вскоре не удержался:

– А далеко еще до поместья?

– Тебе какое дело? Ты ж верховой. Ноги, поди, не ноют.

– Нет, сир, я о том... ну, как долго еще идти? Ведь ее светлость... она же без лекаря долго не сможет!

– Сир Джоакин, – рявкнул Хамфри, – закрой рот! Я все понял: ты очень хочешь служить герцогине! Оценил твоё рвение. А теперь – помолчи!

Джоакин сжал зубы.

К счастью, охотничье угодье уже показалось впереди. Немаленький двухэтажный дом на опушке леса, обнесенный бревенчатой стеной. Тропа упиралась в ворота. Одна створка покосилась и цепляла землю. Ее не смогли закрыть полностью, в щель пробивался факельный свет.

– Что за лодыри... – буркнул Рольден. – Герцог бы им уши оторвал.

Сир Хамфри сплюнул.

Отряд встал у ворот. Воины опустили носилки и принялись дышать. Рольден стукнул сапогом в створку. Берк шепнул Джоакину:

– Надо сразу с ними войти. А то запрутся, оставят нас здесь – и плакали денежки.

С этой целью он спешился и выдвинулся вперед, втерся между Рольденом и Хамфри.

«Здоровая» створка, скрипнув, отклонилась. Мужичок в плаще, с факелом в руке, мотнул головой:

– Здравья вам, рыцари. Проходите, добро пожаловать.

Рольден вошел первым, следом Хамфри, за спиной у лейтенанта во двор проскользнул Берк. Сир Хамфри смерил взглядом мужичка:

– Отчего не спрашиваешь, кто мы такие? А вдруг разбойники?

– Вижу ведь: башни на грудях, – резонно заметил факельщик. – Значит, люди его светлости.

– А ворота почему скособочены?

– Сегодня только телегой саданули, починить не успели...

– Телегой? Какой телегой?

– Да вон той – муку, значит, везли...

Сир Хамфри с удовольствием оглядел двор. Заглянул и Джоакин. Действительно: левее ворот стояла телега с мешками. В глубине, ближе к усадьбе, свалены были полдюжины бочек. В кольцах на заборе торчали факела, трепетали огни.

– Дурачье, – процедил лейтенант. – Муку привезли и до сих пор не разгрузили! И бочки у главного входа – что за черт!

– Да хватит! – крикнул Рольден, он стоял уже на полпути к усадьбе. – Кончай выволочку, пускай заносят...

В этот миг на телеге, за мешками почудилось Джоакину какое-то едва заметное движение. Сир Хамфри рванулся с места, схватил мужика и закрылся его телом, будто щитом. Раздался свист. Мужик хрипнул, ловя стрелы. Джоакин шатнулся за створку. Рольден коряво выхаркнул:

– Гады... – и с грохотом рухнул наземь.

Не выпуская свой живой щит, сир Хамфри бросился к телеге. Берк – следом, прячась за спиной рыцаря. Снова свист. Стук, скрип. Стрела задела латы, но не пробила. Затем лязг – меч выскочил из ножен.

Замыкающий рыцарь – его звали Ланс – крикнул воинам с носилками:

– На помощь лейтенанту! Вперед!

Они рванулись в ворота. Один тут же вылетел назад с болтом в груди. Второй успел пробежать несколько шагов, потом свалился, плюясь кровью.

Из-за телеги раздались вопли: Хамфри с Берком рубили лучников, прятавшихся там. Но вторая группа стрелков скрывалась за бочками, держа на прицеле и телегу, и ворота. Стоит лейтенанту высунуться из-за телеги, как он – покойник. Пойдешь ему на помощь – получишь болт.

– Ты, – Ланс ткнул пальцем в Джоакина. – Я не оставлю миледи с тобой.

Конечно. Последний рыцарь будет стеречь носилки любой ценой. Джоакин вырвал у него щит:

– Это мне понадобится.

Прыгнул в седло, подъехал к воротам, прячась за закрытой створкой. Сунул щит в проем. Тум-тум! Два болта разом прошли его, один оцарапал руку. Джоакин прищпорил кобылу и рванулся во двор. Если там остался третий со взведенным арбалетом – то конец.

Третий был. Встал из-за бочек, вскинул оружие, сверкну-

ла дуга. Джоакин упал всем телом на холку Леди и швырнул щит навстречу стрелку. Тот пальнул. Болт свистнул над головой парня. А в следующий миг копыта Леди разнесли груду бочек, вмяная арбалетчика в землю...

Их насчиталось восьмеро: один у ворот, трое за бочками, четверо у телеги. Большинство уже испустили дух, один шумно стонал. Стонал и Рольден. Лейтенант прочел молитву и нанес удар милосердия.

Стрелку, которому не повезло остаться в живых, сир Хамфри отрезал поочередно три пальца. Тот сразу сказал, что служит приарху Галларду, но все же следовало убедиться. Джоакин злорадно бросил Берку:

– Ты, говоришь, хотел наняться к святоше?..

Хамфри и Ланс внесли носилки во двор. За ними вошла служанка. Видимо, то была смелая девушка: она не издала ни звука, увидев дюжину мертвецов. А вот в доме не сдержалась и охнула. Вся прислуга поместья была в гостиной, аккуратно уложена в ряд на полу. Глотки перерезаны, кровь стеклась в одну огромную лужу. Кружились мухи.

– Лекарь здесь? – спросил Джоакин.

Сир Хамфри поочередно осветил лица мертвецов.

– Тьма сожри. Да, здесь.

– И как же теперь?..

– Софи, – лейтенант кивнул служанке, – найди лекарский инструмент, потом поможешь Лансу. Ланс, тебе же случа-

лось штопать раны?

– Не такие, сир.

– А есть выбор?

– Сделаю, что могу.

– Отлично. Сир Джоакин, со мной. Внесем ее светлость.

Носилки положили на кухонный стол, подальше от мертвецкой гостиной. Софи принесла саквояж лекаря и бутылку вина. Ланс мыл руки в тазу.

– Сир Джоакин, идемте во двор. Не будем мешать.

Носилки так и стояли, накрытые завесой. Джоакин задержался в дверях, надеясь поймать момент, когда Ланс отбросит ткань. Взглянуть бы хоть одним глазом!.. Но сир Хамфри взял его за плечо и увел прочь.

Они вышли во двор, лейтенант подозвал Берка.

– Как видите, нас осталось четверо. Двое нас и двое вас. Ближайший вассал, которому наверняка можно доверять, – граф Блэкмор. До его замка почти сто миль пути. Мы с Лансом не справимся. Сир Джоакин, сквайр Берк, ее светлости герцогине Альмера требуется ваша служба.

– Ага, – буркнул Берк. – А какая оплата?..

Джоакин велел ему молчать. Встретил взгляд лейтенанта.

– Сир Хамфри, такое дело... Я не рыцарь, а Берк – не сквайр. Мы – просто два парня с оружием.

– И что? Ваши клинки нужны герцогине. Готовы служить?

– Так точно, сир, – ответил Джоакин.

Перо

1–3 сентября 1774 г. от Сошествия

*Эльфорт (Южный Путь), пансион Елены-у-Озера
(Ориджин)*

В Эльфорте, что на севере Южного Пути, не доезжая двадцати миль до впадения Мудрой реки в Нижнюю Близняшку, двое мужчин сошли с дилижанса. Они накинули капюшоны плащей, поскольку моросил дождь, и поскорее убрались от станции, ища места, где можно согреться и перекусить. Однако ни первая, ни вторая, ни даже третья таверна не смогла соблазнить путников аппетитными запахами копченостей и заманчивыми пивными кружками на вывесках. Двое мужчин в плащах уходили все дальше от станции, пока не затерялись в лабиринте кривых, кособоких переулков. Достигнув самой глубины Эльфортской утробы, путники нырнули в мрачный погребок без окон. На обруче под потолком чадили три свечных огарка, в углах заведения царила могильная тень. Путников это полностью устраивало.

Они сделали заказ, дождались, пока хозяин принесет пару мисок бобов с телятиной и кувшин эля, и лишь после скинули капюшоны. Предосторожность была излишня: в радиусе ста миль не было ни единого человека, кто смог бы узнать в лицо бывшего начальника протекции или бывшего импер-

ского секретаря.

– Мне думается, пришло время обсудить кое-что, – сказал Ворон Короны.

– Я с...согласен, чиф.

– Мое имя – Марк Фрида Стенли, – сказал Ворон. – Стенли – так звали моего отца в те давно забытые годы, когда он еще был жив. Как звали мою бабушку по матери – понятия не имею. Мама ее боялась, как огня, и никогда не поминала всуе, словно повелителя тьмы. Вышла замуж, лишь бы сбежать от нее.

– К чему вы это?

– К тому, приятель, что я – не дворянин. В высшей степени не дворянин, если можно так выразиться. Учти это, когда будешь слушать мое предложение. А предлагаю вот что: сейчас мы доедим, выйдем отсюда и свернем за угол: ты – направо, я – налево. Я поеду в Первую Зиму, а ты... куда угодно, но не туда, где правит Янмэй или Агата. Можешь в Нортвуд или на острова. Если хватит денег, сядь на корабль, что идет в Шиммери... И главное – не говори мне о том, куда собираешься. Просто уходи.

– А... а вы, чиф?

Марк ухмыльнулся:

– Устарел титул. Забудь о нем.

– Да, п...постараюсь... Так что же будет с вами? Вы тоже с...скроетесь?

– У меня есть дела на Севере, как ты знаешь. Я направ-

люсь туда. Но ты не обязан. Ты мне больше не подчиненный, и уж тем более – не вассал. У твоей дворянской чести нет ни единой зацепки, чтобы заставить тебя сунуть голову в петлю.

– П...приказ его величества, – ответил Итан.

– Владыка – человек результата. Ему важно, чтобы мятежник умер. И неважно, сколько из нас последуют за Ориджином на Звезду. А твое присутствие все равно не добавит мне шансов.

Итан покачал головой.

– Я давно вас знаю, сударь. У в...вас имеется для меня какая-то роль. Будь я так б...бесполезен, вы бы отослали меня без вопросов.

– Я даю тебе полное право убраться подальше и жить долго и счастливо, – сказал Марк. – Но если вдруг решишь остаться, то есть одно маленькое дельце... Ты можешь мне пригодиться в качестве знатока.

– Знатока ч...чего?

– Леди Глории Нортвуд, конечно. Ведь ты эксперт в данном вопросе?

– О-оо...

Итан поперхнулся. Марк стукнул его по спине:

– Ну-ну, спокойно. Я направляюсь в Первую Зиму... но не сказал, что сразу. Пансион Елены-у-Озера лежит в предгорьях Кристальных – считай, по пути. Наша милая дама проучилась там три года... из четырех необходимых. Хочу узнать, почему.

– Л...леди Сибил забрала дочь из пансиона в год императорской свадьбы...

– Да. А зачем? Чтобы Глория совала нос куда только можно, притягивала внимание протекции, сверкала при дворе, очаровывала императора и портила сватовство Минерве из Стагфорта? Что из этого на руку Медведице?..

– Н...ну, она могла не ожидать...

– От Глории? Помилуй, это же ее дочь! Медведица знала, чего ждать от девушки, и все же привезла в столицу. Понять бы логику этого поступка.

– И вы направляетесь в пансион Елены?

– Там полно народу, кто хорошо знаком с Глорией. Возможно, она откровенничала с кем-то. Может быть, что-то говорила о матери.

– Сударь, а з...зачем вам это? Вы считаете, это личные дела Нортвудов... так не все ли равно, почему да как?..

– Я намерен кое-что кое-кому доказать, – ответил Марк. – Дело чести, знаешь ли.

– Я с вами!

Ворон поскреб столешницу ножом, издав противный скрип.

– Видишь ли, какое дело. Елене-у-Озера покровительствуют Ориджины. Традиционно управительница пансиона на короткой ноге с герцогом. Мы ступим на порог, Эрвин узнает об этом через час – столько летит голубь до Первой Зимы. Может статься, пути обратно для нас не будет. Так что

если в твоей голове осталась хоть унция мозгов – последуй моему совету: беги, куда глаза глядят. Сейчас.

– Н...нет, сударь. Я с вами.

– Ты же понимаешь, что Глория Нортвуд не оценит твоей жертвы? Просто потому, что никогда не узнает о ней.

– Понимаю, сударь.

– Что ж, дело твое.

Марк отнял нож от дерева. На столешнице осталось вырезанным вороново перо.

* * *

Они заночевали в Эльфорте, а следующим утром сели в другой дилижанс. За день проделали двадцать миль, пересекли бойкую речушку – нижнюю из двух Близняшек, задержались на пограничной станции. Забавное место... или тревожное – как посмотреть. Не остров, а лоскут суши между двух речек всего шагов пятьсот шириной. На севере искрится Верхняя Близняшка, на юге плещется Нижняя. Обе видны, как на ладони, обе перепоясаны бревенчатыми мостами. Мост, ведущий в Южный Путь, охраняет массивный форт: полощутся флаги, маячат на стенах стрелки, торчат мачтами в небо рычаги требушетов. Мост, ведущий в Ориджин, не охраняет никто. За Верхней Близняшкой – открытая дорога, что уходит в холмы. Где-то вдали белеют среди зелени крестьянские избушки, пасутся овечки. Идиллия: въезжай, лю-

буйся... Ориджины не стерегут границу – незачем. Ни один лорд Южного Пути не рискнет потревожить покой северных овечек.

До пансиона оставалось несколько часов пути. Марк с Итаном провели ночь на постоялом дворе между Близняшек, а на рассвете пустились в дорогу. Нанятая бричка перевезла их через верхнюю речушку, по сторонам развернулись холмистые сочно-изумрудные луга.

– М...мне кажется, или стало холоднее? – спросил Итан.

– Вроде, нет, – сказал Марк и поежился.

Главная дорога уходила к Фейрису и Лиллидею, но возница свернул на северо-восток, минуя крохотные хутора, рассыпанные среди лугов. Холмы становились все круче, а на горизонте все яснее проступали вершины, увенчанные снежными коронами. Их очертания были резкими, угловатыми, гранеными, будто кристаллы хрусталя или соли. Порода искрилась на солнце, усиливая сходство.

– Впервые здесь?

– Да.

– Красиво?

– Б...будет красивее на обратной дороге.

Дорога пошла вверх, бричка забралась на седловину между двух возвышенностей, оттуда и открылся вид на пансион.

Озеро, давшее имя пансиону, было малюсеньким – не то пруд, не то перекормленная лужа. Однако бросалось в глаза сразу, поскольку находилось на склоне каменистого холма, у

самой вершины. Какой-то родник, пробиваясь сквозь толщу земли, избрал трудный путь и вскарабкался на высоту добрых семисот футов. За века он промыл среди утесов чашу и наполнил зеркальной, сапфировой водой. К чаше прильнули корпуса пансиона.

Зодчий постарался придать строениям самые ажурные контуры, привести в согласие с изяществом природы. Здания из белого камня были узки и высоки, словно дополняли, подтягивали к небу вершину скалы. Архитектурные излишества превращали пансион в картинку из детской сказки: стрельчатые окна, мансарды, шпили, декоративные стройные башенки, арочные мостики, соединившие корпуса... Все задумано так, чтобы постройка выглядела легкой, эфирной. Но в сравнении с крохотным озером пансион все равно казался тяжеловесным – будто седло, одетое на котенка.

Дорога привела на каменную площадку, где стоял гостевой дом и флигель охраны. Здесь, впервые в землях Ориджина, попались на глаза вооруженные люди. Двое молодых мечников прохаживались вдоль парапета – статные парни в блестящих кольчугах и белых плащах. Один из них встретил путников и провел в приемный покой. Небольшой, но очень уютный зал: темный мореный дуб, белый камень, прудик со смешными головастыми рыбками. Марк и Итан расположились в бархатных креслах, служанка предложила им кофе с печеньем и попросила ждать, пока леди Марта Валерия не выйдет к ним. Кофе оказался вкусным до чертовой тьмы.

– Послушай, приятель, – шепнул Марк, – давай-ка ты у нас будешь за главного.

– Я?..

– В таком местечке простолюдина, вроде меня, точно не примут за человека. Ты будешь дворянин, а я – твой секретарь. Уяснил?

Итан поправил кружевной воротничок, потеревил эфес шпаги.

– Вот-вот, – кивнул Марк.

– К... как думаете, что это за леди Марта Валерия?

– Мрачная гримза-гувернантка. В пансионатах служат только старые перечницы, ты не знал? Их подбирают по внешности: если дама хоть немного краше клыкана, ее не возьмут.

Итан сдавленно хохотнул.

– Приветствую вас, господа. Надеюсь, дорога была легкой.

Гости подняли глаза на старую гримзу. Марк облизнул губы, Итан проглотил язык.

Леди Марта Валерия имела за плечами от силы двадцать два года и была сложена, как богиня спортивных игр. Строгое платье в пол, призванное замаскировать формы тела, совершенно не справлялось с задачей. Из-под тонких удивленно изогнутых бровей смотрели роскошные изумрудные глаза, присущие роду Люсии. Единственный изъян немного портил картину: крупное родимое пятно на шее. Ворон зацепился за него глазами и восстановил дар речи:

– Доброго здравия, миледи! Меня зовут Марк.

– Мое имя – Марта Валерия Эдна, – с поклоном сказала дама. – Чем могу служить, господа?

– Итан Г...ледис Норма, – представился секретарь и оказался в тупике сразу, едва отзвучал последний слог его имени. – М...мы к вам по делу... э... которое можно назвать шшш...чекотливым... Я н...не знаю, с чего начать...

Марта Валерия созерцала его потуги с видом безграничного терпения.

– Позвольте мне, милорд, – вмешался в беседу Марк. – Видите ли, миледи, мой господин имеет честь служить в имперской канцелярии Фаунтерры. К несчастью, он рано осиротел, и его леди-сестра – прелестная Дженифер – оказалась целиком на попечении брата. Сейчас ей исполнилось тринадцать, и мой господин со всей дальновидностью задумался о будущем девочки.

Марта Валерия понимающе улыбнулась:

– О, господа, нет ни малейшей неловкости в этом вопросе. Совершенно справедливо, что вы решили сперва посетить заведение, куда хотите направить юную госпожу. Я с большим удовольствием покажу вам пансион и отвечу на любые вопросы. Или господа предпочтут прежде отобедать?

– П...ремного благодарю, мы не голодны! – вежливо отнекнулся Итан. Марк сглотнул слюну. Дама угадала его чувства и сказала:

– Я распоряжусь, чтобы для вас накрыли стол. Пока готовится, мы осмотрим корпуса и внутренний двор, а во время

трапезы сможете задать вопросы.

– Благодарствую, миледи! – воскликнул Марк.

Леди Марта Валерия пригласила следовать за нею и повела путников сквозь гостевой дом. Вид сзади в эстетическом отношении ничуть не уступал виду спереди. Ворону стоило немалых усилий переключить внимание со «старой перечницы» на детали интерьера: портреты на стенах широкого коридора, бюсты и вазы на постаментах.

– Наш пансион основан в четырнадцатом веке, во время правления владыки Лексиана Второго, – начала рассказ леди Марта. – С тех пор, к сожалению, сохранилась лишь одна постройка – здание Сестринского корпуса. Мы размещаем в нем студенток первого года обучения с тем, чтобы они в полной мере ощутили дух нашей древней истории и славных традиций.

– В четырнадцатом веке? – чувственно ахнул Ворон. – Неужели еще до Лошадиных Войн?..

– Верно. Многие считают, что наш пансион был открыт Юлианой Великой, но это ошибочное мнение. Когда владычица Юлиана посетила нас, пансион уже пережил двухвековую историю. Владычицу привели в восторг наши взгляды на женское образование. Юлиана Великая высоко отозвалась о пансионе и пожертвовала тридцать тысяч эфесов на его развитие. Именно с тех пор начался наш подлинный расцвет.

– Сама Юлиана Великая!.. – в полном восхищении покачал головой Марк. – Подумать только!

– Со времен Юлианы, – с гордостью продолжала Марта Валерия, – у нас обучались четыре принцессы крови, семь инфант Блистательной Династии, три будущие императрицы, в их числе и покойная мать владыки Адриана.

– Прекрасно!..

– Не раз нашими студентками становились наследницы Великих Домов – вошедшие в историю графини и герцогини. Портреты самых родовитых выпускниц собраны в нашем зале славы. Среди них была...

Марта Валерия назвала имя, Ворон округлил глаза.

– ...а также...

Ворон присвистнул.

– ...и даже сама...

Ворон воскликнул:

– Невероятно!

– Среди наших недавних выпускниц – леди Аланис Аделия Абигаиль, наследная герцогиня Альмера, и леди Иона София Джессика, Северная Принцесса, графиня Шейланд. Также и единственная дочь графини Нортвуд – Глория – проучилась у нас три года.

– Блестящее общество!

– Более чем. Возможность провести годы в подобном обществе, обзавестись знакомствами в кругу высшей знати, весьма заманчива для всякой молодой леди.

– Конечно, миледи! Юная госпожа будет в полном восторге, когда я перескажу ей ваши слова! Да что и говорить – мы

сами в полном восторге. Правда, милорд?

Итан выдавил:

– Д...да. К...конечно.

Выйдя с тыльной стороны дома, они попали на ступени широкой лестницы, ведущей вверх по склону холма. Миновав арку, покрытую каллиграфическими письменами, вошли во внутренний двор пансиона. С трех сторон над двориком возвышались корпуса: те самые сказочные замки, соединенные мостиками. Четвертая сторона была свободна от построек, ее занимало сапфировое озеро и беседка со скульптурой. Мраморная девушка держала воду в ладонях, сложенных лодочкой, и смотрела на свое отражение. Капли сочились меж пальцев.

К скульптуре и направилась леди Марта Валерия.

– Наш пансион построен в том самом месте, где Праматерь Елена, согласно преданию... Впрочем, вряд ли мне стоит занимать ваше время легендами.

– Расскажите, миледи! Нам очень любопытно! – горячо заверил Ворон.

Леди Марта поведала легенду. Гости слушали с величайшим вниманием, не отводя глаз от рассказчицы.

– Но не стоит думать, что заветы одной лишь Святой Елены легли в основу наших принципов, – вернулась из прошлого леди Марта.

– Что вы, мы и не думали!..

– Дневники Праматери Янмэй, «Записки о природе вла-

сти» Вильгельма Великого и «Мгновения» Светлой Агаты – настольные книги наших студенток, наравне с «Людьми и землями» Елены. Мы полагаем, что именно эти труды дают наилучшее понимание того, в чем сущность власти, и как она реализуется.

– Власти, миледи?..

– Господа, наш пансион построен на особых принципах. Миссия лорда – осуществлять власть. Миссия леди – быть соратницей и помощницей лорду. Не светские манеры и знания искусств создают истинную леди, а понимание природы власти и умение править людьми.

«Природу власти» леди Марта Валерия произнесла с таким волевым нажимом, что Ворон не сумел сдержать в узде свое воображение и покраснел.

– Эээ... а... как... как на это смотрят мужья ваших выпускниц?

– Любой лорд Империи счастлив получить в жены нашу выпускницу, если только он не отчаянно глуп. Мы добиваемся того, чтобы девушки в совершенстве овладели навыками политики, дипломатии, управления землями и финансами, а также основами военной стратегии и феодального права. Взяв такую невесту, лорд получит надежную и верную соратницу, прекрасную собеседницу, советчицу, помощницу. Ни один вассал не сравнится с нею в этих качествах. Поверьте, большинство секунд-вассалов Империи – глупцы и невежды в сравнении с нашими девушками.

– Охотно верю... – мурлыкнул Марк.

– Р... разве для мужчины не унижительно уступать в познаниях жене? – спросил Итан.

Впервые леди Марта Валерия позволила себе улыбнуться.

– Мужчины, не вполне уверенные в себе, не получают в жены выпускниц пансиона. Такого просто не случается. Наши девушки становятся невестами первых лордов государства.

Итан смущенно потупился, и леди Марта Валерия добавила мягче:

– Кроме того, существуют вопросы, разбираться в которых зазорно для лорда, но не зазорно для леди. Всякий лорд будет благодарен, если его леди возьмет на себя, к примеру, управление финансами.

– В... вы учите аристократок считать деньги? – удивился Итан.

– Конечно. Однако это ничуть не портит их манер. Позвольте, я покажу.

Две студентки в одинаковых синих платьях проходили по двору, леди Марта Валерия подозвала их. Девушки сделали реверанс:

– Миледи... милорды...

Одна явно принадлежала к агатовской породе, вторую угадать было сложнее – возможно, Глория северной ветви.

– Ответьте мне, – задала вопрос леди Марта, – как следует поступить лорду, если его имение приносит от пятидесяти

до восьмидесяти эфесов дохода ежемесячно, а сосед просит четыреста эфесов за ценную политическую уступку?

– Есть ли накопления в казне? – спросила девушка рода Глории.

– Нет, но некий банкир предлагает в долг пятьсот золотых под годовую четвертину. Брать ли лорду ссуду?

– А кто спрашивает меня об этом? – уточнила агатовка.

– Допустим, подруга.

Агатовка округлила глаза и мило хихикнула, прижав ладони к губам:

– Ох, дорогая, что за вздор! Разве я торговка, чтобы считать деньги? Они у меня имеются – вот все, что я знаю о деньгах.

– А если спрашивает ваш лорд-отец?

– При тех доходах, что вы назвали, – ответила девушка рода Глории, – никаких шансов возместить ссуду меньше, чем за пять лет. Таким образом, милорд, вы покупаете уступку у соседа, но сами попадаете под влияние банкира, который станет помыкать вами при помощи кредита. Это нецелесообразно, милорд.

– Благодарю, можете идти, – кивнула леди Марта.

Девушки ушли, Итан пробормотал:

– В...печатляюще...

– Ваша леди-сестра после трех лет учебы ничем не будет уступать им, – заверила леди Марта Валерия. – Синие платья носят студентки четвертого года. Девушек разных кур-

сов мы одеваем в разные цвета и селим в разных корпусах. Они питаются в разное время, так же и молятся, и выходят на прогулки. Лишь несколько раз в год пересекаются друг с другом. Нехорошо, чтобы старшие студентки знакомились с младшими и давали какие-либо советы. После курса дипломатии девушки становятся хитры и склонны искать лазейки в нашей экзаменационной системе.

– Стало быть, леди Аланис, Иона и Глория почти не общались друг с другом?

– Леди Альмера и Северная Принцесса учились на одном курсе и сблизилась. Леди Аланис особенно преуспевала в управлении городами, леди Иона – в дипломатии и искусствах. Что же касается леди Глории, то она пришла к нам тремя годами позже и сталкивалась с Северной Принцессой пару раз, не более.

– А что представляет собой полный курс обучения?

– Первый год посвящается светским навыкам и дипломатии, второй – истории, географии и искусствам, третий – экономике и праву, четвертый – феодальной политике и основам военной стратегии. Курс управления поместьями, городами и землями проходит сквозь все четыре года обучения.

– В...военная стратегия?.. Вы шутите, миледи!

– Отнюдь. Война – главное дело жизни многих лордов. Плоха та жена, которая ничего не знает о жизни супруга.

– Н...но битвы, мечи, кровь... к...как можно впутывать

в это девушек?

– Вы не станете отрицать, милорд, что женщина способна размышлять? А война – это, прежде всего, работа ума. Мечи бойцов – только отзвук мысли полководца. Такие соображения высказал сам герцог Десмонд Ориджин, когда посетил нас три года назад.

Итан хмуро качал головой. Сказанное претило самому естеству его галантной натуры. Марк перевел беседу в другое русло:

– Как девушки успевают овладеть такой горой знаний?.. Всего-то за четыре года?

– Образование требует труда, – с оттенком гордости сообщила леди Марта. – Каждый день, кроме воскресенья, четыре часа отводятся на лекции, четыре – на практические занятия, три – на самостоятельную работу и чтение. Не менее часа в день посвящается спортивным играм и телесным упражнениям, полчаса – молитвам.

– Б...боги, когда же они спят?! – вырвалось у Итана.

– Шести часов сна в сутки вполне достаточно при правильном режиме. В ночь с субботы на воскресенье позволяется семь часов.

– М...моя сестричка не справится с этим!..

– Поверьте, милорд: вы ее недооцениваете. Это обычная ошибка отцов и старших братьев. Юная леди умней и выносливей, чем вы полагаете.

Итан вздохнул:

– Ах, если бы...

– Однако, милорд, – отметила леди Марта, – некоторая исходная подготовка потребуется от вашей леди-сестры, и будет проверена при поступлении. Беглое чтение и письмо, свободный счет в уме, общая география земель, начала этикета, геральдика Великих Домов – надеюсь, все это не составит трудностей для леди?

– М...моя малютка Джанин – умная девушка, но...

Ворон чуть не застонал. Леди Марта Валерия повела бровью:

– Разве вашу сестру зовут не Дженифер, милорд?

– Н...нет... то есть, да... – Итан смешался. – Я х...хотел сказать...

– Кто вы, господа? Зачем сюда прибыли?

Марк виновато развел руками:

– Простите нам этот маленький обман, милая леди Марта. Мы действительно прибыли из Фаунтерры, состоим на службе его величества...

– Это не вызывает сомнений: ваш акцент, одежда, форма шпажных эфесов. Но какова цель визита?

Из-за спин гостей раздался скрипучий женский голос:

– Я отвечу на ваш вопрос, Марта. Перед вами некто Ворон Короны – глава имперской тайной службы. С ним, полагаю, один из агентов протекции. Задача этих господ очевидна: шпионство и допросы.

Они обернулись. Обладательница скрипучего голоса со-

ответствовала всем представлениям о пансионных дамах: тощая, суровая, желтолица мегера лет шестидесяти от роду. Леди Теодора Азалия Берта – управительница пансиона, встречи с которой Марк всей душой надеялся избежать.

– Дорогая леди Теодора, я счастлив видеть вас в добром здравии! – Ворон отвесил ей поклон.

– Вам следует немедленно покинуть пансион, – отрезала управительница.

Леди Марта Валерия, кажется, не была согласна: ее лицо выражало живой интерес. Однако она предпочитала молчать.

– М...мы здесь по приказу императора, – сообщил Итан, – и в целях б...безопасности Короны...

– Пансион является феодальным субъектом, и, как таковой, находится под сеньоратом Дома Ориджин. Император желает учинить расследование? Пусть заявит об этом герцогу Эрвину. Лишь с позволения последнего вы сможете находиться здесь.

– Экая незадача... – обронил Марк. – Послушайте, миледи, давайте не будем заострять попусту. Наше расследование никак не касается пансиона. Вас ни в чем не подозревают, мы лишь собираем сведения об одной из ваших выпускниц...

– Тем хуже! – фыркнула Теодора. – Тайны девушек мы храним более свято, чем собственные. Покиньте нас, господа.

– Од...ну минуту, миледи, – взмолился Итан. – П...про-

шу, выслушайте! Ваша студентка, Глория Нортвуд, попала в беду! Она стала жертвой заговора, ее жизнь висит на волоске! Мы пытаемся спасти ее. Любые сведения, любое ваше слово может помочь! Н...не лишайте ее шанса!

– Глория Нортвуд?.. – удивилась леди Марта. – Как вы с нею связаны, сударь?

– Я... я... – Итан покраснел.

– Никакого значения, – бросила желтушная Теодора. – Уходите, или я попрошу охрану помочь вам.

Марк одарил управительницу милой улыбкой:

– Как на счет сделки, леди Теодора? Выгода вам – выгода мне. Вы же учите дамочек считать барыши.

Старуху буквально перекосило:

– Предлагаете мне взятку?!

– Да, миледи. Но очень особого свойства. Вам придется по нраву! Три часа в день – практические занятия, так? На четвертом году учебы преподают политику, да? Предлагаю уникальное занятие для студенток последнего года: политическая разведка. Как узнать всю подноготную в ходе приятной застольной беседы. Как допросить человека, чтобы он даже не заметил этого. Как сказать все – и не сказать ничего. Преподаватель – лучший мастер допросов во всей Империи, сам Ворон Короны. Что скажете, леди Теодора?

Старая карга нахмурилась – морщины на переносице превратились в черные рытвины.

– Подумайте вот о чем, миледи, – убеждал Марк, – по-

сле занятия каждая студентка напишет своим чертовски знатным родителям, что начальник тайной стражи по вашей просьбе провел занятие. Выйдет, что жуткая протекция, устрашающая великих лордов, для вас – нечто вроде гувернантки. Представьте славу, которая пойдет о пансионе!

Управительница покосилась на Марту Валерию, та сказала:

– Весьма полезное занятие. Звучит заманчиво, миледи. Девушки с радостью послушают...

– Не припомню, чтобы я тебя спрашивала, – скрипнула Теодора. Вперила взгляд в Марка: – Не сомневаюсь, у вас немалый опыт в данном вопросе. Но ваша хитрость не работает. Недопустимо, чтобы вы опрашивали девушек, даже в ходе учебного занятия.

– А что, если они допросят меня? – заявил Марк. – Я – свидетель, они – дознаватели. Они спрашивают, я отвечаю и показываю, как выкрутиться. В таком виде занятие устроит вас, миледи?

– Противоречит уставу. Преподаватель – мужчина...

– Иногда мужчины проводили у вас единичные занятия. К примеру, три года назад Десмонд Ориджин, будучи здесь, поделился мыслями о военном деле.

– Пф!.. – одним звуком леди Теодора выразила всю глубину пропасти между великим герцогом и Вороном Короны.

– Тем не менее, он – признанный мастер своего дела, а я – своего. С точки зрения науки, не вижу разницы.

– В чем ваша выгода? Что получите от этого занятия?

– Удовольствие, – улыбнулся Ворон. – Потом, леди Марта обещала обед, а вы пообещаете еще и ужин. Не сомневаюсь, харчи у вас превосходные! А если сама леди Марта составит нам компанию...

– Чушь какая-то.

– И еще...

– Что?

– Тему для допроса выберу я.

– То есть, – леди Теодора недоверчиво прищурилась, – вы хотите, чтобы девушки спрашивали вас о ком-то из выпускниц?

– Да, миледи.

– Зачем вам это?

– Люблю отвечать на вопросы, миледи. Особенно когда их задают юные девушки. Мое мужское самолюбие блаженствует!

– Фигляр... – бросила управительница и пошла прочь.

Леди Марта Валерия догнала ее:

– Прошу, миледи, позвольте мероприятие! Ведь это исключительная возможность. Настоящие агенты тайной стражи...

– Ты невнимательна! – оборвала Теодора. – Я уже дала позволение. Оповести студентов.

Девятнадцать молодых леди. Одинаковые синие платья с белыми манжетами и воротничками. Лица – как на подбор: здесь Агата и Софья, Люсия и Вивиан, Елена и Сюзен; здесь остроглазый Запад и смуглый Юг, скуластый Север и утонченная Фаунтерра, курносая Надежда, миниатюрный Дарквотер... Соцветье! Кой черт понес их в политику? Как додумались отцы взвалить на дочек всю мерзость государственной власти? Любились бы, плясали на балах, детей рожали. Да уж... Марк с удивлением замечает любопытство на лицах студенток. Четыре года Елены-у-Озера испортили девиц достаточно, чтобы методы протекции заинтересовали их! Бедняжки...

Ладно, дорогие мои. Желаете большой политики? Добро пожаловать!

Ворон Короны кашляет, прочищая горло, и говорит:

– Глория Нортвуд умерла.

Комната утихает, лица каменеют.

– Простите, милые дамы, я перепутал время. Будущее, а не прошлое. Глория Нортвуд умрет. Мы здесь для того, чтобы помешать этому событию. А теперь – прошлое: я обманул вашу управительницу, леди Теодору. Я солгал, будто намерен провести занятие. Но мое желание иное: спасти вашу бывшую сокурсницу. Простите меня.

Леди Марта Валерия, призванная наблюдать за занятием, в негодовании открывает рот. Ворон не дает ей вымолвить слова.

– Размышляете, как поступить? Позвать охрану, вышвырнуть меня прочь? Боги, какой скандал! Девятнадцать великих лордов узнают об этом! Запад и Юг, Фаунтерра и Надежда... Стыд! У меня имеется иное предложение. – Он обводит взглядом девушек в синих платьях. – Я обещал занятие? Давайте вместе превратим это в занятие. Три часа на то, чтобы раскрыть будущее убийство. Я обещал, что не стану допрашивать? И не стану. Вы ставите вопросы. Я даю ответы – те, которые знаю. Вы заполните пустоты своими знаниями. Вместе найдем убийцу.

Леди Марта Валерия поднимается:

– Мне нужно поговорить с управительницей...

– Прошу вас, миледи, не нужно! – восклицает утренняя агатовка – та, что решала задачку.

Девушка из первого ряда – западница – добавляет хрипловатым голосом:

– Позвольте ему, миледи. Нам любопытно.

– Да, просим вас, – вторит курносенькая Надежда.

Видимо, эти три девушки – инфанты весьма знатных родов. Марта Валерия в растерянности медлит.

– Присядьте, миледи, – просит Марк. – Едва начнется хоть что-то, по вашему мнению, неподобающее, вы взмахнете рукой, и мы умолкнем.

Леди Марта медленно кивает.

Западница спрашивает:

– Хотите сказать, вы прибыли из Фаунтерры сюда, за пятьсот миль, чтобы защитить Глорию Нортвуд?..

Марк качает головой:

– Ради надежды найти сведения, которые помогут защитить ее. Так будет точнее.

Он идет вдоль рядов, заглядывая в лица девушек, и неторопливо рассказывает:

– Факты таковы. Глория Сибил Дорина, дочь графини Нортвуд, училась с вами вместе три года. Этой зимой она почему-то покинула пансион и вернулась в Клык Медведя, откуда очень вскоре отправилась вместе с матерью в столицу. Там Глория сделала блестящую придворную карьеру, что, впрочем, мало относится к делу. Важнее то, что Глория занялась расследованием громких убийств наследников престола – вы, конечно, читали об этих злодеяниях.

– Заговор Айдена Альмера, – вставляет блондинка рода Софы.

– Он самый. Глория сумела обнаружить несколько очень ценных фактов. Заговор был раскрыт в значительной степени благодаря ее помощи.

Несколько девушек недоверчиво ухмыляются.

– Вы хотите о чем-то спросить, миледи? – Марк смотрит на них.

– Глория помогла раскрыть заговор, сударь? Вы не ошиб-

лись?

– Ни в коей мере.

– Как она это сделала? Случайно? Подслушала под дверью?..

Это говорит агатовка, ее соседки смеются.

– Путем логических размышлений вычислила мотив убийств и планы заговорщиков. Исходя из этого, смогла понять, кто виновник. Затем нашла против него доказательства.

– Логические размышления? Глория Нортвуд?..

Новые смешки. Западница спрашивает:

– Вам не показалось, сударь, что Глория немного... эээ... недостаточно прозорлива?

– Она показалась мне чертовски умной леди, – честно отвечает Марк.

Девушки озадаченно молчат.

– Что было дальше? – спрашивает ажурная леди из Дарквотера.

– Под конец расследования Глория тяжело заболела – печеночная хворь. Затем, если верить ее матери, пошла на поправку. Но едва здоровье стало возвращаться, как мать отослала Глорию в монастырь, где она и находится сейчас.

– Почему вы думаете, что ее убьют?

– Потому, милые леди, что монастырь – полумера. Хочешь надежно избавиться от человека – отправь на Звезду. А монастырь – не Звезда, оттуда возвращаются.

Долгая пауза.

Западница:

– Хотите сказать, вы подозреваете леди Сибил в покушении на свою дочь? Это абсурд, сударь. Она обожает Глорию. Медве... графиня часто приезжала к дочери, и мы видели, как они нежничали.

– Да... верно, – поддакивают другие.

– Не обязательно Медве... Сибил. Она злилась на дочку и отослала в обитель, но подбросить такую мысль мог кто-то другой. Есть минимум два человека, подозреваемых в связях с графиней: архиепископ Альмера и младший лорд Ориджин. Любой мог подкинуть графине мысль о монастыре. Также альтер графини Кларенс, но он был убит на дуэли еще в июне, так что альтер отпадает.

Западница:

– То есть, кто-то рассорил графиню с дочерью, убедил отправить Глорию в монастырь, а теперь намеревается убить? Почему было сразу не убить?

– На этот вопрос я не знаю ответа.

– А зачем вообще от нее избавляться? Заговор Айдена уже все равно раскрыт!

– Полагаю, затем, что заговор Айдена – не единственный. Злосчастный первый советник послужил ширмой другим интриганам, более изощренным. И их план сейчас набирает обороты.

– Почему вы так считаете?

– Это я оставлю при себе, миледи. Но скажу так: есть серьезные причины думать, что кое-кто сейчас манипулирует владыкой. А кто-то другой угрожает ему и ставит ультиматумы.

Блондинка-софиевка:

– Вы не очень-то откровенны, сударь! Кое-кто, кое-кто еще...

– Говорю, что могу, миледи.

– Как Глория связана с новым заговором?

– Не уверен в этом, но думаю так: она узнала что-то о заговорщиках, и те устранили ее.

Агатовка:

– Так может быть... что, если она уже мертва? Возможно, ее убили, а не сослали в обитель?

– Не думаю.

– Вы навещали ее в монастыре?

– Я не знаю названия монастыря.

– Тогда почему уверены?

– Глория написала записку подруге, Ребекке Литленд, перед отъездом в обитель.

– Покажите!

– У меня ее нет... Но написано хладнокровно, твердой рукой. Не думаю, что Глория писала под угрозой смерти.

– Глория? Хладнокровно?.. Вот уж жаль, что вы не сохранили записку! Мы бы посмотрели!

Несколько усмешек.

– Добавлю еще вот что, – говорит Марк. – Мне кажется очень странным, что мать забрала Глорию из пансиона после третьего года. Ведь самое вкусное, по меркам графини Сибил, преподают на четвертом курсе – феодальную политику.

– Ничего странного, сударь, – уверенно отвечает западница, и другие кивают. – Сибил хотела привезти дочь ко двору в год свадьбы владыки.

– Да, да, Глория так и говорила!.. – подтверждают многие. – Она и сама мечтала на адрианову свадьбу. Будто ей что-то светило!..

Смешки.

– Думаете, Сибил везла ее на свадьбу императора?.. Но тьма, зачем?.. – спрашивает Марк. – И почему отослала, не дождавшись свадьбы?..

– Нарушаете правила, сударь, – подмигивает ему ажурная Дарквотер. – Вы же не ставите вопросов.

– Да, простите...

– Вы сказали, – задумчиво клонит голову западница, – Глория болела во время заговора Айдена?

– Да, верно.

– А что, если она не болела? Может, ее пытались отравить?

– Точно!.. Яд – оружие заговорщиков! – восклицает блондинка, и агатовка добавляет:

– Хотели убить прежде, чем она раскроет Айдена!

Марк озадаченно чешет затылок:

– Очко в вашу пользу, милые леди. Я не думал о такой версии.

– Так подумайте!

– ...И не думал я потому, что болела Глория долго. Стало быть, травили регулярно, методично. Так часто могли подсыпать яд только самые близкие люди: Ребекка Литленд и... родная мать.

– Это не Сибил, – заявляет западница, но агатовка возражает:

– И не Лошадница. Зачем ей? Литленды не друзья Айдену Альмера, так зачем им его спасать?

– Хочешь сказать, матушка отравила свою дочь?

– Как будто такого никогда не случалось! Вспомни историю Династии!..

– Ну, хорошо, а скажи мне: зачем это Медведице? Она дружит с Галлардом Альмера – так сказал сударь. Галлард ненавидит Айдена. Дочка Медведицы отправляет Айдена на плаху. Матушка должна ее расцеловать, а не травить!

– Послушайте, сударь... – вмешивается девушка из Дарквотера. – Леди Сибил любит охрану, всюду ездит с рыцарями. Значит, и к дочке она приставила стражника. Что, если кто-то подкупил его?.. И не графиня, а стражник подсыпал девушке яд в вино?

– В кофе... – машинально поправляет Марк.

– Кофе? Глория не пьет кофе. Говорит: горькая южная дрянь.

– У меня другие сведения... – хмурится Марк. – Ладно, неважно. Подкупили стражника? Хорошая мысль. Тем более хорошая, что, по моим данным, леди Сибил убрала одного своего стражника вскоре после отъезда дочери.

– Вот видите, сударь. Тогда выходит, графиня не убивала дочь, а спасала! Она узнала, что кто-то травит Глорию. Расправилась с охранником, а саму Глорию отослала в монастырь, чтобы защитить.

– Прекрасно мыслите, миледи, – кивает Марк. – Просто великолепно! Благодарствую.

– Всегда к вашим услугам, – кокетливо мурлычет Дарквотер.

Западница, утратившая первенство, ревниво бросает:

– Ах, ты так проникательна! Тогда скажи: кто подкупил стражника? Айден Альмера? А как он узнал, что Глория под него копает? Галлард Альмера? Но зачем ему спасти брата от петли? Он же его ненавидит!

– Сударь еще упоминал молодого Ориджина...

Несколько девушек напряженно притихают. Чертов Север! К семейству Ориджин здесь какое-то болезненно трепетное отношение.

– Лорд Эрвин все лето был в Запределье, – отрезает путь агатовка. – Это всякий знает.

– Да, да... Точно, ты права!

– Тогда кто?

– Действительно, кто?

– Сударь, кто еще под подозрением?

Марк чешет затылок. Еще под подозрением – Минерва Стагфорт, нареченная невеста императора. И она прибыла в столицу как раз тогда, когда Глория начала болеть. Но не говорить же этим языкатым ядовитым змейкам, что обвиняешь в убийстве будущую императрицу!

А с другой стороны, почему нет? Владыка приговорил тебя к смерти за измену – неужели вылетело из памяти? Что теперь терять-то?..

Он открывает рот, чтобы продолжить, но вдруг девица из Дарквотера говорит:

– А стоит ли копать дальше, сударь?.. Вы хотели спасти Глорию. Теперь знаете, что она вне опасности: матушка спрятала ее. Зачем тревожить осиное гнездо?

– Нужно найти убийцу! – строго заявляет западница.

– По мне, – отвечает Дарквотер, – главное – защитить невинных. Понимаете, сударь, Глория – хорошая девушка, хотя и недалекая. Она тщеславна и заносчива, и... как бы это сказать... немного пуста. Но зла в ней нет! Не стоит копать дальше и подвергать ее риску.

– А как же заговор? Пусть себе идет, как идет?! – возмущается западница, но вскоре замечает, что осталась в меньшинстве.

Агатовка соглашается с девчонкой из Дарквотера, а затем и блондинка-софиевка, и курносая из Надежды, и другие.

– Сударь, оставьте Глорию в покое. Не навлекайте опас-

ность, ищите заговорщиков другими путями.

Марк улыбается:

– Я рад, милые леди, что с вами не все потеряно.

– Простите, сударь?..

– Да так, мысли вслух... – но вдруг он спохватывается: –

Вы сказали, Глория – недалекая девушка?

– Ну, этого не скажешь сразу, она умеет изображать... – говорит агатовка.

– Жеманная пустышка! – бросает блондинка.

– Зато добрая и веселая, – возражает Дарквотер.

– Танцы и скачки – в этом Глория хороша, – заявляет западница. – Но в стратемы проиграла бы и кошке!

Леди Марта Валерия поднимает руку:

– Довольно сплетен. Это неуместно.

И очень вовремя – предваряемая дверным скрипом, в зал входит управительница пансиона.

– Что у нас происходит? Как идет занятие?

– Ответьте управительнице, милые леди, – просит Марк и украдкой подмигивает девушке из Дарквотера.

– Сударь Марк преподавал нам прекрасный урок имперского права, миледи.

– Права?.. В планах было иное!

– Мы сами попросили его, миледи. И восхищены результатами.

Она поднимается и кланяется Ворону:

– Благодарю вас, сударь, за то, что вы делаете.

Марк отвечает с самодовольной ухмылкой:

– Не стоит благодарности, милые леди. Обычная работа протекции, и только.

Его мысли уже витают очень далеко.

* * *

Харчи, как и предполагал Марк, оказались выше всяких похвал, а малая трапезная в гостевом доме – уютна и опрятна. Горел камин – не ради тепла, но во имя эстетики. Искровые фонарики были стилизованы под канделябры со свечами и вполне годились на символ всего пансиона: прогрессивная суть, упакованная в старомодную форму.

Правда, ни леди Марта Валерия, ни кто-либо иной не составили компанию мужчинам. Это противоречило правилам. У девушек возникло множество вопросов к Марку, и он добрые полчаса грелся в лучах внимания... но потом время занятия вышло, и мужчин выпроводили в гостевой дом. Ужинали они в одиночестве, если не считать расторопной служанки.

Зато уединение позволило обсудить новые сведения.

– Что думаешь? – спросил Марк, и секретарь с готовностью отозвался:

– Было красиво! В...вы хороши.

Надо заметить, что секретарь во все время «занятия» сидел очень тихо, и даже чуть сжавшись в размерах. До того,

как Марк увлек внимание девушек расследованием, несколько студенток рассматривали Итана с беззастенчивым любопытством. Желая стать невидимым, Итан уткнулся в тетрадь и принялся делать заметки, то и дело слюнявя карандаш. Девушки утратили к нему всякий интерес.

Теперь Марк надеялся, что в тетради Итана осталось записанным нечто ценное.

– Благодарю, конечно... Но как на счет мыслей, относящихся к делу?

– Б... боюсь, мы все еще не знаем, кто травил леди Глорию.

– Не знаем?.. – Ворон выглядел удивленно. – Хочешь сказать, ты не знаешь?..

– П... простите... видимо, я упустил что-то важное.

– Это уж точно!

– Так к...кто же покушался на леди Глорию?..

– Никто.

Итан потер лоб, задумался.

– А м...мне версия с ядом показалась хорошей. Ведь я б... был с нею вместе в госпитале и не подхватил никакой хвори. И В...ванден исчез. Вполне возможно, что он добавлял отраву в кофе...

– Да уж конечно! Никаких сомнений, что добавлял! Но не Глории же.

– П...простите?..

Марк изобразил самую насмешливую мину из своего богатого арсенала насмешливых мин.

– Приятель, ты и вправду пропустил все самое важное! Оно, конечно, простительно: двадцать барышень в одной комнате, все смотрят, некоторые даже на тебя... немудрено растеряться. Даю подсказку: как тебе понравилось их описание леди Глории?

– Л...леди Глория не играет в стратемы, не пьет кофе и обожает танцы. А сокурсницы считают ее жеманной пустышкой. Очень странно!

– Точно.

– М...может быть, девушки подшутили над нами?

– Подумай еще.

– Пытались очернить Глорию? Скажем, из зависти...

– Они ей не завидуют. Они считают Глорию настолько глупой, что даже питают симпатию. Их коллектив многое потерял с ее отъездом: не над кем стало возвышаться.

– Но как иначе объяснить расхождение? Леди Г...лория глупа? Леди Глория не любит кофе?! Ее что, подменили по пути в столицу?

Ворон Короны подмигнул:

– Идем-ка, я покажу тебе фокус.

Служанка как раз внесла десерт, и Марк обратился к ней:

– Милейшая, мы слышали, в пансионе есть некий зал славы...

– О, да, сударь. Леди Теодора заказывает портреты всех студенток из Великих Домов. Их собралось уже больше двухсот!

– Мы можем увидеть их?

– Конечно, сударь. Они здесь, в гостевом доме.

Служанка клацнула рычажком, и зал осветился. Портретов действительно было несколько сотен: больших и малых, овальных и прямоугольных, ярких и выцветших с годами. Некоторые были формально строги; другие, написанные мастерской рукой, передавали чувство, отблеск души. Галереи Фаунтерры позавидовали бы коллекции, собранной в этом зале. Итан вертел головой и восторженно вздыхал. Марк, равнодушный к живописи, прошел в конец зала, где располагались самые новые работы. Вот покойная императрица-мать. Вот набившие оскомину внучки Агаты – Иона и Аланис. А вот...

– Иди-ка сюда, приятель, – позвал Марк. Итан подошел, проследил взгляд начальника, сразу узнал лицо.

– Нареченная невеста? М... Минерва Стагфорт? Разве она училась здесь?

Вместо ответа Ворон щелкнул по табличке на раме: «Глория Сибил Дорина р. Сьюзен, инф. Нортвуд, 1772».

– Это не она... – обронил Итан. – Ошибка, видимо...

– О, нет! – широко улыбнулся Марк. – Отнюдь не ошибка! Настолько не ошибка, что жуть берет!

Он ухватил служанку за руку и подвел к портрету:

– Умеете читать?

– Нет, сударь.

– Прекрасно! Скажите: кто это?

– Глория, дочь графини Нортвуд. Я хорошо ее помню, сударь. Непоседливая была девочка.

– Благодарю, ступайте. Мы еще полюбujemyся немного.

Итан с трудом дождался момента, когда двери закрылись за служанкой.

– Холодная тьма!.. Сибил подменила девушек!

– Да, друг мой. Настолько очевидный обман, что никто даже не заподозрил! Медведица посадила на трон собственную дочку, а настоящую Минерву упрятала в монастырь. Это объясняет абсолютно все, даже неоконченный курс в пансионе. Глория должна была прибыть в Фаунтерру раньше сокурсниц – ведь они узнали бы ее в лицо. И отравление, и монастырь... Боги! Та, кого мы считали дочкой Медведицы, на деле ей даже не родня! У Сибил ни один мускул не дрогнул, когда приказала дать ей отраву!

– Она... лгала мне?.. – пробормотал Итан.

– Минерва? Конечно! Не только тебе, а и мне, и самому императору, да так искусно, что никто не уличил ее. Род Янмэй, как никак.

Марк рассмеялся.

– Воистину: хочешь что-то спрятать – положи на виду! А я-то все удивлялся, кого она мне напоминала, с ее абсурдным юмором, чертовой догадливостью, ямочками на щеках... Владыку Адриана, вот кого! Своего троюродного дядю!

– Она... – выдавил секретарь, – тоже в стоворе?.. Глория... то есть, Минерва – она виновна?

– Уверен, что нет. Иначе...

Стук двери заставил их обернуться. Стремительными шагами леди Марта Валерия пересекла зал. Ворон двинулся ей навстречу.

– Простите, леди Марта. Я обманул вас и...

Она прервала на полуслове:

– Уезжайте. Чем быстрее, тем лучше.

– В ч...чем беда? – спросил Итан. – Что случится?

– Сейчас. Немедля. Не оставайтесь на ночь.

– Мы отпустили бричку... – сказал Марк.

– У нас своя конюшня. Я дам лошадей. Берите вещи, ждите в нижнем дворе.

– Вам попадет за это...

– Не слышите, что говорю? – голос Марты Валерии обрел твердость железа. – Убирайтесь прочь. Бегите.

– Благодарю вас, – Марк сжал ее ладонь.

– Да, – кивнула Марта Валерия и выдернула руку.

Во двор она не вышла. Конюх вывел оседланных лошадей и попросил Марка оставить их на пограничной станции. Он спросил о леди Марте. Конюх развел руками:

– Велела только оседлать коней... Больше ничего не сказала.

Стражники в белом равнодушно прохаживались мимо. У

них не было приказа задержать гостей. Леди Теодора не собиралась пачкать собственные руки.

Итан и Марк выехали на ночную дорогу.

– Счастливого пути, – крикнул стражник вслед.

Когда удалились ярдов на триста, Марк сказал:

– Отправимся в Эльфорт. Там есть имперская голубятня. Как можно скорее пошлем письмо владыке. Он должен узнать обо всем до заседания Палаты. Правда, он не поверит на слово... но сможет допросить Медведицу и Глорию, в крайнем случае, отправит людей сюда, в пансион...

– Есть верный способ доказать владыке, – сказал Итан. – Пусть его величество поговорит с М...инервой.

– Той самой, которая неведомо где?..

– Я знаю, где она, – просто сказал секретарь.

Марк обалдел.

– Ты знаешь?.. Как? Откуда?..

– Р...ребекка Литленд. Глория... то есть, Минерва оставила ей записку, там содержался шифр. Ребекка смогла понять смысл: северянка в монастыре Ульяны Печальной на западе Альмеры.

– И вы с Лошадницей не полетели напрямик туда?! Как это вы сдержались?!

– Бекку удержал отец... Она п...попросила эскорт, отец понял, что к чему, и посадил дочь под замок.

– А ты?..

– Я понял, что вы были правы. Т...только по приказу им-

ператора можно забрать девушку из монастыря, никак иначе. С...следовало убедить его величество, а не мчаться самому.

– Ты повзрослел на десять лет, – сказал Марк. – По крайней мере, в моих глазах.

Совсем стемнело. К счастью, в небе стояла луна и давала возможность разглядеть дорогу. Пахло травами и росой. Трещали сверчки – точно так же, как в Землях Короны. Даже странно: суровые северные сверчки ничем не отличались от южных...

– Того, что у нас есть, – сказал Марк, – хватит на счастливый билет до Фаунтерры. Хотя бы один – для тебя.

– Как это понимать?

– Ты пошлешь письмо из Эльфорта, а затем помчишься в столицу и лично доложишь обо всем владыке. За это он восстановит тебя в должности и правах.

– А вы?..

– У меня есть приказ императора. Никакие открытия не отменяют его.

– Чиф... в Первой Зиме вас убьют. Искалечат в п...пыточной камере, а потом убьют.

– По слухам, Эрвин Ориджин – человек милейшей души... Думаю, он просто снесет мне башку.

– Не едите туда. Я п...прошу, не едите! Зачем погибать зря? Вы все равно не выполните приказ. В...вам не дадут!

– Кто знает...

– Лучше спрячьтесь где-нибудь и подождите! Когда провалится интрига М...медведицы, император простит вас! Может, и мятеж Эрвина – всего лишь часть сговора северян. Рухнут планы графини – проиграет и Эрвин. Тогда вы будете оправданы, вернетесь в Фаунтерру!

– Ага... – рассеянно обронил Марк.

Они успели отъехать мили на четыре. Пожалуй, это было глупо – скакать по дороге, а не напрямик через луга. Марк думал, что предупреждение Марты Валерии даст им целую ночь форы. Он ошибся.

В белесом свете луны из-за холма вывернул конный отряд и перерезал путь. Командир подъехал к Марку. Черно-красный плащ на плечах воина не оставлял сомнений в том, кому он служит и какой титул носит.

– Господа, следуйте за нами. Вас ждут в Первой Зиме.

Итан непроизвольно потянулся к шпаге. Кайр только приподнял бровь: ты серьезно, мальчик?

– Первая Зима?... – воскликнул Марк. – Прекрасно! Мы как раз туда и собирались. Составите компанию?

Стрела

6 сентября 1774 г. от Сошествия

Первая Зима

Сегодня – только плохие новости. Эрвин чувствовал это еще до того, как Джеймс Лиллидей вошел с докладом. День такой, солнце светит иначе.

– Милорд, войска Уайта и Флеминга все еще не прибыли. Разведчики горной стражи обнаружили их. Уайт и Флеминг стоят лагерем в долине Слепых Дев. Не двигаются. Численность – три батальона.

Выявить предателей за обеденным столом, тихо и без крови избавиться от них – хорош был план... Только двух главных изменников за тем столом не оказалось.

– Вы же понимаете, что это значит, милорд?.. – уточнил Джеймс.

Эрвин кивнул:

– Теперь у меня на три батальона меньше.

– Хуже. Понадобятся еще четыре батальона, чтобы уничтожить это войско. Иначе они переметнутся к Адриану.

Уайт и Флеминг – лорды северных портов. Им подвластны три четверти герцогского флота и большн тысячи кайров. Потерять седьмую часть армии и почти весь флот еще до начала войны... Благодарю тебя покорно, Светлая Агата!..

– Почему они перешли к Слепым Девам, а не остались в своих замках?

– Надеются ударить по Первой Зиме, когда мы выступим в поход, – ответил Джемис.

– Тогда они слишком явно выдают свои планы. Глупо... неправдоподобно. Есть другая версия: они шли к нам, согласно приказу, но в дороге получили известие. Кто-то рассказал им о письме, которое я направил Адриану. Они решили, что не хотят служить сумасшедшему. Думают, как поступить. Пока думают, стоят.

– Может, и так, милорд... Что это меняет?

– Ничего... Или что-то. Их лагерь укреплен?

– Нет, милорд. Но долина...

Конечно. Долина Слепых Дев – сама по себе укрепление. Есть только две дороги, ведущие в нее. Обе узки, петляют меж нависающих над ними утесов. В таком месте сотня воинов может сдерживать тысячу.

– Попробуем сделать ставку, – сказал Эрвин. – Флеминг с Уайтом не укрепляются и не отступают в родные земли – значит, колеблются. Есть сомнения – есть надежда. Иона, ты ведь хорошо знаешь этих людей?

Сестра лишь пожала плечами. Еще бы ей не знать: оба множество раз гостили в Первой Зиме. Уайт держал на коленках маленькую принцессу, Флеминг подарил ей пони...

– Кто?

Сестра прикрыла глаза.

– Не верь Уайту...

– Согласен. Джемис, сколько займет путь к долине Дев самым быстрым маршем?

– Двое суток, милорд.

– А точнее?

– Сорок часов, если на пределе.

– Отправьте сообщение в долину: «Милорд Флеминг, сорок два часа».

– Это все?

– Вполне достаточно. И предупредите вашего отца: мне скоро могут понадобиться его батальоны. Пусть будет готов выступить к Слепым Девам на третьи сутки.

– Да, милорд.

– Еще известия? – спросил Эрвин, наверняка зная ответа.

Джемис хмуро кивнул.

– Мы получили письмо из Бледного Луга – это на околицах Фаунтерры. В столице тайная стража арестовала наших лордов-представителей и их слуг. Одному адъютанту удалось бежать. Он выбрался из столицы и послал донесение. Корона разорвала отношения с Домом Ориджин.

– Следовало ожидать, – кивнул Эрвин.

– Этим не исчерпывается. Протекция конфисковала наши голубятни в Земле Короны. Почта, идущая на Север, досматривается агентами. Мы получаем лишь те сообщения, которые хочет Адриан.

– Иными словами, мы слепнем и глохнем... Земля Коро-

ны – белое пятно на наших картах.

– Да, милорд. Но одно известие имперская почта все же доставила. Валери Грейсенд – вы знаете такую девицу?

Эрвин кивнул.

– Адриан отдал ей в мужа своего первого полководца – Серебряного Лиса. А в качестве свадебного подарка разрешил Грейсендам и Лабелину использовать порты Веселых островов.

– Южный Путь повенчался с Коронай... – сказала сестра. – И никаких надежд, что он встанет на нашу сторону.

Джемис одарил ее снисходительным взглядом:

– О чем вы, миледи? Никаких надежд и не было! Южный Путь ненавидит нас, как...

Эрвин оборвал его:

– Ненавидит и боится. Иона права: мы могли запугать Лабелина и убедить остаться в стороне. Теперь это невозможно. Южный Путь будет сражаться за императора.

Иона глянула на кайра с явным торжеством, Эрвин не смог сдержать улыбку. Джемис проворчал не без язвительности:

– Уверен, миледи, вы уже разглядели все тактическое значение события, и легко поясните милорду без моих подсказок.

– Вы о рельсовой дороге, Джемис?.. – невинно полюбопытствовала Иона. – Нет, что вы, я даже не думала...

– Хватит, – отрезал Эрвин. – Да, Лабелин предоставит Ад-

риану рельсы, искровую силу и все свои составы. Адриан за неделю перебросит армию прямо в центр Южного Пути, а оттуда еще за неделю дойдет до Близняшек. Это значит, что к концу месяца он может вступить в Ориджин. И, дорогие мои, это – единственное на данный момент радостное известие.

– Радостное?.. – в один голос удивились Иона и Джемис.

– Содержание войска стоит нам кучу денег! Если война будет затягиваться, мы разоримся и лишимся провианта, а затем – и самой армии.

– О...

Об этом они не думали. Никто в Первой Зиме не думает о деньгах! И как этот город простоял пятнадцать веков?..

Джемис сказал, что с новостями покончено. Эрвин вздохнул с облегчением и велел вызвать казначея, а следом – полковников. Прежде, чем кайр удалился, в комнату вторгся Деймон – кузен герцога.

Если предположить, что в детстве у Эрвина имелись друзья, то в первую очередь следовало бы назвать именно Деймона. Эрвин был болезнен и замкнут, Деймон – вспыльчив, здоров и драчлив. Но кое-что роднило их: оба считали себя белыми воронами, от чего страдали. Эрвин был слишком добросердечен для северянина, Деймон – слишком красив. Агатовские черты воплотились в нем со всем великолепием: выразительные губы, резко очерченные волевые скулы, глубокие темные глаза и – самое скверное! – солнечные, свет-

ло-золотистые волосы. Деймон ненавидел их всей душою. Воину Севера не к лицу девчачьи кудри! Из-за них Деймона называли и Смазливым, и Красавчиком, и Симпатяжкой, и даже – стыдно сказать – Золотым Эфесом. Он боролся, как мог. Месяцами не мыл голову, чтобы волосы потемнели; носил дешевый мундир с непременною парой пятен; нарывался на поединки в надежде получить шрам на лице... И все равно оставался Симпатяжкой.

Незаурядную свою внешность Деймон винил во всех бедах. Так и не получил под командование батальон – конечно, потому, что был слишком смазливым. Кому нужна такая куколка во главе войска!.. В сердечных делах не везет – опять же, из-за красоты. Чересчур много девушек упадают за Деймоном, потому и невозможно выбрать. Когда лавина смела его родовое имение – в этом снова-таки провинилась внешность: сама Светлая Агата щелкнула Деймона по носу, дабы не зазнавался...

Надо заметить, Деймон был весьма удалым воином: соображал быстро, бился ловко, умел вдохновить людей, знал толк в тактике. И, несмотря на все достоинства, командовал всего лишь ротой в гарнизоне Первой Зимы. Вот до чего довела красота! Однажды Роберт попытался объяснить ему: внешность, мол, совершенно ни при чем. Ты, брат, слишком вспыльчив; на тебя горный орел посмотрит косо – ты и за ним погонишься с мечом. Деймон выслушал, поскольку уважал брата, но остался при своем мнении: проклятые волосы

всему виной! Впрочем, к очевидному крайнему средству – побриться наголо – так и не прибег. Быть лысым болваном – еще хуже, чем красавчиком...

Деймон вихрем влетел в кабинет герцога и бросил на стол два раскрытых конверта.

– Кузен... кузина... кайр... – вместо приветствия он ответил три быстрых кивка. – Поглядите на это! Один – из Алеридана, от нашего посла. Второй – от самого императора.

– Что случилось?!

– Говоришь, кузен: Предметы в Запределье? Какое там Запределье! Злодей больше не прячется! Прочти.

Эрвин прочел. За ним – Иона и Джемис. Дыхание сестры сбилось, кайр изрыгнул проклятье, кузен мерил шагами комнату, будто леопард в клетке. Эрвин сжал пальцами виски и думал.

Итак, Адриан нанес первый удар. Одним махом перечеркнул Эрвинову хитрость и оказался на голову выше. Провокация провалилась. Что дальше?..

Герцог поднялся:

– Идем, сестра.

* * *

Спальня лорда Десмонда Ориджина была разрублена надвое светом и тенью. Направленные фонари выхватывали из сумрака гостевое кресло и столик со снадобьями, и углова-

тый подвес с раскрытой книгой, похожий на паучью лапу. Кровать тонула в глубокой тени, лежащий человек выглядел темной, едва различимой скульптурой. Великий лорд Десмонд не желал, чтобы его видели, и Эрвин не видел... но и без того знал, как обстоит дело. Болезнь развивалась. Кожа отца стала грубой и серой, как булыжник мостовой. Подвижность сохранили только пальцы, язык и глаза. Чтобы лорд мог жевать, лекари втирали ему в скулы смягчающее средство, а чтобы не задохнулся, тем же зельем обрабатывали грудь. Средство содержало щелок. Оно не убивало болезнь, а постепенно растворяло кожу. Рано или поздно случится одно из двух: или кожа отвердеет настолько, что остановит дыхание, или зелье проест ее насквозь, и человек умрет от потери крови.

– Н-ну?.. – рыкнул отец.

– Десмонду неприятно, что ты смотришь, – пояснила герцогиня София. Она была здесь в качестве переводчика: лучше всех в замке мать умела различать скрипящий шепот, издаваемый отцом.

– Милорд, я пришел за советом, – сказал Эрвин. – Сегодня мы получили два письма. Вот первое.

Он развернул лист и вставил в крепление перед глазами отца. Лорду будет приятно прочесть самому. Чтение – единственное дело, с которым он справляется самостоятельно.

В письме говорилось об Эвергарде. Адриановы убийцы, вооруженные Перстами Вильгельма, за один час сокруши-

ли цитадель герцога Альмера, безжалостно уничтожили гарнизон и исчезли без следа. На рассвете в замок подоспели воины архиепископа Галларда и обнаружили пепелище, заваленное трупами. В одном из них удалось узнать Айдена Альмера. На голову мертвого герцога убийцы надели шутовской колпак. Леди Аланис Альмера и лорд Альфред Альмера были заживо сожжены оружием врага. В живых осталась горстка воинов гарнизона, пара десятков слуг и юный лорд Альберт. Архиепископ объявил себя опекуном племянника и регентом-правителем Альмеры.

– Боги, какой ужас!.. Зверство!.. – мать прижала к груди ладони. – Бедняжка Аланис!..

Отец скрипнул:

– Другое?..

Эрвин укрепил перед ним второй лист. То было послание от императора, адресованное всем Великим Домам Полари.

«Интриги и козни, творимые феодалными семействами, переполнили чашу терпения. Дома, что смеют называть себя Великими, ставят свои интересы выше блага народа и будущности государства. Они не признают ни верховенства закона, ни власти Короны, ни долга верности. Сила – единственный аргумент, доступный пониманию лордов. Да будет же явлена сила!»

Я, Адриан Ингрид Элизабет, сказал свое слово. Оно прозвучало в Эвергарде, и будет повторено для всякого, кто, по-

добно Айдену Альмера, пойдет путем обмана и интриг.

Дабы положить конец хаосу феодального своеволия, я объявляю себя единственным и абсолютным правителем Империи Полари. Я упраздняю Палату Представителей и требую отныне полного подчинения всех лордов Полари моей воле.»

Отец и мать молчали несколько минут. Ход Адриана был столь же прост, сколь и силен. Один взмах меча – ответ на все вопросы.

Адриан всегда грезил абсолютной властью. Преодолеть сопротивление Домов, подчинить их воле Фаунтерры, сковать разномастный Поларис одной сетью дорог, одним законом, одним правящим словом. Казалось, путь к этой мечте займет долгие годы. Казалось, предстоят трудные дебаты в Палате, непопулярные реформы, шаткие союзы, дорого купленная поддержка народа, противодействие лордов и Церкви, постоянная угроза заговоров... Но Адриан не стал играть, а просто грохнул кулаком по полю.

Отец выхаркнул несколько слов. Мать перевела:

– Лорды не рискнут протестовать. Адриан станет абсолютным монархом.

– Да, милорд. Он в шаге от своей мечты. Вместо долгих лет дебатов – один сожженный замок. Всего и понадобилось – нарушить закон Праотцов.

Эрвин глубоко вздохнул.

– Кроме того, Адриан предугадал мои планы. Я хотел спровоцировать атаку на Первую Зиму – император выбрал более легкую цель. Я надеялся объединить против него Великие Дома – больше такой надежды нет. Все, кто труслив и хочет выжить любой ценой, теперь подожмут хвосты и прибегут к Адриану на поклон.

– Трусов большинство, – скрипнул Десмонд.

– Да, милорд. Адриан требует подчиниться силе, и его сила – больше нашей. Каждый день кто-то будет становиться на его сторону, и чем больше у него окажется союзников, тем меньше будут колебаться остальные. Полагаю, нам осталось около трех месяцев. К зиме все лорды Полари присягнут на верность всемогущему правителю. Мы останемся одни против целого мира.

Даже в тени было заметно, как побелело лицо герцогини. Отец выдохнул одну букву:

– И?..

– Милорд, в течение осени мы должны сокрушить имперские войска и свергнуть Адриана. Хочу посоветоваться о том, как это сделать.

– Никак, – после паузы сказал лорд Десмонд.

– Нет, милорд. Я не приму такого ответа, – отрезал Эрвин. – Я буду говорить. Вы – слушайте и отвечайте. Мысль первая: самым быстрым маршем идем на Фаунтерру. Пробиваем насквозь Южный Путь, сметаем силы герцога Лабелина. Вторгаемся в Земли Короны прежде, чем Адриан со-

средоточит силы. Его армия поделена на два крыла: восемь полков у Алексиса Смайла, семь – у Дейви. Против каждого крыла в отдельности мы имеем шансы на победу.

– Нет, – сказал отец.

– Вы правы, – сказал Эрвин. – Я сам предупредил Адриана. Он встретит нас соединенными силами, а не разрозненными. К тому же, благодаря рельсам, он может перебросить войско в Лабелин всего за неделю. Там он нас и встретит: пятнадцать искировых полков плюс пять тысяч рыцарей Лабелина, плюс пехота Южного Пути – тысяч сорок. Сокрушительный перевес – даже без Перстов Вильгельма.

– Да, – шепнул отец.

– Вторая идея. Вторгаемся в Южный Путь и идем на восток, к побережью. Захватываем порт Уиндли и весь флот, который там будет. Перебрасываем войско морем в тыл Адриану. Когда имперская пехота выступит на Север, настигаем на марше и бьем в спину.

– Нет.

– Конечно, нет, милорд. В Уиндли не базируется военный флот, лишь торговые суда. Нас перехватят у Веселых островов и потопят. Или Лабелин догадается попросту сжечь корабли прежде, чем мы их захватим.

Сестра следила за разговором, затаив дыхание, словно за рыцарским поединком. Шепнула едва слышно:

– Третья идея?..

– Есть и третья. Идем через Нортвуд и Шейланд. Дого-

вариваемся с Нортвудами... если не выйдет – сметаем их. Вступаем в Шейланд через Предлесье. Речным флотом перебрасываем войско к Дымной Дали и через нее – на юг, в Альмеру. Присоединяем вассалов герцога Айдена с их войсками – они должны быть очень злы на Адриана. Совокупными силами идем на Фаунтерру с запада. В то же время один или два наших батальона подступают к Лабелину и планомерно жгут города, чтобы выманить Адриана на север. Едва он покинет столицу, как получит неожиданный удар во фланг из Альмеры.

В этот раз отец задумался на какое-то время.

– Нет, – сказал он после паузы.

– Не хватит времени?

– Да.

– Две недели чтобы пройти Нортвуд, две недели вверх по Торрею на веслах, шесть дней через Дымную Даль, и две недели в Альмере... Да, милорд. За это время Адриан возьмет Первую Зиму.

– Четыре, – сказала сестра. – Мы можем найти союзников. Надежда и Литленд, Южный Путь и Шиммери встанут, конечно, на сторону императора... Но нортвудцы и западники любят свободу, не отдадут ее без боя – даже Адриану. А рыцари Альмеры захотят отомстить за Аланис.

Отец проскрежетал:

– Нет.

– Согласен, милорд, – с горечью бросил Эрвин. – Никто не

встанет на заведомо проигрышную сторону. Чтобы за нами пошли, мы должны доказать свою силу: выиграть хоть один бой против войск Адриана. А он не даст нам этого сделать. Он превосходит и числом, и скоростью, и мощностью оружия.

– Да.

– И ждать в Первой Зиме, конечно, тоже нет смысла? Когда за нами придут, их будет столько, что не выстоят никакие стены.

– Да, – подтвердил лорд Десмонд.

– Что ж... благодарю за совет, милорд. Теперь я знаю, какими путями не стоит идти.

Он направился к выходу, Иона двинулась следом. Отец шепнул что-то, и мать перевела:

– Не сдавайся, Эрвин.

Сын обернулся со злой усмешкой на губах:

– И не думал.

* * *

– Хочешь спросить, что мы будем делать?

– Хочу, – сказала сестра. – Но боюсь обнаружить, что ты не знаешь ответа.

– Никогда не давай им почувствовать, будто ты чего-то не знаешь, или сомневаешься, или боишься. Не дай им понять, что ты – такой же человек...

– Чьи это слова?

– Отца. Не бери в голову. Просто воспоминание... – Эрвин подмигнул. – Что будем делать? Ну, для начала напишем письмо.

– Адриану?

– И ему тоже. Всем. Император обратился к лордам – мы последуем примеру. Мы предложим Адриану добровольно отречься от престола в пользу законного наследника, а всем, кто не желает склонять головы перед тираном, – встать на нашу сторону. Мы предложим собрать Палату здесь, в Первой Зиме, и общим голосованием лордов низложить Адриана.

Он помедлил, размышляя.

– Но это должно быть особое письмо... Не ультиматум, не угроза, привычная Северу... Адриан апеллирует к страху, и у него это прекрасно получается. Значит, мы будем вызывать к иным чувствам. К гордости, чести, справедливости, жажде свободы, благородству. Первая Зима привыкла говорить языком железа и огня... в этот раз будет иначе. Хочу, чтобы в нашем обращении звучал свет, надежда и вера. Пусть в нем читается избавление от страха, который посеял Адриан. Пусть это будет письмо с душой. Лучше всех его напишешь ты.

– Я?..

– Конечно, сестра. Во мне слишком много политики, интриг, властолюбия – всей этой феодальной дряни... Мое письмо будет смердеть дешевым пафосом или манипуляцией, или тем и другим вместе. А я хочу, чтобы оно было ис-

кренним.

– Ты чернишь себя, братец. Я не слышу ни пафоса, ни дряни... – Сестра решительно кивнула. – Но, конечно, я напишу!

– Хочешь спросить, поможет ли это? – предположил Эрвин.

– Да.

– Нет. Самое лучшее обращение даст нам при удаче один Великий Дом из двенадцати. А при совсем невероятном везении – два. Палата ни за что не соберется, мы просто получим союзника. Чтобы добиться большего, нужна громкая победа.

– И... и что мы станем делать?

Он покачал головой:

– Мы с отцом перебрали все разумные стратегии – как видишь, они ведут к гибели. Значит, есть лишь один путь: действовать неразумно. Абсурдно, глупо. Как ни один опытный полководец, вроде нашего отца или Серебряного Лиса, ни за что не поступил бы!

Иона вдруг рассмеялась:

– Извини, милый братец, я уверена: вот это у тебя прекрасно получится!

– Укушу, – пригрозил Эрвин и попытался засмеяться в ответ.

В зимний сад, где секретничали брат и сестра, вбежала большая серая овчарка. С разгону прыгнула на Эрвина и об-

няла: поставив передние лапы ему на плечи, принялась горячо дышать в лицо. Длинный розовый язык норовил лизнуть герцога в нос, тот с переменным успехом уклонялся.

– Стрелец!.. Хороший!.. – растаяла Иона и принялась тереть густую шерсть на собачьей холке.

Эрвин ухватил пса за брыли и отодвинул на мало-мальски пристойное расстояние.

– Ну, друг мой, расскажи, не забыл ли ты уроки походной жизни? Не разучился ли выть? Поверь: если есть желание повыть, то сейчас – самое время!

Стрелец непонимающе склонил голову набок.

– Говори проще, – посоветовала Иона.

– Ррррав! – сказал Эрвин.

– Ав-вуууу! – с готовностью отозвался Стрелец.

– Милорд, вы нужны, – бесцеремонно заявил кайр Дже-мис, возникший следом за собакой. – Люди взволнованы известиями из столицы. Войско хочет видеть лорда.

– Объявите сбор офицеров. Я поговорю с ними.

– Кроме того, вас ищет кайр Роберт по поводу денег, ка-стелян – на счет поединков в гарнизоне, полковник Хортон имеет вопросы о снабжении временного лагеря, граф Лил-лидей – о походе в долину Слепых Дев.

– Кто-то еще?

– Человек тридцать, милорд. Вам перечислить или список написать?..

Сегодня – только плохие новости. Если полночь осталась позади, но ты еще и не думал спать, – это еще сегодня или уже завтра? Как считается?

Эрвина оставили в покое глубокой ночью. Странная штука: весь день к нему шли с вопросами, и всегда – с неважными. Как наказывать участников дуэлей? В какой части долины разместить батальон горной стражи? Граф Шейланд дает всего пять тысяч эфесов, а не десять. Граф Лиллидей готовит свои войска для похода к Слепым Девам, но просит еще кавалерии. Полковнику Хортону не хватает транспорта для поставок фуража... И каждый проситель выглядел напряженно собранным, в словах каждого звучала скрытая тревога, каждый боялся задать главный вопрос: что будем делать, милорд? Знаете ли? Просто скажите, что знаете, как победить. Хоть намекните, что знаете!

Эрвин отвечал им. О неважном. Но твердо и спокойно, с привычной своей искристой иронией.

Что делать с дуэлянтами? Раздайте всему войску деревянные мечи. За три победы деревом – пять эфесов, почет и хвалебная ода. За одну победу железом – уютный каменный мешок и никаких шансов участвовать в походе.

Где разместить горную стражу? Тьма, в горах, конечно же! А именно, в тех, что между долиной Слепых Дев и Южным

Путем. Если Уайт и Флеминг решат переметнуться, по дороге потеряют половину войска.

Граф недодал пять тысяч? Скотина... Ах, нельзя так о свояке? Ммм... половинчатые действия графа не отвечают грозному духу военного времени – лучше? Что ж, передайте ему в этой формулировке.

Лиллидею нужна кавалерия? Зачем? Штурмовать долину Дев и положить добрый батальон? Нет уж. Лиллидею нужны две роты – запереть долину, и полсотни катапульта – долбить с гор по лагерю изменников, пока те не осознают ошибочность своих политических взглядов.

Хортону не хватает транспорта? Телег, что ли?.. У городских купцов их полно. Потребуют денег? Платите. Нет, не монетой – размечтались! Векселями Дома Ориджин, чем же еще! Нет, не грабеж, а редкий шанс заработать! Когда герцог Эрвин-Победитель возьмет Фаунтерру, его векселя станут дороже золота!

Когда я возьму Фаунтерру... когда мы выступим ... сейчас-то хаос, но в походе станет проще... кайры дерутся, поскольку дуреют со скуки, но после первой настоящей битвы... Эрвин говорил так, будто решению подлежат лишь текущие, сиюминутные вопросы, а в перспективе – все ясно. Войско выступит из Первой Зимы, и дальше все пойдет своим чередом, в полном согласии с задумкой герцога. Ни с кем, кроме отца и сестры, Эрвин не обсуждал свои планы... и все верили, что план имеется. Люди уходили от него твердыми

шагами, полные уверенности. Собственно, за этим и являлись. Не за телегами и кавалерией – за верой в успех. Лорд Ориджин знает, как победить. На то и Ориджин!

И лорд говорил очередному посетителю:

– Все ясно, вопросов больше нет? Тогда ступайте. Через три дня выдвигаемся. Мирная жизнь – сущий кошмар! Скорей бы уже война!

Человек принимал за чистую монету и уходил с довольной миной на лице...

Последней пришла мать – далеко за полночь. На ней запас уверенности исчерпался. Герцогиня стала рассказывать о новом театре, о концертах, которые устроит ко дню Сошествия, о благотворительности. Сейчас это не волновало никого, и леди София Джессика страдала. Ей необходимо было, чтобы ее выслушали. Эрвин честно слушал. Но вдруг на полуслове мать сорвалась:

– Бедняжка Аланис... я пытаюсь не думать, и не выходит. Ведь это так ужасно! Ни стены, ни войска больше не дают защиты. В любой миг смерть может свалиться прямо с неба...

– Миледи, – процедил Эрвин, – не нужно! Вы жалеете Аланис? Я тоже, пусть и не любил ее. Хотите услышать, что с Ионой не случится такого же? Не случится, клянусь. Как я этого добьюсь? Не знаю. Как быть с тысячами искровиков Адриана? Не знаю! Что противопоставить Перстам Вильгельма? Тьма сожри, не знаю! Как только придумаю способ разбить сильнейшую армию всех времен, сразу скажу вам! А

пока, прошу, давайте о театре.

На какой-то миг показалось, что герцогиня заплачет. Леди Дома Ориджин льет слезы в присутствии мужчины – это было бы чем-то вроде снега в июле. Но чуда не случилось. Леди София Джессика глубоко вздохнула, моргнула несколько раз и сказала:

– Ах, да, прости, я сбилась... О чем я говорила?

– Вы хотите поставить балладу о Терезе...

– Нет, о Семи Кораблях! Как можно быть таким невнимательным? Чем только забита твоя голова?.. Придется мне повторить с самого начала! Я поняла, что хочу увидеть в нашем театре полноценную трагедию. Комедия – это не искусство, а забавка для черни. Ведь ты согласен со мною?

Эрвин улыбнулся:

– Я люблю вас, мама.

– А я не стану любить ребенка, равнодушного к искусству!

Так вот, для успеха трагедии нужно...

Когда она ушла, Эрвин тщетно попытался уснуть. Покрутился в постели, чувствуя то жар, то холод. Закрыв глаза, открыл, закрыл. Полежал носом в подушку. Встал, зажег свечу, налил орджа. Уселся на подоконник, принялся пить, глядя в окно.

Двор полон ночи: несколько пятен света ложатся на входы, а громады построек растворяются в темени. Их не различаешь глазом, но чувствуешь. Тесная темнота: протяни ру-

ку – упрешься в камень. Ощущение sklepa... оно же – ощущение покоя. Нет разницы, если разобраться. Смерть и есть покой.

Звучат шаги во дворе – одинокие, потому очень гулкие. Фыркает конь, со стуком засова отворяется дверь. Поскрипывает ветряк искровой машины. Любой звук в стенах замка – даже упавшая капля воды – отчетлив и звонок, исполнен значимости. А за стеной лает собака – далекая, будто за горами. Как ни надрывается, все равно едва слышна. Тяв... тяв...

– Первая южная, – раздается голос караульного, и другие тут же откликаются:

– Вторая южная... Надвратная... Склады... Арсенал...
Первая восточная...

Переключка часовых – каждые полчаса. Любая ночь Первой Зимы размечена этими звуками. Северная колыбельная. Из детских лет Эрвин не мог вспомнить случая, чтобы мать пела у его кровати, зато хорошо помнил, как учился угадывать время по голосам часовых: около полуночи они звонки, ближе к рассвету – тягучи, будто эль... Первые месяцы в столице Эрвин не мог спать без этих звуков, тишина казалась слишком тревожной.

– Вторая восточная... Казармы... Озерная...

Небо безоблачно. Светит Звезда, одинокая, как вечность. «Есть лишь одна Звезда», – так говорила Аланис Альмера, имея в виду себя саму. Звезда сгорела заживо. Тонкий янм-

эйский каламбур... И шутовской колпак на голове убитого герцога – еще одна милая шуточка. У императора теперь два шута: живой и мертвый. Мертвый забавнее.

Любопытно, Адриан уже заготовил третий колпак с бу-бенцами? Как он будет смотреться на голове Неженки?.. Говорят, Адриан – величайший император династии Янмэй. Сложно ли ему справиться с худшим из Ориджинов?

Внезапно кто-то забарабанил в дверь. Звук был просто оглушительен.

– Вы там свихнулись?! – крикнул Эрвин.

– Ты все равно не спишь, – ответил кузен Деймон-Красавчик.

– С чего ты взял?

– Под дверью светится. Впусти меня, кузен!

Эрвин нехотя отодвинул засов:

– Какого черта тебе не спится?

– Командую ночным караулом.

– А я, представь, нет... Чего тебе?

– Прибыли гости.

– Я счастлив! Прямо на душе потеплело.

– Это такие гости, что я подумал, ты захочешь их увидеть поскорее.

– Деймон, открою тебе тайну: ночами люди спят. Ну, кроме тех, кто в ночном карауле.

– И кроме тех, кто пьянствует в одиночку, – блондин указал глазами на чашу в ладони Эрвина.

– Ты – невежа. Герцог Ориджин в принципе не может пьянствовать. Иногда он предается глубоким раздумьям о стратегии... с чашей орджа в руке.

– Твое остроумие придется очень кстати, – сообщил Деймон, – в беседе с послами императора.

– С кем?!

– Послами императора. Его не такого уж величества Адриана.

– Серьезно?! Почему ты не сказал сразу?!

– Ждал, пока иссякнет поток твоего сарказма.

Эрвин уже одевался.

– Кто они?

– Итан Гледис Норма, имперский секретарь. И Марк.

– Что за Марк?.. Какого рода?

– Никакого. Просто Марк.

Секретаря Итана герцог не помнил. Возможно, видел когда-то при дворе – лицо смутно знакомо... Но вот Марк – потрясающе! Тот самый Ворон Короны – лукавый, хитрый, грозный начальник протекции! Адриан пожертвовал такую фигуру?!

Эрвин принял гостей в своем кабинете. Послы выглядели уставшими с дороги, помятыми и пыльными. Однако глаза у обоих горели. На лице Марка – живейшее любопытство, в зрачках Итана – тревога.

Герцог усадил гостей за стол, излучая светское гостепри-

ИМСТВО.

– Приветствую вас в Первой Зиме! Вы очень устали? Желаете сразу отойти ко сну или сперва перекусить?

– Мне бы бараньих ребрышек, милорд, – заявил Марк, – и кружку горячего вина. Премного благодарствую!

– М...милорд, – только и выдавил Итан. Очевидно, он ожидал иного приема.

– Надеялись увидеть зверства северян? – угадал Эрвин. – Это у нас в планах на завтра. Сперва поешьте, выпитесь, а утром прикажу кого-нибудь повесить ради вашего удовольствия.

Секретаря передернуло, Марк ухмыльнулся:

– Когда будете у нас в Фаунтерре, непременно окажу вам ответную любезность, милорд!

Эрвин позвал слуг и велел принести еды для Ворона, а себе и секретарю – вина.

– Деймон, останься с нами, выпей.

Кузен охотно сел за стол.

– Ведь вы незнакомы? Позвольте вас представить друг другу: Деймон Эмилия Герда рода Агаты, мой милейший кузен. А это – Ворон Короны, самый влиятельный и жуткий простолюдин во всей Империи.

– Я польщен, милорд, – улыбнулся Марк.

– Нет, это я польщен, что именно вас прислал Адриан. Приму как знак исключительного внимания.

Ворон Короны отвесил учтивость кузену:

– Жаль, что я не видел вас при дворе, лорд Деймон Эмилия.

– Непременно окажусь там в ближайшем будущем, – подмигнул Деймон. – Может быть, даже раньше вас.

– Приезжайте непременно. Владыка ждет с раскрытыми объятиями всю семью Ориджинов и окажет вам самый теплый прием!

Эрвин ответил не менее двусмысленной любезностью, Деймон ввернул свое слово, Ворон Короны не остался в долгу. Итан следил за перепалкой, побледнев от напряжения. Его единственного почему-то не радовала беседа.

Принесли вино и еду, Ворон накинулся на лакомство, Эрвин наполнил кубки.

– За здоровье вашей прелестной сестры, – предложил Ворон.

– Благодарю вас, это так любезно.

– ...и великого лорда Десмонда. Надеюсь, он полон сил?..

Эрвин помедлил с ответом.

– Знаете, господа, вот сейчас меня начал занимать вопрос: чему обязан вашим визитом?

Ворон проговорил, обгладывая ребрышко:

– Побеседовать с умным человеком, милорд, выпить вкусного вина, полюбоваться роскошными видами – отчего бы и нет? А горный воздух, по слухам, продляет жизнь...

Светловолосый Деймон не то чихнул, не то фыркнул. Эрвин перевел внимательный взгляд на Итана, и тот сказал:

– М...мы явились, чтобы уд...достоверить законность передачи власти в герцогстве.

– Ах, вот как... Вы, случайно, не зарезали своего отца, лорд Эрвин? Нет, что вы, господа, и в мыслях не было, это же так невежливо! Тогда не возражает ли ваша светлость, чтобы мы осмотрели тело лорда Десмонда? Конечно, господа, сейчас мигом откопаем и принесем!.. Нечто в таком роде, да?

– Это об...обычная про...цедура, с...совершенно законная, – выдавил Итан.

– Простите его, милорд, – перебил Ворон. – Молодой человек утомился в дороге и плохо соображает. Ему бы поспать. Не откажите в гостеприимстве!

– Я п...прекрасно... – запротестовал Итан, но Марк одним взглядом заставил его умолкнуть.

Это уже любопытно. Зачем Ворон избавляется от подручного?..

– Да, конечно, – согласился Эрвин. – Кузен, будь добр, выдели Итану спальню.

– Уютную спальню?.. – с ехидной улыбкой осведомился Деймон.

– Обычную спальню, где есть кровать и окна.

– Ага... – кузен выглядел разочарованным.

Он поманил секретаря за собой. Эрвин сказал им вслед:

– Великий лорд Десмонд заболел каменной хворью. Завтра вы сможете убедиться в этом, Итан Гледис Норма.

Двое исчезли, и в кабинет тут же вошел кайр из ночного

караула, замер у двери, положив руку на эфес. Деймон не собирался оставлять герцога наедине с послем – весьма разумно.

Эрвин добавил вина в кубки, сделал глоток и спросил самым светским тоном:

– Как дела в столице, Марк? Как служба?

– Не служба, а тьма, милорд! То интриги, то убийства, то мятежи – ни минуты покоя! Так утомительно... Недавно кто-то придумал – подделал выпуск Голоса Короны. Представляете?

– Экий подлец!..

– Не то слово... Опять же, допросы заговорщиков – то еще дельце, врагу не пожелаешь. Разве только леди Сибил радуется: ее допрашивать – одно удовольствие.

– Полностью согласен на счет леди Сибил.

Марк хохотнул. Съел мяса, запил вином.

– Недавно у владыки был праздник – открыли «волну» в Надежду. Письма по проводам – представляете?

– Слышал, но не представляю. Что за машина? Как она работает?

– А мне откуда знать, милорд? Ведь это вы учились в Университете, а не я. Вам должно быть виднее...

– Учился в Университете? Скверно вы осведомлены, Марк! Кто же там учится!..

– Вина агентуры, милорд. Вечно все перепутают... Взять хотя бы Итана. Представьте, что он вычудил: однажды спутал

леди Минерву Стагфорт с леди Глорией Нортвуд...

– Совершенно не разбирается в женщинах.

– Вот-вот. Не диво, что владыка прогнал его со двора и навязал мне в попутчики. Я бы рад без него – зачем мне этакий птенец? Но куда попрешь против приказа...

– Служба, служба... – сочувственно покивал Эрвин.

Кубки уже опустели, он поднял кувшин, неловким движением пролил вино на скатерть.

– Нервы совсем расшатались... – смутился молодой герцог. – Эти мятежи – такое беспокойное дело!

– Я вас прекрасно понимаю, милорд, – склонил голову Марк. – Позвольте, помогу.

– Что?.. Ах, да, прошу...

Посол взял у него кувшин, придвинул чаши. Эрвин поглядел в окно. Предраассветное небо было черно, как смола или вороново перо, или волосы сестры.

– Марк, я все продолжаю думать, и не нахожу ответа... Зачем вы здесь? Да-да, ваш птенчик сказал: законная процедура, все верно... попутно и поглядеть, что творится в Первой Зиме, посчитать лагерные костры... Но почему именно вы? Один из самых доверенных, хитрых, умных людей, что есть у Адриана. Зачем он отдал мне вас?

Ворон опустил сосуд на стол.

– Владыка был уверен, что мы с вами поладим. И я с ним всей душой согласен.

– Простите, Марк, я слишком устал за день. Нет сил разга-

дывать ваши проверки, и это делает игру скучной для вас... Остались ли у меня агенты в Фаунтерре, что мне известно о связи Минервы с Глорией, я ли заказал поддельный «Голос Короны» – конечно, вы уже получили ответы. Возможно, за ними вас и прислал Адриан... Но с чего он взял, что вы сможете увезти их из Первой Зимы? Зачем мне вас отпускать?

– Долина Первой Зимы – красивейшее место, – пожал плечами Ворон. – Я не против задержаться здесь.

– Вы угодили в опалу к императору? – удивился Эрвин. – Как вас угораздило? Вы разоблачили Айдена Альмера!

– И проглядел вас.

Эрвин ухмыльнулся:

– Не ваша вина, Адриану следовало понять. Один южный мальчик не умел пользоваться ножом – ударил в грудь, но не попал в сердце. Позже парни из бригады не потрудились пересчитать мертвые тела... А вы отдуваетесь за чужие промахи – сочувствую.

– Благодарю, милорд, – сказал Ворон. – Вы понимаете меня лучше, чем я сам.

– Положим, Адриан вас наказал... Но разве это повод доверять вам? Верный пес остается верным даже когда его бьют.

Марк пожал плечами и протянул герцогу кубок. Эрвин взял, рассеянно поглядел в багровое зеркальце жидкости.

– У меня кончились идеи, Марк... Признаю свое поражение. Скажите сами, почему вы здесь? Не могу понять.

– Попробуйте еще, милорд, – сказал Ворон, пригубив вино. – Разве вы не любите загадки? Я – люблю. К тому же, вы ведь не поверите ни слову, которое слетит с моего языка.

– Н-ну... может быть, дело в том, что вы – из черни? Адриан надеялся таким странным способом оскорбить меня? Он считает меня настолько спесивым индюком?..

– Спесивые индюки правят нашим миром, – ухмыльнулся Марк. – Выпьем за их здоровье.

Эрвин покачал головой.

– Весьма поучительно. Я надеялся предугадать планы императора – и не могу понять мотивы даже одного его поступка. Что ж, будем считать, он пожертвовал вами ради урока. За учителей, Марк.

Герцог поднес чашу к губам.

Открыл рот. Язык ощутил пряную терпкость вина...

В последний миг что-то случилось с глазами Ворона. Свечи как-то по-особому отразились в его зрачках.

Эрвин замер.

Осторожно отодвинул чашу. Сплюнул.

– Так это вы?.. Вы, Марк?..

Ворон Короны молчал.

– Я ждал асассинов с Перстами. Думал, явится вся бригада, как за бедным Айденем Альмера... А пришли вы. Ни летучего огня, ни Предметов – мне не полагается смерть мученика, верно?

– Милорд, постойте... – начал Ворон, но Эрвин движением пальца подозвал часового.

– Мой добрый гость должен сидеть очень тихо.

Лязгнула сталь, и лезвие ножа прижалось к яремной вене Марка.

– Почти, – сказал Эрвин. – Отвлекли внимание загадками, отлично сыграли обиду на Адриана. Отослали юного дурачка, который мог вас выдать. Позабавили – смех усыпляет бдительность... Всего в дюйме от цели. Надеюсь, это вас утешит.

Ворон сглотнул, на острие кинжала появилась капля крови.

– Любезный Марк, если бы я выпил это, мои люди позаботились бы о вас. В том... хм... объекте, что остался бы от вашего тела, жизнь теплилась бы еще очень, очень долго. Возможно, годы... – Герцог помедлил, словно колеблясь. – Но я буду милосерден, как учит Праматерь Янмэй. Кайр, наш гость хочет пить.

Часовой разжал Марку зубы и влил в рот отравленное вино.

Меч

2–4 сентября 1774 г. от Сошествия

Западная Альмера

Джоакин искренне не понимал происходящего. Если бы спросили его, как должны развиваться события, он без колебаний ответил бы следующее.

Чудом спасаясь прекрасная герцогиня Аланис в сопровождении своих верных воинов направляется в замок ближайшего лорда. Тот немедленно рассылает письма всем графам и баронам Альмеры. Весть о спасении Аланис мигом облетает Красную Землю. Под ее знамена стекаются все, кто способен носить оружие. Все благородные люди Альмеры, все настоящие мужчины собираются в могучее войско и выступают против подлеца Галларда, незаконно захватившего власть. (Джоакин знал, что за Перстами Вильгельма стоит император, но все равно винил во всем приарха. Видимо, тот сумел каким-то способом обмануть владыку, хитростью толкнуть на преступление.) Итак, объятые праведным гневом и жаждой мщениия, войско движется к Алеридану, а во главе его стоит несравненная леди Аланис. Любой воин с радостью ринется в бой ради нее. Ей достаточно одного слова, чтобы привести в движение полки. Однако юная леди не искушена в военном деле, к тому же обессилена ранением, потому ей

требуется помощник – надежный и крепкий мужчина, способный командовать войском. У Джоакина имелся на примете такой мужчина.

Под командованием герцогини и ее верного помощника, армия мщениа окружает Алеридан. Сражение даже не состоится (хотя и жаль). Наемные банды архиепископа разбегаются, бросая оружие. Приарх падает в ноги победительнице и молит о пощаде. Великодушная Аланис дарует Галларду его никчемную жизнь... но, конечно, он отрекается от мантии архиепископа и уходит в монахи. Немедленно собирается капитул (или как там называется этот большой съезд епископов), избирает нового приарха Церкви Праотцов, и тот отправляется в Фаунтерру, чтобы воззвать к совести императора. Владыка Адриан, будучи человеком чести, просто не может не осознать своих заблуждений. Он раскаивается в содеянном и клянется, что Персты Вильгельма отныне будут использованы только на благо человечества. В знак покаяния владыка совершает пешее паломничество в Кристальные Горы. Леди Аланис тем временем полностью выздоравливает и становится еще прекраснее, чем была до ранения: пережитые страдания придают ее чертам глубину и загадочность. Она приказывает восстановить сожженный Эвергард и принимается править герцогством. Даже такой властной и волевой натуре, как Аланис, непросто управлять пятьюдесятью городами, тысячей сел и миллионами людей. Ей требуется умный и крепкий помощник. У Джоакина есть на при-

мете таковой...

Но происходило нечто иное. Чем дальше, тем больше различия бросались в глаза.

Сир Хамфри велел Джоакину обыскать мертвецов. Джоакин заикнулся о мародерстве и рыцарской чести. Лейтенант объяснил Джоакину, куда именно тот может засунуть свою честь, и прибавил, что в дороге понадобятся деньги. Джоакин поразился: как это – нет денег? У герцогини Аланис, наследницы богатейшего Великого Дома, нет денег на дорогу?.. Сир Хамфри назвал его кретином и лег спать. То есть, сел спать – на полу у закрытых дверей спальни, внутри которой Ланс обрабатывал рану миледи. Джоакин вздохнул поглубже и вместе с Берком отправился выполнять приказ. Они обшарили карманы и сумки наемников приарха, нашли пять с лишним елен серебром. Одна елена немедленно перекочевала в карман Берка, вызвав на его лице выражение блаженного покоя. Джоакин не стал спорить: он был слишком деморализован мародерством.

Под конец операции леди Аланис очнулась и закричала. То был первый раз, когда Джоакин слышал ее голос. Забывшись, он кинулся на помощь, но дверь оказалась заперта. Он стоял в коридоре, слушая, как крик сменился сдавленным стоном: миледи пыталась терпеть, стиснув зубы. Лейтенант проснулся, взял у Джоакина четыре елены и послал запрягать экипаж.

– И только попробуй сказать, что не умеешь. Я тебе уши оторву.

Джоакин действительно не умел запрягать кареты, но не это удерживало его.

– Вы слышите? Миледи стонет!..

Сир Хамфри буркнул:

– Ей льют вино в открытую рану. По-твоему, она должна петь от радости?

Закрыв глаза и снова уснул. Делать нечего, Джоакин скрепя сердце подался на конюшню. Здесь имелись и упряжные лошади, и верховые. Нашлись и экипажи: под навесом стояла телега, две брички и полноценная блестящая карета. Джоакин потер подбородок. Он, конечно, видел, как Вихорь запрягал фургоны торговца, да и сам помогал. Но Хармонов фургон тащила пара тяжеловозов, а карету следовало запрячь четверкой рысаков. С четверками и рысаками он никогда не имел дела.

Джоакин привлек на помощь смекалку, инженерную мысль, творческое воображение и Берка. Приятель хмыкнул: «Ну, знаешь...», – и почесал затылок. Взялись размышлять вместе. Несколько способов соединения лошадей отвергли как заведомо провальные. Один испробовали, запутались в ремнях, распрягли, начали сызнова. Вроде, справились. Вдохнули с облегчением, утерли пот со лба. Передняя пара рысаков принялась как-то странно переминаться и фыркать. Проверили натяжение ремней. Убедились, что

весь вес кареты достается задней паре, а передняя привязана только для виду. Помянули Праматерь, распрягли, вернулись к началу...

Когда, наконец, экипаж был готов, уже рассвело.

– Они там, поди, спят... – кивнул Берк в сторону дома. – Давай-ка и мы подремлем, пока можно.

Он залез в карету и быстро захрапел. Джоакин не стал ложиться. Как-то несподручно было дрыхнуть, когда леди Аланис там, наверху, рыдает от боли... К тому же, есть хотелось сильнее, чем спать. Он нашел на кухне хлеб и колбасу. Жуя, подался наверх и столкнулся с рыцарями.

– Готово?.. – спросил лейтенант. – Тогда в путь.

– Как миледи?..

– Жива, – коротко ответил Ланс.

Все вместе вышли во двор, где ожидала запряженная Джоакином карета.

– Ну, и дурак... – вздохнул сир Хамфри.

– С чего это?! – возмутился Джоакин.

Упряжь теперь была в полном порядке – он мог поручиться. А сама карета – и вовсе произведение искусства. Джоакин выбрал самый роскошный экипаж: борта в белой эмали, золоченые гербы Альмеры, вензеля герцога Айдена, сиденье для кучера покрыто алым бархатом, колеса окованы бронзой.

– Перепрягай, – бросил лейтенант. – Простой фургон возьми.

– Почему?.. – удивился воин.

– Постой, – вмешался Ланс. – Может, так и лучше. Люди еще не знают, что его светлость погиб. Наемники Галларда обыщут руины, осмотрят трупы. Потом Галлард разошлет птиц с известием. На все требуется время. До вечера мы можем ехать без остановок под гербами его светлости.

– Верно, – кивнул сир Хамфри. – Тогда скорее, не будем задерживаться.

Джоакин надеялся, что ему поручат нести раненую. Взглянуть бы... Но их с Берком послали собирать еду, а когда приятели вышли во двор, леди Аланис уже была в карете вместе с Софи, за плотно задернутыми шторками.

И вот они мчали по тракту, вздымая куреву. Рыцари расположились на козлах, попеременно спали и правили лошадьми. Джоакина клонило в сон после ужасно долгой бессонной ночи. При той скорости, с какой двигался отряд, невозможно было задремать в седле. Куда мы так летим?.. – думал Джоакин. Бедной миледи станет хуже от такой тряски! Можно подумать, мы спасаемся бегством!..

Это и вправду походило на бегство, и чем дальше – тем больше. Проехав пару миль, лейтенант свернул в сторону и час двигался по проселочной дороге, нещадно терзая ухабами рессоры. Обогнул стороной несколько деревень, и лишь тогда вернулся на тракт. Очевидно, сир Хамфри путал следы, вот только Джоакину не понравилась эта мысль. Перед

дорожной развилкой лейтенант остановил у таверны и громко спросил, как проехать к Косому Рву. Ему указали южную дорогу, он двинулся ею, но спустя милю по едва накатанной тропке переехал на северную. Встретив крестьянскую телегу, сир Хамфри кричал: «Дорогу почтовому управителю его светлости!» А если попадался пеший путник и спрашивал из любопытства: «Кого везете, сир рыцарь?», то получал тот же ответ: «Почтового управителя! Сам не видишь, что ли?»

Джоакин не понимал, почему лейтенант то и дело сворачивает в буераки, ни капли не заботясь о покое раненной. Еще более он не понимал, отчего путешествие герцогини так сильно напоминает бегство воришек с чужим добром. А если Джоакин Ив Ханна чего не понимал, то он и спрашивал напрямую.

– Сир Хамфри, куда мы так несемся?

– Нужно покрыть добрую сотню миль, – хмуро ответил лейтенант. – Хорошо бы до вечера сделать хоть полсотни.

– Сотню миль? Неужели нет лордов поближе? Мы с Берком видели замок всего в паре часов от Эвергарда!

Вместо ответа сир Хамфри спросил:

– Ты где служил, парень?

– В войске графа Рантигара при Мельничной войне! – гордо ответил Джоакин.

– Ах, у дикарей!.. Вот оно что... – лейтенант кивнул так, словно теперь ему все стало ясно. – У западников дисциплина не в чести. Но если хочешь служить хоть где-то восточ-

нее Холливела, то запомни: солдат – не курица, попусту не квохчет. Будешь молотъ языком – вылетишь без расчета из любого войска. Ясно?

– Но я же только спросить...

– Вот об этом и говорю.

Джоакин утих, но не сказать, что удовлетворился. Напротив, беспокойство росло и искало выхода. Приблизился к Берку и негромко повел разговор:

– Как думаешь, куда мы скачем?

– Я слышал, как сиры говорили: в имение графа Блэкмора.

– Граф Блэкмор – тот, что владеет городом Блэкмором?

– Ну, да. Потому так и зовется.

– Но это же сотня миль пути!

– Лейтенант тебе так и сказал.

– Но зачем ехать далеко? Вокруг полно вассалов – баронов всяких... Любой даст приют ее светлости!

Берк искоса глянул на приятеля.

– Джо, я слышал, лейтенант назвал тебя дурачиной... Так вот, не обижайся, но мне иногда кажется, что он чуточку самую малость прав. Когда приарх не найдет тела Аланис под камнями Эвергарда – что он сделает, по-твоему?

– Отправит за нами своих головорезов. Мы могли бы устроить засаду и всех их покрошить. А не бежать, сломя голову, как зайцы!

– Отправит, непременно отправит. А еще что сделает?

– Ну, не знаю... Испугается?

– Точно. И со страху объявит себя правителем Альмеры. Разошлет письма вассалам: мол, герцог умер, я теперь герцог. А внизу такая маленькая приписочка: если встретите беженцев из Эвергарда, то передайте мне за награду. Чем знатнее человек, тем больше денег. Конечно, святоша не скажет, что Аланис жива – незачем ему об этом болтать. Но едва кто-то из вассалов увидит миледи, как тут же смекнет, что ее можно продать святоше этак за... – Берк прищурился, – тысяч сто эфесов.

– Продать? – ужаснулся Джоакин. – За сто тысяч?!

– А сколько бы ты заплатил за власть над богатейшей землей?

Джоакин не нашел ответа.

– Так что, приятель, мы возьмем в карете весьма дорогую вещь. И у всякого, кто об этом узнает, тут же зачешутся руки.

При слове «вещица» Джоакин вспомнил Хармона-торговца. Лицо исказилось от злости.

– По себе судишь?! В мире есть и благородные люди, не одни торгаши да продажные шкуры!

Берк примирительно развел руками:

– Да ладно тебе! За сто тысяч-то золотых я не стану нарываться. Нетушки. Вот за сотню – мог бы. А сто тысяч – такой кусок, которым легко подавиться. Если хочешь жить долго, нужно в еде меру знать. К тому же, я видел, чего стоят в бою эти альмерские рыцари, и что-то не больно охота

связываться. Так что за меня будь спокоен: не позарюсь на твою миледи.

– То-то же!

– Но вот на счет «благородных людей» я бы не сильно обольщался... Думаешь, зачем мы едем в такую даль? Очевидь, там живет человек, которому миледи может довериться. А все, кто ближе, – не такие уж благородные.

– Вот жизнь!.. – ужаснулся Джоакин. – Чтобы встретить того, кому можешь доверять, нужно проехать сто миль! Что только творится в этой Альмере?.. Распустил старый герцог своих вассалов!

– А по мне, – ответил Берк, – если хоть за сто миль есть человек, кому всецело доверяешь, так это уже очень неплохо.

После обеда... Обедом, к слову сказать, назывались те десять минут, когда сир Хамфри сбавил ход и позволил людям перекусить прямо в седлах, не останавливаясь и не спешиваясь. После обеда кончились сады, окружавшие Алеридан, и начались красные глинистые холмы. Лейтенант был доволен. Дорога петляла меж холмов, часто пропадая из виду, и если кто и шел по их следам, то не смог бы издали заметить отряд. К тому же, пыль из-под колес вскоре покрыла борта экипажа, сделав его менее приметным. Джоакин от пыли начал неудержимо чихать. Он проклинал все на свете, отплевывался, сморкался, но продолжал чихать так, что чуть не

падал из седла. Ланс постучал в кабину кареты и попросил у Софи платок. Джоакин повязал его на лицо и лишь тогда был спасен. Молодой воин ехал теперь с белой кружевной тряпочкой на физиономии, чувствовал себя полным идиотом и с надеждой думал: леди Аланис, наверное, тоже не по нраву эта пыль. Когда миледи придет к власти, то прикажет всюду сделать фруктовые сады, а где не сады, так хоть траву посеять. И еще прикажет, чтобы фабричники не нагтели и копали свои дурацкие карьеры вдали от дорог! Как пить дать, прикажет! А если сама не догадается, то... Нет, Джоакин, конечно, не рассчитывал, что герцогиня станет с ним советоваться в деле управления землей. Он все-таки воин, а не управитель. Но если он все же подбросит миледи мыслишку-другую, то вреда от этого не будет.

С такими мыслями он пересек глубоченный карьер по бревенчатому мосту, наведенному прямо поперек выработки, не сдержался и плюнул с высоты. А потом Софи выглянула из кареты:

– Сир Хамфри, ее светлости плохо.

Лейтенант обругал ее за высказанный вслух титул – мало ли кто на дороге встретится. Потом спросил: насколько плохо? Софи ответила: мечется, стонет, и жар. Тут уж думать не о чем – свернуть к ближайшему городку и искать лекаря. Это Джоакин так решил... но сир Хамфри ответил:

– Попроси миледи потерпеть. Дотянем до Флетхила, там найдем помощь.

Потерпеть?! У Джоакина глаза на лоб полезли. Как можно так обращаться с раненой девушкой?! Издевательство, пытка! Необходимо вмешаться. Джоакин уже открыл рот, когда Берк дернул его за рукав:

– Не лезь. Миледи сама разберется.

И верно, из кареты раздался голос:

– Терпела, сколько могла! Теперь остановите.

Джоакин вздрогнул. Голос звучал глухо и с присвистом.

Видимо, девушке действительно было худо.

– Флетхил – ближайший город, миледи, – ответил лейтенант.

– Сколько до него?

– Часа два, миледи.

– Тьма!.. Я правлю этой чертовой землею!.. Неужели нельзя найти лекаря?!

Ланс и Хамфри зашептались меж собой. Отряд тем временем взобрался на вершину холма. Сир Хамфри привстал на облучке и посмотрел назад, поверх крыши кареты. Оглянулся и Джоакин. Милях в четырех позади над дорогой курилось облачко пыли.

– Всадники за нами, – сказал Хамфри достаточно громко, чтобы слышала миледи, и еще прибавил ходу.

Вот теперь желание развернуться и вступить в драку стало таким сильным, что Джоакин был готов нарушить приказ. Удержало одно: если он задержится, чтобы дать бой, то Аланис уедет дальше всего с двумя рыцарями охраны. Смогут

ли они защитит миледи на всем будущем пути?.. Вряд ли. Эх, вряд ли.

Лейтенант ошибся со временем этак на час-другой. А может, намеренно солгал. Когда они въезжали во Флетхил, уже смеркалось. У ворот их остановила стража:

– Кто такие?

– Курьеры герцога, – немедленно ответил Хамфри.

– Которого герцога? – спросил стражник, и Берк шепнул Джоакину:

– Вот слухи нас и догнали...

– Это как – которого?! – возмутился лейтенант. – Думай, что говоришь, свинья!

Стражник снисходительно покачал головой:

– Ты, сир, видать, в пути не слышал... Беда с его светлостью.

Он коротко рассказал путникам, что случилось в Эвергарде. Они изобразили печаль, подобающую случаю. Потом Хамфри сказал стражнику:

– Прескверные новости... Его светлость погиб, но у меня-то приказ остался. Везу пакет бургомистру Флетхила... Последний приказ нельзя не выполнить.

Стражник согласился и впустил их в город.

Оказалось, что найти лекаря, сохраняя маскировку, – та еще задачка. Не ездить же по городу в гербовой карете по-

койного герцога! И явиться домой к лекарю, показать миледи его слугам и домочадцам – тоже не лучшая мысль. Молодая герцогиня – участница летних игр и первая красавица страны, слишком многие знают ее в лицо.

Хорошо, что была Софи. Только женщина из простонародья способна выдумать такую штуку. На леди Аланис надели плащ с огромным капюшоном, а под платьем напихали тряпья. Лицо герцогини скрылось в глубокой тени, а животик весьма недвусмысленно вздулся. Сир Хамфри бережно взял миледи под руку и, войдя в гостиницу, заявил:

– Моей жене нужна лучшая комната! И лучший лекарь в городе, немедленно.

Он подкрепил слова парой серебряных глорий, и хозяин гостиницы засуетился, как встревоженная курица. Мальчишка убежал за лекарем, горничная указала самую светлую комнату в доме, и лейтенант прошествовал туда в обнимку с «беременной» герцогиней. Джоакин аж почернел, глядя им вслед. Сам-то он, как и Ланс, изображал наемного охранника высокородной пары и остался в трактире на первом этаже – пил эль, жевал бобы, лелеял зависть. Карету поручили заботам Берка: он должен был найти способ обменять ее на экипаж попроще.

Лекарь явился вскоре и сразу произвел хорошее впечатление: у него было пенсне и внушительных размеров саквояж, а на руках – белые перчатки. Софи провела его наверх, в комнату «супругов». Джоакину подумалось, что лекарь

ведь наверняка разденет миледи и увидит ее, стало быть, без одежды... От этой мысли настроение парня изменилось таким образом, что он запил эль двумя стопками ханти.

– А где у миледи рана? – спросил он Ланса.

– На плече, вот здесь, ближе к шее, – показал рыцарь.

Почему-то Джоакину сдалось, что Ланс соврал. Наверное, не на плече, а на боку, возле самой груди. Чтобы обработать рану, Ланс развязал шнуровку корсажа, и... Вот же!.. Джоакин взял третью стопку.

Наконец, лекарь спустился по лестнице, на ходу снимая пенсне. Воин подхватился ему навстречу:

– Как она? Как госпожа?

Выражение лица у лекаря было весьма неудобочитаемым.

– Ну, знаете ли, сударь... Это ведь, понимаете ли, очень такой, знаете, особый случай... Я с подобными раненьями почти что и не встречался прежде.

– Она выживет?! – чуть не закричал парень.

– Нет, ну...

– Нет???!

– Нет, сударь, я не об этом! Конечно, выживет, тут ручаться можно.

– Слава богам!..

– Да, клянусь честью, что выживет. Ваша госпожа – девушка крепкая, а рана жестокая, но исцелимая. Я ее обезвредил первично, а далее требуется промывать раствором каждые шесть часов – и дело пойдет на лад. Но, знаете ли, сам

характер ранения такой, что...

Тут подоспел Ланс и прервал объяснения:

– Довольно, сударь. Благодарим за помощь.

И лекарь удалился, оставив на память о себе три пузырька упомянутого раствора.

Характер ранения? Что он, черт возьми, имел в виду? Наверняка, задета грудь!.. Или... Боги, вот в чем дело! Джоакина осенило, он чуть не подпрыгнул. Миледи не обожгло пожаром, как сказали ночью солдаты. Ее задело Перстом Вильгельма!

Эта мысль сперва испугала его, но лишь на секунду, а затем – восхитила. Лекарь сказал, леди Аланис выживет, и нет причин ему не верить. А значит, она станет первым смертным, кто пережил попадание Перста! Будет носить на плече (или на груди) отметину от стрелы, пущенной божественным арбалетом! Черт, здесь даже есть чему позавидовать. Он почесал шрам на собственном плече. Отнюдь не Перст Вильгельма – всего лишь клинок бандита в монашеской рясе... Эх.

Почти одновременно вошли сир Хамфри и Берк. За Берком следовали двое парней такой наружности, что у любого констебля зачесалась бы дубинка. Берк подскочил к лейтенанту:

– Господин, я нашел ребят, согласных перегнать карету!

– Перегнать карету?

– Ну, да, господин! Вы же говорили – нужно карету ото-

гнать в Косой Ров, управителю имения. Неужто запамятовали?..

Сир Хамфри почесал затылок и смекнул.

– Да-да, точно, ты прав. Пускай отгонят, и прямо сейчас.

Шесть агаток плачу.

– Десять, – мигом встрял один из хмурых парней.

– Шесть. И еще две докинёт управитель.

– Идет, – кивнул проходимец.

Сир Хамфри описал дорогу к несуществующему имению в Косом Рву. Парни сделали вид, что стараются запомнить. Всем ясно было: они отъедут от Флетхилла миль на десять и начнут искать, кому бы продать карету. И тем самым прекрасно запутают следы.

Лейтенант заплатил им и велел Берку выпрячь одну пару рысаков.

– Вам и двух лошадей хватит, – сказал проходимцам.

Те не возражали. Нежданно обломившийся куш – роскошная карета, пара рысаков, да еще и шесть агаток в придачу – переполнил чашу их мечтаний. Когда они убрались, Берк доложил:

– Я сыскал отличный крытый тарантас всего за елену... тьфу, за полторы. Возьму лошадей да пригоню сюда, если денег дадите.

– Неприметный?

– Неприметней не бывает, сир! Торговец показал – так я не сразу и увидел, минуту присматривался.

Когда Берк подогнал тарантас, весь отряд спешно отбыл из гостиницы. Дали несколько кругов по улицам Флетхила и, посеяв изрядную путаницу в мозгах возможных преследователей, остановились на ночь в другой гостинице. Как и прежде, леди Аланис скрывала лицо капюшоном и вуалью. Она расположилась в одной комнате с Софи, в другой – Джоакин, Берк и Ланс. Хамфри спал в коридоре, подперев спиной дверь герцогини. Ложась на тюфяк, Джоакин слышал отрывистый девичий вскрик – миледи неосторожно задела рану. Я не смогу уснуть, когда она рядом и страдает! – подумал парень, но спустя минуту уже безмятежно спал.

* * *

На второй день они уже не гнали – это стало невозможно. Тарантас, запряженный парой, делал не больше четырех миль в час. И каждый час приходилось делать остановки. Вести разлетелись со скоростью почтовых голубей, и вся Красная Земля уже знала о гибели герцога. Готовясь к смутному времени, феодалы запечатывали замки, выставляли заставы, рассылали дозоры. То и дело на пути встречались почтовые курьеры и лордские посыльные, порою попадались целые отряды воинов. На всякой меже, при каждом мосту стояла усиленная охрана, подозрительно оглядывала путников. Кто такие? По какому делу? Что творится в Алеридане? К счастью, главным был последний вопрос, первые два задавались ско-

рее для формы. Однако всякий встреченный стражник норовил заглянуть в тарантас: уж не везете ли чего... этакое? Иногда помогала угроза: положить руку на эфес и серьезно так поглядеть в глаза – и содержимое экипажа уже не кажется стражнику таким интересным. Иногда приходилось давать взятку. Даже чаще, чем иногда. Деньги таяли быстрее, чем хотелось бы. Раз-другой ситуацию спасала Софи – показывала в окошко голое плечо и игриво мурлыкала: «Заглянуть хотите? Экие проказники!..» Стражники отставали...

Возникла мысль ехать ночью, но была отвергнута. Странные путники, шатающиеся по темени, вызовут двойное подозрение. Ехали днем, под морозящим мерзопакостным дождем. То и дело останавливались, вступали в склоки с дозорными и стражниками. Под вечер сир Хамфри сказал Лансу:

– Дальше ты говори с ними, я помолчу. А то чую, потеряю терпение, рубану кого-то.

Джоакину были ох как понятны его чувства.

Дорога тем временем удлинялась. Некоторые пути внезапно оказывались перекрыты, ворота замков – заперты, мосты – загорожены телегами. Приходилось пускаться в объезд. На третий день они встретили целый город в осадном положении: оштетиненный и закрытый наглухо. Потратили пару часов, чтобы обогнуть его.

Радовало лишь одно: миледи шла на поправку. Четырежды в день Софи промывала рану снадобьем, разведенным с

водой, и это давало пользу. Лихорадка уходила, боль слабела. Леди Аланис могла спокойно спать, свернувшись клубком на сиденье. К вечеру второго дня даже попросила поест. Джоакин знал об этом от Софи – единственного человека, кто не отказывался отвечать на его вопросы. Он до сих пор так и не видел миледи: большую часть времени она спала в закрытой кабине или в гостиничной комнате, а когда все же показывалась на свет, то предусмотрительно скрывала лицо. Порою Джоакин слышал ее голос – он звучал все так же сипло и глухо, заставляя парня тревожиться: уж не задето ли легкое миледи? Или просто боль в груди не дает ей нормально дышать?.. Тогда он думал о том, каково это: страдать при каждом вдохе и стойко терпеть, не жаловаться, не кричать. Для воина – обычное дело, но для девушки – настоящий подвиг. Подлинная внучка Агаты: волевая, сильная натура. Наверняка, леди Аланис ничего не боится на всем белом свете. Наверняка она любит и охоту, и рыцарские турниры. Джоакин непременно спросил бы об этом, но до Блэморра оставалось уже недалеко, и сир Хамфри вполне мог прогнать парня прочь за лишнюю болтовню. Так что Джоакин просто слушал молчание, с которым Аланис терпела боль, и отдавался восхищению. Пожалуй, герцогиня и за битвой наблюдала бы, не вздрогнув! Иная девица завопила бы: «Ах, сколько крови, не могу этого видеть!» А леди Аланис смотрела бы за делом вместе с полководцами, и для воинов наша бы нужные слова, чтобы вдохновить на подвиг. Джоаки-

ну вспомнилась Иона Шейланд. «Не устраивайте поединков ради девушки... Это скверно, этого не нужно...» Тоже мне, принцесса Севера! Трусливая крольчиха, позор рода Агаты. Наверное, орала бы во все горло от малейшей царапины. Ле-ди Аланис – совсем другое дело!

Он хотел бы заговорить с нею. Подъехать поближе, сказать пару фраз – о том, как сопереживает ей, желает скорейшего выздоровления, и о своем восторге, конечно, тоже. Однако все не мог решиться. Побоялся сира Хамфри... точнее, не Хамфри самого по себе, но его офицерского права уволить наемного воина и таким путем разлучить с миледи. А, кроме того, Джоакин вынужден был себе признаться, он немного робел. Ведь первое знакомство – оно навсегда запомнится. Тут нельзя оплошать, нужно сказать нечто действительно умное и достойное. Чтобы с первой фразы миледи поняла, с каким человеком имеет дело! Ну, а как тут скажешь умность, если даже лица не видишь? Даже отрекомендоваться толком не выйдет. Подъедешь к темному борту тарантаса и скажешь ему: «Я – Джоакин Ив Ханна с Печально-го Холма...» Стыд, да и только. А говорить с герцогиней, не представившись, – тоже неловко. «Миледи, я до глубины души восхищен...» А она в ответ: «Вы, собственно, кто? Откуда взялись?» Допрос какой-то выйдет вместо светской беседы... Оказия нужна. Некое событие, которое сразу покажет Джоакина в выгодном свете. Вот когда Аланис его оценит в действии, тогда уже и заговорить можно безо всякого стес-

нения. Я, мол, восхищен вами, миледи, но вы-то уже убедились: я и сам парень не промах! И будьте спокойны, никому не дам вас в обиду.

Джоакин все думал, какая могла бы быть оказия, и до чертиков жалел, что миледи лежала без чувств, когда они попали в засаду, и не до чертиков, но чуточку жалел о том, что ото всех дозоров так легко удавалось откупиться деньгами...

Тем временем наступил вечер третьего дня, и на дороге показалось поместье графа Блэкмора.

* * *

Замок был новой постройкой и мало походил на угрюмые цитадели времен Лошадиных войн. Белый, светлый, сияющий многочисленными окнами, почти лишенный стен: с трех сторон защитой служили сами здания поместья, лишь с четвертой имелось невысокое ограждение с воротами. Оборонная способность сооружения была невелика, и Джоакин скептически покачал головой. Однако прием, что оказали им здесь, превзошел все ожидания.

Ворота открылись, стоило только сирю Хамфри сказать, что он прибыл с поручением от старого герцога. Слуги попросили путников подождать на подворье, и через несколько минут к ним спустился сам граф. То был приятный человек: черноволосый, с благородной проседью в висках, черты лица строги, но не мрачны, манеры – достойны дворянина высше-

го ранга. С ним вышла и жена – тучная белолицая матрона. Платье с тугим корсетом придавало ее телу некую видимость формы.

Граф сердечно приветствовал путников и заверил, что глубоко скорбит о кончине его светлости.

– Мы оба бесконечно скорбим, – веско добавила графиня.

– Милорд, – сказал сир Хамфри, – я должен сообщить вам кое-что немедленно и наедине. Прошу вас сесть в карету.

Граф согласился и открыл дверцу. Леди Аланис была в своей извечной вуали, и он не узнал ее сразу. Следом за графом в кабину сел лейтенант, дверца закрылась. Видимо, герцогиня показала лицо. Блэкмор издал какой-то звук: не то ахнул, не то воззвал к Праматери. Недолгое время они шептались в кабине, затем мужчины вышли, и Джоакин услышал, как граф говорит лейтенанту:

– Конечно, сир, все, что потребуется. Теперь вы под нашим покровительством. Вы поступили правильно, придя ко мне!

– Благодарю, милорд, – отвечал сир Хамфри.

Его милость Блэкмор выделил всему отряду комнаты в гостевых дворянских покоях, даже Джоакину с Берком. Гости подивились обилию дорогих и бесполезных вещей, как то: умывальник с горячей водой, текущей из трубы; настенное зеркало в серебряной оправе; секретер примерно с миллионом ящичков; три пухлых тома сочинений Праматерей и раскладная подставка для чтения. Чтобы полностью ощутить

себя лордом, не хватало только искровых фонарей: комната освещалась масляными лампами. Берк завалился на постель со словами:

– Ну, Джо, вот теперь я тебя зауважал! То есть, и прежде уважал, а теперь – так совсем! Твоя затея с лордовской службой окупается что надо. Поспим на мягком, поедем горячего – житье!.. Как думаешь, мы долго тут пробудем?

– Да уж не меньше месяца! – ответил Джоакин. – Пока миледи выздоровеет, пока соберет войско – это недель пять пройдет. Лишь потом выступим.

Но едва он это сказал, как тут же ощутил беспокойство. Ведь отряд прибыл в безопасное место, под защиту верного вассала герцогини... Теперь услуги двух странствующих воинов не очень-то нужны. Что, если лейтенант завтра их расценивает?!

Друзей пригласили к обеду. Был накрыт прекрасный стол. Берк наелся до отвала, заявил, что непременно лопнет, и после этого скушал еще столько же. Джоакин тоже приложился к графским яствам, но без особого аппетита: тревога заглушила голод. Нужно срочно поговорить с сиром Хамфри, – думал парень. Убедить его, что я – не дикарь, как шаван какой-нибудь. Я знаю дисциплину. Мой отец – рыцарь, и братья – рыцари, и вырос я в Южном Пути, а это почти Север... без каких-то трехсот миль Первая Зима! Непременно нужно его уговорить, а то ведь и вправду уволит. Зачем мы ему теперь?!

Но поговорить с лейтенантом не удалось: граф усадил его на почетное место по правую руку от себя, вдали от приятелей. Было в этом нечто неправильное, ведь это место должно было достаться самой леди Аланис! Но ей нездоровилось, да и граф сказал, что благоразумней будет не показывать миледи слугам до поры, и обед герцогине подали в спальню. Джоакин пил очень мало вина, стараясь не захмелеть, и дождался конца трапезы. Едва лейтенант выйдет из-за стола, нужно сразу обратиться к нему... Но и после обеда ничего не вышло: граф позвал рыцарей в свой кабинет обсудить дела. Джоакин шатался по дому, не находя себе места. Подогреваемая бездействием, тревога росла. Он принялся приставать к слугам и стражникам с вопросами: не давал ли граф каких распоряжений? Что говорил о комнатах – надолго их выделяет, или на день-два? А еду на завтра на шестерых гостей велел готовить или на четырех?.. Но не узнал ничего полезного, кроме того, что одна из горничных положила на Джоакина глаз, а к другой тем временем подкатывал Берк, но был обращен ею в позорное бегство.

Тогда воина посетила дичайшая мысль. Кто-то даже назвал бы ее постыдной, но трудное время требует нелегких решений, а цель оправдывает тактическую хитрость... Словом, он решил подслушать под дверь кабинета: о чем там совещаются граф с лейтенантом? Не упомянется ли будущая судьба двух наемников?

Выяснить расположение кабинета не составило труда.

План провалился по иной причине: часовые охраняли коридор. Едва Джоакин сунул туда нос, как воин Блэкмора спросил:

– Ты к кому?

Он вынужден был сказать, что пришел к сиру Хамфри.

– Твой лейтенант занят. Иди в гостевые, там жди.

Джоакин отступил и рассмотрел возможность обходного маневра: залезть по стене и подслушать у окна. Он потратил немало минут на поиски нужного окна, благословил архитектора и его предков до четвертого колена, затем понял: кабинет выходит на наружную стену здания. Чтобы залезть по ней, нужно сперва покинуть замок. Этому ему не позволили часовые у ворот: не велено, ночь на дворе, нечего шастать.

Джоакин в отчаянии вскричал:

– Я не служу вашему графу! Я здесь гость, олухи!

– Тогда тем более не велено, – отрезал часовой.

Он ретировался. На подворье столкнулся с Берком, который также пребывал не в лучшем расположении духа после фиаско с горничной. Приятели поделились бедами. Джоакин великодушно позволил Берку первым излить печаль, а затем сказал:

– А я вот тревожусь, что нас с тобой уволят. И, если подумать, то моя беда посерьезней твоей. Ведь горничных в Альмере сколько угодно, в любом городе или замке найдешь. А леди Аланис – одна. Если завтра нас рассчитают, то как я к ней попаду на службу? Никак!

Уязвленный таким пренебрежением к его страданиям, Берк ехидно бросил:

– Ну, так иди и поговори с нею! Что ты к лейтенанту цепляешься? Хочешь служить миледи – вот с ней и договорись.

Прозорливый человек поразмыслил бы минут несколько и сообразил, что Берк, пожалуй, шутит. Близилась полночь, герцогиня Аланис, очевидно, спала. И если тебе не доводилось видеть, как ведет себя герцогиня, разбуженная среди ночи, то все же нет веских оснований ждать от нее радости... Но Джоакин принял за чистую монету, сказал:

– Благодарю за поддержку, дружище! А то я все не мог решиться.

И зашагал в гостевой дом. Смело поднялся на третий этаж (мужские комнаты были на втором этаже, дамские – на третьем), вступил в коридор и... наткнулся на стражников графа Блэкмора.

– Я к госпоже, – заявил Джоакин, не сбавляя ходу.

Часовые преградили путь:

– Не положено.

– Мне только на пару слов...

– Какая еще пара слов?! Не слышал – не положено!

И тут Джоакин рассвирепел. Надвинулся на стражника, грозно зарычал:

– А кто ты, собственно, такой?! Я иду к своей госпоже! На каком основании ты мне мешаешь?!

– Милорд запретил...

– Причем тут твой милорд? Я служу не ему, а миледи! Хочу ее увидеть! Прочь с дороги!

– Миледи спит, – пришел на помощь второй стражник.

– Ты-то откуда знаешь?! Может, ты ей колыбельную спел? Одеяльцем укрыл?! Убирайся, говорю!

Подоспел и третий караульный – старший из них.

– Парень, ты верно говоришь, у тебя есть право увидеть госпожу. Но и нас пойми: милорд приказал – мы и стережем. Полезешь силой – будем драться. Ты один, нас трое... Словом, приходи лучше утром, а?

Джоакин прикинул, нахмурился, сделал шаг назад... Вдруг заорал во всю глотку:

– Софи!.. Софииии!

– Заткнись! – рявкнул первый стражник и двинулся к парню.

Джоакин выхватил искровой кинжал. Охранник заметил мерцающие очи, растерянно попятился, а парень продолжал орать:

– Софииии!

Служанка приоткрыла дверь, высунулась.

– Чего тебе?

– Подойди, будь добра. Меня, видишь, не пускают.

Софи не спорила – вышла, как была, в ночной сорочке. Стражники переглянулись. Потом старший хохотнул:

– Ты б сразу сказал, что нужна служанка, а не госпожа...

Часовые расступились, пропустив Софи к Джоакину. Она

спросила:

– Что-то передать миледи?..

Когда миледи проснется, передай, что мне нужно поговорить с нею. Скажи, все, о чем я мечтаю, – верно служить ей. Скажи, преданней меня она не сыщет никого! И добавь, что неслучайно судьба привела меня к Эвергарду, когда миледи была в опасности.

Это Джоакин собирался сказать... Но кое-что переменялось: часовые замешкались прежде, чем выпустить Софи. Очень ему не понравилось это промедление. И он прошептал, наклонившись к уху служанки:

– Разбуди миледи. Пусть прикажет этим стражникам позвать сира Хамфри. А если откажутся... одевайтесь.

Софи кивнула без лишних вопросов. Хорошая девушка.

Она ушла в комнату, а Джоакин сбежал на второй этаж и постучался к лейтенанту. К счастью, тот уже вернулся от графа. Увидев Джоакина, сир Хамфри сказал:

– А, хорошо. Ты как раз нужен. Хотел поговорить о твоей будущей службе.

– Есть дело поважнее, – сказал Джоакин. – Кажется, мы в плену.

– С чего ты взял?

– Стража на воротах замка не выпускает наружу.

– Естественно: ворота ночью не отпираются.

– А стража у дверей миледи не пустила меня к ней.

– Ты ходил к миледи? С какой радости?!

– А когда Софи вышла из комнаты, часовые поколебались, выпускать ли. Понимаете, сир, если бы стража никого не пускала к миледи – это было бы ради ее безопасности. Но когда не выпускают из комнаты – уже похоже на темницу.

Сир Хамфри поразмыслил.

– Ерунда. Граф Блэкмор – вернейший человек. Двадцать лет служит его светлости...

– Его светлость умер, – отметил Джоакин.

Рыцарь подумал еще.

– Блэкмор целый час говорил со мной... Все расспрашивал – как доехали, что было в дороге, кого встречали. Если бы хотел пленить, просто бросил бы в темницу без лишних слов!

Вмешался Ланс:

– Как доехали, говоришь? Он выспрашивал, сколько человек знают о леди Аланис! Убедился, что знаем только мы. По-твоему, что случится дальше?

– Чертова тьма... – выронил Хамфри.

В дверь затарабанили:

– Это я, Берк! Впустите. Худые новости.

Они впустили, и Берк быстро заговорил:

– Блэкмор послал гонцов к приарху. Когда мы с тобой, Джо, разошлись, то я еще поторчал на подворье. И тут вижу: трое всадников на отличных конях подъезжают к воротам, и часовые отпирают, готовятся выпустить. А ты ведь говорил, что не выпускают. Я насторожился, подбежал к ним.

Спрашиваю: куда едете? Уж не в Алеридан ли? Он в ответ: не твое дело. Я начал канючить: у меня там жена осталась, очень надо весточку передать, ну очень! А сир не отпускает. Передайте весточку моей кошечке, хорошо заплачу. Сир у меня щедрый!.. Они, понятно, отказали. Сказали, в Надежду скачут, Алеридан не при чем... Да только я понял, что врут.

Сир Хамфри размышлял недолго:

– Наверх. Поговорим с миледи.

– Нас попробуют не пустить, – предупредил Джоакин.

Они надели доспехи и вооружились. Когда вышли на лестницу, снизу слышались шаги. Десяток графских воинов поднимались с первого этажа. Их командир крикнул:

– Милорд велел привести вас четверых.

– Сдается мне, ваш милорд – нам не указ, – ответил сир Хамфри.

– Значит, добром не пойдете?

Лейтенант обнажил меч. Воины Блэкмора ринулись в атаку. Их позиция была неудобна: они наступали с лестницы, снизу, а Джоакин с друзьями отбивались, стоя вверху на площадке. Двое нападавших сразу получили ранения, один упал, мешая двигаться остальным. Атака захлебнулась.

– Держите лестницу, – велел сир Хамфри. – Я за миледи.

– Ее стерегут трое.

– Ага.

Он ушел вверх. Воины Блэкмора перегруппировались и снова рванулись на штурм. Джоакин, Берк и Ланс опять от-

швырнули их. С третьего этажа донесся лязг мечей, чьи-то крики. Джоакин помнил, как бьется сир Хамфри, и был за него спокоен.

– Сдавайтесь, – предложил командир блэкморцев. – Вам деваться все равно некуда. Это единственный выход.

– Размечтался! – бросил Джоакин. – С чего бы сдаваться, когда мы побеждаем?

Враги заржали в ответ, но снова лезть на штурм не спешили. У них было уже четверо раненых, а на защитниках Аланис – ни царапины. Джоакин даже сделал несколько шагов вниз по лестнице, поигрывая мечом. Враги боязливо попятились. Но вдруг внизу послышалось движение: топот шагов, скрип, неприятно похожий на звук тетивы.

– Прячься! – крикнул Джоакин. – Арбалеты!

Кинулся вверх, на площадку, и вбок, в дверной проем. Вражеские мечники на лестнице присели, и стрелки дали залп поверх голов. Два болта вонзились в косяк у плеча Джоакина. Выругался Ланс – у него было пробито бедро. Мечники Блэкмора медленно двинулись по ступеням, стрелки за их спинами взводили арбалеты.

Как на зло, именно сейчас на верхней лестнице показался лейтенант, за его спиной шла миледи.

– Нет, сир, здесь опасно! – закричал им Ланс. – Отступайте наверх!

Враги уже выходили на площадку. Джоакин вылетел им навстречу и пнул одного. Тот потерял равновесие, скатился

вниз по лестнице под ноги остальным. Блэкморцы замешкались, и защитники ринулись вверх, на третий этаж, навстречу Хамфри и женщинам. С лестницы вбежали в коридор. Все трое, что стерегли Аланис, лежали на полу. Но это не очень утешало: через минуту сюда явится еще дюжина врагов. Куда деваться? Четыре гостевых комнаты, пара окон – все. Никакого выхода, кроме лестницы.

– У нас под окном, – сказала Софи, – был сарай...

Вошли в комнату, захлопнули дверь. Очень вовремя – в коридор уже сунулись вражеские мечники. Окно... Внизу, действительно, крыша пристройки. До нее футов двенадцать, можно спрыгнуть. Но куда дальше? Подворьем бегали люди Блэкмора, сияли факела...

Раздался удар, дверь затрещала.

– Надо прыгать, – констатировал Берк и полез на подоконник.

– Внизу нас схватят...

В комнате было светло от масляных ламп. У Джоакина мелькнула мысль. Он схватил лампу и метнул через подворье, в открытые ворота конюшни. Масло расплескалось и вспыхнуло, от него занялась солома. Испугано заржали кони.

– Отлично! – похвалил сир Хамфри.

Сорвал простыни с постелей, бросил грудой у двери и разбил вторую лампу. Огонь мигом охватил тряпье и дверь, обивку стен. Полыхнуло жаром.

– А теперь – прыгаем. Ланс!

Раненый воин выбрался на подоконник, ухнул вниз, на крышу сарая.

– Берк!

Следом за Лансом Берк юркнул в проем.

– Миледи... ваш черед.

Герцогиня, похоже, не проснулась до конца. Растерянно стояла посреди комнаты, кутаясь в собственные руки. На ней был все тот же плащ с огромным капюшоном... какой те-перь-то смысл в этой маскировке?..

– Миледи, прошу вас!

Сир Хамфри поднял ее, осторожно усадил на подоконник. Миледи сумела понять, что от нее требуется, и скользнула вниз. Ланс поймал ее. Никто не замечал беглецов: в конюшнях разгорался пожар, люди графа метались по двору. Кто-то нес воду, кто-то пытался вывести лошадей, иные просто вопили в панике.

Под ударом вылетела одна доска двери. Графский стрелок сунулся в дыру, но наткнулся на стену огня, отпрянул. Софи последовала за госпожой. Джоакин вместе с лейтенантом подбежали к окну и перемахнули через подоконник. Хорошо, что крыша пристройки была крепкой: доски застонали под ногами, но выдержали.

– Вперед, вперед!

Беглецы спрыгнули с сарая на подворье. Леди Аланис замешкалась на краю, рыцари передали ее из рук в руки, будто амфору с вином.

Очутившись во дворе, Джоакин быстро смекнул: тут опасно. Люди носились в полном хаосе, не видя друг друга, не замечая ничего, кроме пожара. Воины герцогини побежали напрямик через двор. Мимо них, не обращая внимания, пролетали воины графа с ведрами воды, топорами, лопатами... Какой-то офицер налетел прямо на Берка, заорал:

– Куда прешь? Помогай тушить!

А Берк крикнул в ответ:

– Сир, глядите: гостевой дом горит!

Офицер увидел огонь в окнах, чертыхнулся, принялся звать людей. Берк ускользнул у него из-под носа.

Джоакин увидел слуг, что выводили из пожара ошалелых от ужаса коней. Бедные лошади ржали и брыкались; у одной горела грива, и слуги пытались накрыть ее попоной; другая вырвалась и понеслась по двору, раскидывая людей. Нет уж, свою кобылку я не оставлю в беде! – решил Джоакин и ринулся к конюшням.

– Ты куда?! Не смей!.. – крикнул сир Хамфри.

– Я догоню. Догоню!..

Джоакин заметался между слуг, коней, воинов... Языки пламени, ломаные черные тени, вопли, едкий дым, шипенье воды... Как на зло, гнедая Леди все не попадалась ему, и Джоакин пробивался к конюшне, свирепея от отчаянья. В шаге от него жеребец встал на дыбы, взмахнул копытами, едва не пробив парню череп. Воин отпрыгнул, споткнулся о ведро, упал. Подхватился, проклиная человека, что уже

успел на него наступить. Рванулся ко входу в конюшню, отбрасывая с пути любого... как вдруг увидел Леди. Она выбежала из ворот, обогнув языки огня, и растерялась среди хаоса: дергалась вправо, влево, и всякий раз налетала на других лошадей.

– Хорошая моя!..

Джоакин был уже рядом с нею, но кто-то схватил его за плечо:

– Эй, а ты не из этих?..

Он с разворота ударил рукоятью кинжала в ту точку, откуда донесся голос. Человек упал с разбитым лицом, а другой замахнулся топором, но Джо нырком ушел от удара и разрядил в живот врагу кинжальное око. Потом вскочил на спину Леди. Она была без седла, но в узде. Джоакин подхватил поводья и поскакал к воротам напролом. Люди шарахались с пути, никто не пытался удержать.

У ворот дело уже было кончено. Часовые, что на свою беду не покинули пост, лежали в крови. Берк отпирал калитку, Софи вела герцогиню, сир Хамфри прикрывал тыл. Ланс успел тоже разжиться конем и, держа под уздцы, пытался успокоить.

Калитка скрипнула, Берк вырвался из замка, за ним – девушки. Будь мост поднят, беглецов ждала бы гибель... но в этой новомодной цитадели моста не было вовсе, как и рва. Джоакин пригнулся и, не сходя с лошади, вылетел на волю. Ворота миготом отсекали панику, треск пожаров, вопли людей.

В блаженной ночной прохладе лежало поле.

Сир Хамфри тоже выбежал из калитки. Последним хромал Ланс с трофейным конем, и тот артачился, задерживая рыцаря. Но конь был нужен, какое бегство без коня! Ланс, наконец, совладал с ним и подвел к калитке, ступил в проем... и тут вздрогнул, замер на миг, повалился в пыль.

– Стрелки!..

Сир Хамфри кинулся обратно к калитке. Первый арбалетчик сунулся в нее, и меч лейтенанта продырявил ему живот. Но следом подбегали другие, кто-то командовал: «Мечники – в калитку! Стрелки – на стену!.. Бейте со стены!..»

Джоакин рванулся на помощь лейтенанту, но тот крикнул: – Нет! У тебя лошадь. Бери миледи, скачи. Спаси ее!..

Берк, Хамфри, Софи... три хороших человека. А лошадь одна, а времени на сомнения – ноль. Джоакин подхватил миледи, втянул на спину кобыле, огрел каблуками лошадиные ребра. Подковы застучали по дороге, ветер дыхнул в лицо. Дважды мимо просвистели болты, пощекотав ознобом спину... Когда от замка отделяло шагов триста, Джоакин обернулся. Увидел, как раскрываются настежь ворота, выпуская в поле солдат Блэкмора, а двое мужчин и девушка бегут врассыпную через поле.

Больше он не оглядывался. Кобыла шла галопом. Он стискивал ногами гнедые бока и изо всех сил прижимал к себе леди Аланис. Сквозь платье и плащ, кольчугу и рубаху он чувствовал жар ее тела.

Перо

7-12 сентября 1774 г. от Сошествия

Первая Зима

Герцог Эрвин София Джессика положил подбородок на ладони и ждал, пока императорский посол умрет. Часовой стоял наготове с обнаженным клинком: обреченный враг может выкинуть напоследок какой-нибудь фортель.

Ворон Короны не собирался делать глупости... и не спешил умирать.

Откашлялся, вытер платочком вино с лица. Восстановил дыхание, опасливо покосился на кайра. Сказал:

– Благодарю вас, милорд. Но незачем было помогать – я бы и сам справился. Еще далек тот день, когда Марк Фрида Стенли не сможет донести кубок до рта.

Эрвин склонил голову:

– Что за чушь?.. Там не было яда?!

– Нет, милорд. Уж простите.

– Значит, он в другой чаше? Вы полагали, что я их поме-
няю?..

Вместо ответа Марк сделал глоток из второго кубка. Герцог Ориджин нахмурился:

– Но вас прислали убить меня. Не говорите, что я ошибся!

– Вы правы, милорд.

– Только что вам представился отличный шанс. Возможно, единственный. Почему не воспользовались? Смалодушничали? Струсили?

Марк усмехнулся:

– Я хотел спросить вас, милорд. Будучи мертвым, вы бы вряд ли ответили.

– Каков, а?.. – обронил герцог.

Часовой сказал нечто о мужском органе Марка, выкованном из железа.

– Да уж, дерзости вам не занимать, это точно. Хорошо, считайте, что заслужили. Задавайте вопрос.

– Собственно, их два, милорд. Первый: хороша ли в постели леди Сибил?

Против воли Эрвин хохотнул.

– А второй?

– Что произошло в Запределье?

– Ого... Два вопроса – это много, Марк. Тем более – таких. Выберите один, и я отвечу.

Ворон потер подбородок.

– Запределье, милорд. Чем владыка провинился перед вами?

– Так вы не знаете?!.. О, боги, ну конечно! Адриан не послал бы вас сюда, знай вы хоть что-то о бригаде!

– О какой бригаде, милорд?..

Вместо ответа Эрвин открыл ларец с бумагами, вынул два письма, лежавшие на самом верху.

– В Запределье, любезный Марк, произошло много интересных событий. Какое-то время я даже был склонен расстраиваться из-за них и жаловаться на судьбу... Но теперь понимаю: в сравнении с тем, что случилось в Эвергарде, мой поход в Запределье – всего лишь загородная прогулка.

Эрвин протянул послу оба письма. Странная симметрия бросилась Марку в глаза. Таким же способом владыка сообщил ему о мятеже Ориджина – не сказал сам, а велел прочесть. Будто содержание было настолько мерзко, что пересказ замарал бы уста.

Марк прочел.

Слишком много мыслей, настоящая лавина. Он попытался выбрать главное – самую суть происходящего, и не смог. Каждая фраза в каждом из писем была настолько важна, что годилась стать сутью. Конец Великих Домов. Начало абсолютной монархии. Страшная месть владыки и переворот в Альмере. Неизбежное поражение Ориджинов. Персты Вильгельма!..

Марк отложил письма и поднял глаза. Герцог, внимательно наблюдавший за ним, спросил:

– Что думаете обо всем этом?

– Думаю, милорд, – честно сказал Ворон, – на вашем месте я отказался бы от мятежа. У вас не было шансов и до Перстов, а уж теперь... Поезжайте в столицу один, молитесь о прощении, примите милосердие Янмэй. Спустя пару лет

вы умрете на каторге или на галере, но хоть спасете своих людей! Двадцать тысяч верных воинов отца – неужели вам их не жаль?

– Хотите сказать, – повел бровью герцог, – вас не смущают методы вашего господина? Ни возмущения, ни ужаса, ни упрека – ничего?..

– Хочу сказать, совесть владыки – это его совесть. Если он и должен ответить, то лишь перед Праматерью Янмэй. Не перед вами, милорд, и не передо мною.

– Ладно, – помедлив, кивнул Ориджин. – Нет смысла спорить. Пусть будет так.

– Милорд, вы обещали ответ и не дали. Что случилось в Запределье? Откуда взялась ненависть к императору?

– Запределье... Хорошо. Слушайте.

Эрвин рассказал – сухо и кратко, обрывчатыми резкими фразами, похожими на осколки стекла. На середине истории в комнату вернулся Деймон Ориджин и слушал вместе с Марком. Когда герцог умолк, кузен сказал:

– Скоро светает. Не хочешь лечь поспать?

– Что?.. – Эрвин будто не сразу вспомнил, где находится. – Спать?.. Зачем?.. Ах, ну да. Сперва нужно позаботиться о ночлеге для гостя. Кузен, выдели Марку уютнейшую из наших спален... пожалуй, в северном рукаве подземелья.

Усмешка Деймона наполнила Марка отвратным предчувствием.

– Милорд, мы послы... – напомнил он герцогу.

– Вот как!.. Кайр, будьте добры, осмотрите манжеты и ворот любезного посла. Найдите капсулы с ядом, предназначенным мне в дар. Затем проводите посла в камеру. Деймон, разбуди кастеляна, пусть назначит лучших мастеров допроса – посменно на будущие трое суток. И, конечно, не давайте нашему гостю сомкнуть глаз. Ни на минуту.

Часовой деловито ощупал ткань камзола, сорвал с манжет обе пустотелые пуговицы, выдернул из ворота крохотный пузырек. У Марка было несколько секунд, чтобы попытаться раскусить капсулу... Он не сделал этого. Замер, глядел на Эрвина, не веря в происходящее.

– Милорд, вы же знаете, что пытки – худший из способов допроса?

– Конечно, Марк, – с ноткой извинения ответил герцог. – И не подумайте, что я на вас в обиде... Но ведь вы – первый хитрец Империи. У меня нет мастеров, кто смог бы распознать вашу ложь. Так что остается лишь один способ.

Он махнул часовому, тот рывком поднял Марка на ноги.

– Милорд, мы должны подтвердить законность передачи...

– С этим прекрасно справится Итан Гледис. Держу пари, у него не было яда. К тому же, он дворянин, в отличие от вас.

* * *

– Где стоят искровые полки? Каковы планы императора?

Что ты знаешь о бригаде Пауля?..

Есть такой способ допроса: на износ. Самый длительный и трудный для дознавателя, но единственно эффективный, когда имеешь дело с крепким орешком.

Начинается с очень слабой боли: иглы, капель щелока. Неторопливо, размеренно, осторожно. Поверхность тела узника следует беречь, ее должно хватить на несколько суток. Нет задачи запугать или сломить – при данном методе не это главное. Есть задача – держать узника в состоянии непрерывного изнуряющего напряжения. И, конечно, не давать уснуть.

Раз за разом дознаватель ставит вопросы. Одни и те же, бесконечным повтором:

– Где искровые полки? Кто командует? Каковы планы императора?..

Поначалу узник молчит. Не знает, как вести себя. Надеется молчать как можно дольше. Вытерпеть пару лишних часов – узник почему-то считает это успехом. Но дознаватель и не добивается ответов. Все, что скажет или не скажет узник в первые сутки, не имеет значения. Вопросы ставятся лишь затем, чтобы приучить к ним жертву. Узник должен знать: в мире есть только боль и вопросы – ничего иного.

– Где стоят полки? Что ты знаешь о бригаде Пауля? Сколько есть говорящих Предметов?..

Узник молчит. Дознаватель роняет капли щелока на ко-

жу связанного. Следит за лицом: узник не должен расслабляться. Ко всякой боли человек со временем привыкает, и это становится заметно: уходит напряжение мышц, тускнеют зрачки. Тогда воздействие нужно усилить. Проходит час за часом...

В какой-то момент узник открывает рот. Говорит:

– Хватит, прекратите! Я все расскажу, не надо больше.

Это ложь, он еще очень далек от предела. Дознаватель не раз видел людей на пределе. Если дать узнику слово, он начнет врать. Стоит ли тратить время и бумагу?..

– Где находится бригада? Что ты знаешь о Перстах Вильгельма?.. – повторяет дознаватель, но едва узник собирается ответить, как в рот ему вгоняют кляп. Затем присыпают солью нанесенные прежде ранки и уходят. Тюремщикам тоже нужен отдых.

Спустя недолгое время является другой дознаватель – на смену. Смотрит в помутневшие глаза узника. Тот впал в дремоту, а это недопустимо. Дознаватель берет что-то со стола и что-то делает со стопой узника...

– Где стоят полки? Что ты знаешь о бригаде? Сколько Перстов в распоряжении владыки?

Узник давится беззвучным воплем, дознаватель не спешит вынимать кляп. Кому охотаглохнуть от крика? Неторопливо делает свое дело. В ход идет нечто тонкое и зубренное. Сила воздействия нарастает медленно. Куда спешить? Еще только первые сутки...

Трижды узник почти впадает в забытье. Дознаватель вовремя замечает и меняет инструмент. Человек склонен привыкать к силе и характеру боли, потому необходимы перемены. Вопросы, однако, остаются прежними. Сливаются в атональную музыку вместе со скрипами железа и сопением узника.

– Где стоят полки? Каковы планы императора? Сколько поездов?..

Ему вынимают кляп и льют в глотку холодную воду. Когда поток иссякает, узник принимается сыпать словами:

– Полк Бесстрашный – под Излучиной, Несокрушимый и Стремительный – около...

Дознаватель качает головой и сует в огонь железный прут. Пока он греется, узник успевает выпалить еще десяток фраз. Все ложь, естественно, либо неважные детали. Предел еще очень, очень далек, пусть узнику и кажется иначе.

Прут с шипением ложится на кожу. Помощник палача сует в рот жертве кляп, чтобы не слышать воплей. Дальше все происходит в деловитой тишине. Еще час, еще, еще...

– Где находится бригада?.. Каковы планы?..

Тьма и огонь сменяют друг друга, раскачиваясь, как маятник. Перерыв – узник валится в темноту, в беспомыслие. Новая вспышка боли тут же вытаскивает его обратно, на багровую поверхность. Сотая вспышка. Двухсотая. Дознаватель вновь сменяется. Идут вторые сутки.

– Где стоят полки?.. Что ты знаешь о бригаде?..

Узник не знает о бригаде. Он не знает, как его зовут, и где находится, и когда это началось. Зато знает, когда кончится: никогда. Каждый раз, когда опускаются веки, это так похоже на конец... И всякий раз вспышка тащит его назад. Бесконечность.

Тело устает от боли и деревенеет, покрывается корой. Чтобы вырвать узника из забытья, нужны все более сильные инструменты. Он не видит, но чувствует. Закрывает глаза, падает в темноту... тут же возвращается, давясь криком. Все вокруг – цвета крови.

– Сколько Перстов у Адриана?..

Узник в очередной раз блюет. Желудок давно уже пуст, но дознаватель, как и прежде в таких случаях, выдергивает кляп. Нельзя, чтобы узник захлебнулся.

Он срыгивает желчь и шепчет:

– Убейте... Расскажу – и убейте.

– Сколько Перстов у владыки? – спрашивает дознаватель.

– Я не знаю...

Кляп движется ко рту, узник орет:

– Правда, не знаю! Ни о Перстах, ни о бригаде! Скажу другое! Бесстрашным полком командует Дейк Уитерс, он из Надежды, хорош с пехотой, но мало имел дела с кавалерией. Несокрушимым...

Дознаватель слушает несколько минут, а потом качает головой. Слишком складно, слишком быстро. Еще не предел. Человек на пределе неспособен говорить так.

– Нет! Нееееет! – орет узник. Кляп разжимает его челюсти, вкус крови и кожи на языке.

Дознаватель дробит узнику палец. Сменяется. Приходит первый. Начинаются третьи сутки.

Время пульсирует.

Вверх и вниз. Провалы все глубже и чернее. На поверхности – кровь. Крах, хруст, треск, дробь...

– Где стоят... планы владыки... о бригаде?..

Узник больше не закрывает глаза. Обрел способность слепнуть с открытыми зрачками. Дознаватель упускает первый такой момент, и узник успевает проспять несколько минут. Заметив, палач возвращает его калеными клещами. По часам замеряет, сколько времени нужно узнику, чтобы стерпеться с новой пыткой. Очень мало. Считанные минуты.

Он извлекает кляп.

– Где стоят полки? Каковы планы императора?

Узник долго дышит ртом. Речь теперь стоит таких усилий, что узник не сразу справляется. Выдыхает обрывчатые звуки, хрипит. Сплевывает пену. Ценой огромного напряжения цедит слова:

– Полк Бесстрашный стоит у тебя... в заднице. План владыки – поймать твоего герцога. Его разденут... как шлюху... и приведут мула.

Узник описывает любовные утехы герцога с мулом. Дознаватель слушает, держа клещи над лицом жертвы. Одно резкое движение – и узник отправится туда, откуда не вытащит

уже никакая боль. Он и надеется на это... но палач остается спокоен.

– А сестра герцога, – выхаркивает узник, – первая шлюха в столице. У нее между ног...

Палач вводит кляп. Делает два надреза на предплечье узника и срывает длинный узкий лоскут кожи. Показывает жертве, швыряет в огонь.

Узник уходит.

И возвращается.

Не ясно, как... Как это удалось дознавателю...

Что он сделал...

Что происходит...

Время теперь – пакля, рваная бумага.

Куски больше не связаны...

– Где... полки?..

...ничем. Провалы...

– планы... император...

...разделены пустотой. Там ни...

– ...сколько Предметов?..

...чувств, ни мыслей. Мозг...

– ...что ты знаешь о...

...угасает. Это...

– ...пора говорить.

...предел.

Кляп исчезает изо рта. Узник говорит.

Клочками.

Правду.

Какая тут ложь.

* * *

– Проснись!

Ведро воды обрушилось на голову Марка. Он застонал, накрыл лицо руками.

– Проснись, говорю, – повторил тюремщик, тыча пленника сапогом под ребра.

– Зачем? Подали утренний кофе?.. Привели девочек?..

– К тебе гость.

Тюремщик ухватил и поволок Марка в угол.

– Гость? Милостивый герцог прислал лекаря?

– Лекарь был ночью, дубина. Ни черта не помнишь.

Тюремщик надел ему на руки кандалы, прикованные цепью к стене. Марк с удивлением оглядел собственное тело. На ранах – свежие повязки, ожоги смазаны чем-то белым, раздробленные пальцы зажаты в колодки. Действительно, поработал лекарь... Я еще нужен живым. Знать бы, за чем...

– Долго я спал?

– Какая разница?.. – буркнул тюремщик, выходя. Снаружи донесся куда более вежливый голос: – Готово, ваша милость. Прошу.

Сквозь два квадратных оконца в потолке вливалось достаточно света, чтобы Марк сразу разглядел гостя. Белолицый граф Виттор Шейланд несмело вступил в камеру, скривился от брезгливости и страха. Смердело блевотиной, мочой и кровью. Пол темнел от какой-то бурой дряни. Сам пленник, надо полагать, также не услаждал графского взора.

Он выдавил усмешку:

– Милорд, простите, у меня слегка не убрано. Хотите – подождите снаружи, позову горничную...

– Здравствуйте, Марк.

– Здравствую изо всех сил, как видите. Стараниями милейшего герцога Эрвина.

Шейланд прошел в камеру, огляделся в поисках стула. Не найдя, кликнул охранника. Тот принес табурет, и Виттор осторожно опустился на сиденье.

– Закройте дверь, – велел он, и оранжировский тюремщик почему-то послушался приказа.

Граф и Ворон остались наедине.

– Герцог не желает вам смерти, – сказал граф.

– Я тронут его добротой!..

– Надеюсь, вас порадует это известие.

– А я и радуюсь. Просто улыбаться больно – вчера так хохотал, что челюсти устали.

Граф вынул бумажный сверточек, положил на пол и раскрыл. Внутри оказалась горсть прессованных порошков.

– Они утоляют боль, – пояснил граф.

– Угу... Раз и навсегда, полагаю?

Шейланд проглотил одну из пилюль. Марк ухмыльнулся:

– Ага, теперь я понял. Это такая игра: злой лорд и добрый лорд. Очень эффективно: сердце узника прямо наполняется теплом! Видите слезы умиления на моих глазах? Еще нет? Потерпите, сейчас появятся!..

– Марк, зачем вы так?..

– Я бы непременно разоткровенничался с вами, любезный граф. Но вот незадача: люди Ориджина уже вытрясли из меня все. Ступайте, прочтите протоколы, там все есть. Про Фаунтерру, про полки, про офицеров, про надежных собачек, про трусливых собачек... Про то, с кем я сплю, что ем, когда испражняюсь... Будь у меня прыщи в промежности – это тоже попало бы в отчет.

– Марк, послушайте меня...

– А куда же я, собственно, денусь? – захохотал пленник. – Можете говорить сколько угодно, хоть до самого Дня Сошествия!

Граф Шейланд тяжело вздохнул.

– Марк, мне нужна ваша помощь. Я пришел не пытаться, а просить.

– Почему вы не назвали меня, например, Джоном? Тогда ваша фраза была бы идеальна: без единого слова правды.

Витгор Шейланд подтащил табурет ближе к узнику, сел, придвинулся к самому уху Марка.

– Прекрати паясничать, недоумок. Тебя, вроде, не били по

голове – так напрягись и подумай ею. Я с дюжиной эскорта оказался в Первой Зиме именно тогда, когда этому больному самоубийце вздумалось поднять мятеж. Каковы мои шансы уйти отсюда живым? А какие шансы остаться в живых, когда Адриан размолотит войско Эрвина и примется за его союзников?.. Да, идиот, мне нужна твоя помощь! И коли мягкость тебе не по вкусу, обойдусь без нее.

Марк хмыкнул.

– Теперь звучит искренне, милорд. Но если уж напрячься и подумать... то вы можете обратиться прямо к Ориджину. Он легко отпустит вас в обмен на безопасность Ионы. Ориджин обожает сестру – не говорите, что не знаете этого.

– Есть проблема. Иона не хочет уезжать. И я не хочу... без нее. Когда Эрвина вздернут на площади Праотцов, я не желаю, чтобы моя жена оказалась в соседней петле. Понимаете?

– Вам нужен способ убедить владыку помиловать не только вас, но и Иону?

– Да.

– Думаете, я знаю такой?

– Если кто-то знает, то это – вы.

Марк прокашлялся, помотал головой. Она была отвратительно тяжелой. Сквозь дыры в потолке лился розоватый свет – стало быть, сейчас закат. Когда все кончилось, тоже был закат. Он проспал круглые сутки, а может, и двое. В башке – мокрая вата. А подумать нужно... прямо сейчас.

– Дайте воды, милорд... Кажется, вон там, в миске.

Шейланд принес, Марк зачерпнул и умылся. Лицо и ладони вспыхнули. По рисунку боли можно было разглядеть все раны – как в зеркале. Зачерпнул еще, напился. Попросил платок, протер глаза. Кофе бы выпить... как любила Минерва.

Послушница монастыря Ульяны Печальной. Первая наследница престола. Необходимая жертва заговора.

Герцог Ориджин и леди Сибил Нортвуд – кто они друг другу? Союзники? Любовники? Уж точно, не враги – в это не поверю. Слишком лукавым было лицо Эрвина, когда говорил о ней. Может ли быть так, что весь мятеж Ориджина – обходной маневр, обманка? Главный удар готовится не на поле боя, а в коридорах дворца. Медведица найдет способ убить Адриана и посадить на престол свою дочь. А Эрвин заявит, что мир теперь спасен от гнета тирана, и уничтожит любого, кто думает иначе. Вероятный ход событий? Вполне. Достаточно вероятный, чтобы учитывать это.

– Каково решение, Марк? – поторопил граф.

– Не мешайте. Вы велели подумать – вот и думаю.

Нужно предупредить Адриана. Как? Если Итан доберется до столицы... а если нет? Герцог обещал отпустить его... а если солгал? Нужно выбраться самому... ха-ха. Благодарю, дружище, отличная идея! Сам ни за что бы не догадался!

Сказать Эрвину? Ведь я промолчал о подмене невест. Черт, это уж я точно помню. Чудеса случаются редко, сложно забыть! Каким-то чудом я скрыл, что знаю о подмене. А

может, стоило сказать? Нет, чушь. Если Эрвин – союзник Сибил, то он и так знает. А если нет, то использует сведения для шантажа и перетащит Нортвуд на свою сторону. Ему говорить нельзя. Нужно – Адриану.

Нужно выбраться. Тьма!..

Выбраться и дать знать владыке.

Попытаться выбраться.

Попытаться дать знать.

– Так что же? – нетерпеливо процедил Шейланд.

– Подумал, – сказал Марк.

– И?..

– Нет, – сказал Марк. – Ничем не могу помочь.

Граф резко схватил его за шею и подтащил к себе.

– Ты меня не понял. Я видел, как герцог читал отчеты. Он был чертовски доволен. Он уверен, что ты сказал все. Он, тьма сожри, собирается оставить тебя в покое. Ты не выйдешь из камеры, но будешь жить – дышать, пить, есть, ходить из угла в угол. Так планирует герцог... Но я могу превратить твою жизнь во тьму! Тебе сломали всего несколько косточек? Говорят, в человеческом теле их больше двухсот.

Ворон прохрипел с кривой ухмылкой:

– Я не знаю, что сделать для вас.

– Ты все еще не понял. То был кнут, а теперь – пряник.

Поможешь мне – вытащу тебя отсюда.

Он разжал пальцы, выпуская горло узника.

– Бред, – сплюнул Марк. – Вы, может, купили одного

стражника, но осталось еще несколько сотен.

– И все они подчинятся приказу герцога.

– А герцог подчинится вам?.. Хватит выдумывать.

– Как ты верно подметил, герцог обожает сестру. Если она попросит, он отпустит тебя.

– Даже не знаю... – замялся Марк.

– Слово лорда: дай мне то, что нужно, и выйдешь на свободу. Мы с женой устроим это.

Ворон сделал паузу, придвинулся к уху графа:

– Монастырь Ульяны Печальной на западе Альмеры. Ваш вассал помещен туда без вашего согласия. Весьма ценный вассал. Спасите его и познакомьте с императором – владыка будет вам безмерно благодарен.

– Какой еще вассал?..

– Увидите, когда окажетесь в монастыре.

– Скажи сейчас!

– Сделайте, что обещали. Затем поезжайте в монастырь, там все узнаете. А попробуете выпытать силой – стану орать так, что услышит даже герцог в своей башне. И тогда, поверьте, тайна потеряет для вас всякую ценность.

Граф, помедлив, кивнул:

– Хорошо, уговор.

И крикнул стражнику:

– Отпирай!

Хорошо, когда есть надежда. Появляются силы терпеть. Многое. Полумрак, боль в каждом дюйме тела. Трясину.

Вечером того дня снова пришел лекарь. Осмотрел и смазал раны, поцокал языком над полоской содранной кожи. Дал выпить безвкусного раствора, сказал: будешь спать, но поправишься быстрее.

Марк провалился в темень. Непохоже было на сон. Больше – на свечу: будто задули, и чувства погасли. Это, пожалуй, к лучшему: в забытьи боль не чувствовалась. Ненадолго очнулся, выпил воды, провалился снова. Так повторялось не раз.

Выныривал рывками, с криком. Казалось: сейчас начнется. Иногда казалось, что чувствует клещи или слышит голос: – Где стоят полки?..

Вопил, катался по полу, покрывался ледяным потом прежде, чем осознавал: он один. В камере никого. Оконца в потолке, тусклый свет, миска с водой. Сухари и каша.

Он долго не притрагивался к пище. Сама мысль о еде не приходила в голову. Мертвецам не нужно...

Только подползал к миске и пил по-собачьи. Снова угасал. День на третий после... или на пятый... тщательно ощущал и осмотрел себя. «В том объекте, что останется от вашего тела...» Он с удивлением обнаружил, как мало потерял.

Ноги и руки действовали, глаза и уши остались на месте. Переломаны четыре пальца: три на левой, один на правой. Кожу покрывала сетка ранений, но серьезным было лишь одно: полоска голого мяса на руке. Стараньями лекаря она не гнила, только болела так, что хоть вой. Без боли в какой-нибудь части тела нельзя было ни сесть, ни лечь, ни почесаться... но Звезда осталась на положенном ей месте – на небе. Очень далеко от брэнного тела узника.

Он решился поесть.

Поспал и поел вновь.

Поспал – поел.

Поспал.

В этот раз сумел проснуться без крика. Что-то светлое чувствовалось на душе. Надежда?..

Он принялся учиться ходить. Было сложно: стопы оказались продырявлены гвоздями или чем-то вроде... Однако ходить нужно. Он не мог вспомнить, зачем. Знал только, что нужно, – вот и ходил. Сгибал дубовые ноги, становился то на пальцы, то на пятку, подвывал.

Нашел горсть пилюль в углу и вспомнил: это что-то хорошее. Проглотил одну. Спустя сколько-то минут боль отупела и почти перестала досаждать. Он расхаживал из угла в угол все тверже с каждым шагом и думал надежду. Она походила на тепло от печки. Об нее можно было погреться.

Тепло. Надежда.

Долгое время это была единственная мысль, доступная

сознанию.

Он ходил по камере, разминал ноги. Пил воду. Ел кашу, когда приносили. Глотал пилюли, когда хотел отдохнуть. Спал.

Был день восьмой или десятый, когда он проснулся с мыслью: нужно выбраться отсюда. И разом, зажегшись от этой мысли, как искровая люстра от поворота рычажка, ожило все остальное. Пансион Елены – подмена невест – заговор Сибил – мятеж Эрвина – Персты Вильгельма – всемогущий Адриан – Запределье – пытки – обещание графа. Нужно выбираться.

Почему? Теперь он это видел. Атака на Эвергард резко повысила ставки. Адриан решил упразднить Палату и приручить Великие Дома. Если в планы Сибил Нортвуд входило цареубийство, то она предпримет его в ближайшее время. Власть унаследует Глория под именем Минервы Стагфорт, а Великие Дома, одуревшие от счастья, присягнут ей на верность. Если кто и поставит под сомнение власть медвежьей дочки, то ему придется иметь дело с батальонами Ориджина. Очень действенный план. Потому нужно выбраться. Предупредить владыку.

Этой цели послужит граф Шейланд. Оглядываясь в прошлое, осторожно задевая взглядом черную трехдневную яму, Марк не мог не радоваться двум вещам. Первое: ориджинские палачи не догадались спросить о Минерве! Пытались о том, что было им важно: армии, полководцы, диспозиции, и Марк выложил в итоге все, что только мог вспом-

нить... но о Минерве они не спросили!

И второе: разговор с графом Шейландом. Конечно, Виттор не лгал. Конечно, он мечтает выбраться живым из переделки и найти способ подольститься к Адриану! Кто бы не мечтал на его месте?! Конечно, в теплой постельке, между порциями ласк, он замолвит словечко перед женошкой, а та следующим днем пойдет к своему дражайшему братцу...

Нет, конечно, Ворон не строил иллюзий: никто не отпустит его на свободу. Чхать на слово чести, таких пленников не отпускают. Но граф выпросит его в свое распоряжение. Эрвин отдаст: Марк теперь бесполезен для него, как выжатый лимон. А граф возьмет: ведь куда лучше иметь двух заложников в подарок Адриану, чем одну лишь обманщицу-Минерву! Граф не знает о размолвке Ворона с императором. Граф считает Марка ценным помощником владыки. И главное: представ перед императором, Марк сможет подтвердить, что граф ни сном, ни духом не собирался поддерживать мятеж. Граф – жертва обстоятельств, и только! Ворон скажет это – владыка поверит.

Нужно учиться ходить.

До графской столицы, Уэймара, неблизкий путь. Карета – северный порт – морское судно – Предлесье – речное судно... Граф сам сказал, что его эскорт хилый. А корабль – не темница, доски – не камни... Давай, граф, шепчи на ухо своей красотке! Давай, принцесса Севера, иди к брату, тяни за ниточки! А я, тем временем, вспомню, как ходить. И пла-

вать. И драться, если понадобится.

Корабль – не темница... Совсем другое дело.

* * *

– К тебе пришли, – сказал тюремщик. В этот раз не было ни пинка, ни ведра воды. И голос звучал как-то странно.

Марк сел. Стражник вставил факел в кольцо на стене и сковал пленнику руки.

– Входите, ваша светлость, – сказал он этим вот странным голосом.

Вошла девушка в шелковом алом платье, того же цвета перо украшало прическу. Она несла в руке кувшин, а в другой – вазу с фруктами. Тонкий хрусталь в серебристых узорах. Ваза. С фруктами.

Марк не смог придумать шутку.

– Миледи...

– Ступайте, – сказала леди Иона София Джессика тюремщику и поставила дары на пол у ног Ворона. – Здравия вам, Марк. Как ваше самочувствие?

– Миледи... – повторил он растерянно.

– В кувшине вино, – продолжила девушка. – Когда уйду, оно все еще будет горячим. Я хочу, чтобы в вашей жизни стало чуть меньше страданий.

Марк промолчал. Чувство было такое, будто он внезапно разучился говорить по-человечески, и потому не понимает

ни слова.

– Эрвин поведал, что вы не знали о злодействах Адриана и не повинны ни в чем, кроме преданности вашему господину. Мы не хотим причинять вам боли сверх той, что была необходима.

– Ах, как любезно, – процедил Марк. Леди Иона не уловила сарказма.

– Я распорядилась: вас теперь станут кормить с солдатской кухни. Будут овощи и свежий хлеб, иногда мясо и эль. Станут кормить?.. Марк насторожился.

– Вам принесут новую одежду и теплую воду, чтобы омыться. Раз в три дня вас будет осматривать лекарь. Или чаще, если понадобится.

Будет осматривать? Раз в три дня?! Какие еще три дня? Разве ты не пришла меня освободить?!

– Хотите чего-нибудь еще? Может быть, книгу и свечу?..

– Миледи, – не вытерпел Ворон, – что ваш муж говорил обо мне?

– Муж?.. – ее брови поползли вверх. – Ничего. Почему он должен говорить о вас?..

Вот гад! Хитрый подонок!

– Нет, сударь, муж и не знает, что вы здесь... Мне рассказал о вас Эрвин. Он восхищается вашей смелостью...

Марк скрипнул зубами, силясь скрыть досаду. Наткнулся глазами на вазу, с трудом подавил желание разбить ее к чертям. Леди Иона проследила взгляд узника.

– Я надеялась чем-то скрасить вашу жизнь... Понимаю, что одних фруктов мало.

– Ну, что вы!..

– Когда была на вашем месте, мне больше всего не доставало ярких цветов. Многое отдала бы за букет хризантем или азалий. Темница так сера и сумрачна... это самое худшее.

– На моем месте?.. О чем вы, миледи?

– Моя бабушка – леди Джессика – долго была заложницей в Рейсе. Однажды я решила узнать, каково это, и попросила запереть меня в темнице на две недели.

– Отец не сказал, что вы свихнулись?

– Отец сказал, что леди Ориджин должна быть готова ко всему, и с радостью выполнил просьбу.

– И вас кормили той же дрянью, что меня?

– Конечно. Иначе в чем смысл?

– А как на счет пыток, миледи? – ехидно обронил Марк. – Иглы под ногти?.. Каленые клещи?.. Щелок на грудь?.. Леди Ориджин должна быть готова ко всему, разве нет?

Иона пожала плечами:

– Я просила, но отец запретил.

– Вы насмехаетесь надо мною? – воскликнул Ворон, хотя и знал ответ. Никакой издевки, просто она сумасшедшая – вот и все.

– Мне неприятно, если вы так считаете. Я пришла затем, чтобы помочь. Не смейте мне не верить!

– Хотите помочь, миледи? – усмехнулся Марк. – Так от-

пустите меня. Что вам стоит?

– Этого я не могу.

– Неужели? Вы же Северная Принцесса! Тут все впадают в экстаз от одного звука вашего имени. Леди Иона-аа!.. А-ааах!.. Прикажите любому – и он выполнит со слезами счастья на лице.

Девушка нахмурилась.

– Темница – не повод забыть о приличиях, сударь.

– Простите мою грубость – обстановка располагает, знаете ли... Так что скажете на счет свободы?

– Я не могу отпустить вас, – покачала головой Иона, – ведь тогда вы отправитесь к императору и доложите обо всем, что здесь узнали. Нам с Эрвином не хотелось бы этого.

Ну, еще бы!.. «Нам с Эрвином», видите ли! Проклятый лжец Шейланд хоть каким-то боком участвует в этом «нам»?!

Ладно, по крайней мере, он не сказал ей о монастыре Ульяны, а это уже хорошо. Есть шанс, что Шейланд отдаст Минерву владыке, а не мятежнику.

– Тогда хоть выделите комнату получше. Мне здесь немножко тесно, сложно будет насладиться вкусом фруктов.

– Эта и есть лучшая, сударь. Те, что похуже, размером чуть больше могилы, в них вечная темень и запах тлена.

Марк не стал выяснять, откуда она это знает.

– А когда вы берете в плен первородных, тоже бросаете их в каменные гробы?

– Первородные дают слово, что не попытаются бежать, и живут в обычных гостевых покоях, гуляют во дворе, едят в трапезной. Но вы же не дворянин, Марк.

– Разве это имеет значение?

Леди Иона округлила глаза в искреннем удивлении.

– Не понимаю, о чем вы... Но так или иначе, не горюйте.

Вы недолго останетесь в темнице.

– Простите?..

– Война будет короткой, сударь. Вы и сами это знаете.

Вот теперь уже его глаза полезли на лоб. Он-то не сомневался в скорой победе Адриана, но был уверен, что Ориджини питают иллюзии. Иначе зачем бы им лезть на рожон!..

– Миледи, я не могу понять. Возможно, вам по душе страдания – темницы, булавки под ногти, все такое... Может, вы мечтаете перерезать запястья и умереть в ореоле кровавой пены. Белое платье очень подошло бы – девичий трупик роскошно смотрится в нем... Но ваш брат – другой человек! Голову даю на отсечение: лорд Эрвин не хочет ни умирать, ни страдать! Пожалейте его. Если знаете, как и я, кто победит в этой войне, то отговорите брата. Сдайтесь сейчас, и Адриан вас помилует.

Леди Иона туманно улыбнулась.

– Не держите зла на Эрвина. Он не гневается на вас из-за яда – простите и вы. Когда мы возьмем Фаунтерру, нам понадобится глава тайной стражи. Соглашайтесь служить брату, и он вернет вам свободу и должность. Это случится не

позже, чем кончится год.

– Вы? Возьмете?! Фаунтерру?!

Леди Иона не отвечала – спокойно смотрела на пленника и ждала продолжения. Здесь бы стодила какая-нибудь острога, желательно – из самых едких... Но отчего-то колкости не лезли в голову.

– Миледи, вы понимаете, о чем говорите? У императора пятнадцать искровых полков, шесть – гвардейских, четыре – кавалерийских. Под его флагами выступят и рыцари Южного Пути – это еще...

– ...пять тысяч тяжелых всадников и около сорока тысяч пехоты. В пансионе мы заучивали наизусть военную силу каждой земли.

– А вы изучали, кто такие искровики? Разбирали устройство копья с очами? Видели, как падает на землю тяжеленный рыцарь в полной броне от одного-единственного касания?!

– Многие девушки в пансионе никогда не видели поединков. Им было легко запомнить численность, но сложно понять, чем мечник отличается от алебардщика или секироносца. Леди-наставница Франческа говорила для ясности: считайте, что пехотинец Южного Пути – хорек, грей Ориджина – волк, а искровик императора – кобра. Я знаю соотношение сил, сударь.

И вдруг он ощутил бешенство. Глупо злиться на умалишенную, но под ребрами закипела злость. Ты должна бо-

яться! Детка, до конца года умрешь и ты, и твой братик, и отец с матерью, и все, кто тебе дорог. Счастье тем из вас, кто умрет быстро. Дочь кайра, внучка кайра, прапра-чертова-правнучка кайра – ты все равно девчонка, и должна испытывать страх!

– Стало быть, – проскрежетал Ворон, – вы понимаете, что у каждой кобры – три ядовитых зуба, убивающих одним касанием? Прежде, чем разрядятся копейные очи, прежде, чем бой хотя бы станет равным, вы уже потеряете сорок пять тысяч солдат! Это вдвое больше всей вашей армии!

– Я чувствую, что расстраиваю вас... – грустно произнесла Иона. – Это неприятно. Полагаю, лучше мне уйти.

– Ответьте: почему вы верите в победу?! Вас сотрут в порошок! Как вы можете этого не видеть?

Вместо ответа Иона сказала:

– Неужели вы не помните, кто я?..

Стражник открыл перед нею дверь. Когда она вышла, Марк с огромным удовольствием швырнул вазу в стену.

Стрела

10 сентября 1774 г. от Сошествия

Первая Зима

Последний день... До чего же мерзко звучит!

Последний день в Первой Зиме. Завтра войско северян выступит в поход: сквозь Южный Путь на Фаунтерру.

Ночью Эрвин почти не спал. Старый добрый ордж отказался помочь. Тревога никуда не делась, преспокойно улеглась в постель Эрвина. Обняла, как нежная альтисса, поцеловала в шею и принялась нашептывать – ласково, вкрадчиво.

Ты – великий человек, мой дорогой! Ты войдешь в историю, о тебе напишут книги. Непременно напишут, и сколько!.. Многие века поэты и драматурги будут вдохновляться тобой. Послушай только!..

Двадцати четырех лет от роду Эрвин унаследовал процветающее герцогство Ориджин. Не больно-то оно процветает, но это мы с тобой знаем, а в веках сотрется. Процветающая земля, могучее войско, преданные вассалы, священная Первая Зима – такие слова любят поэты. Эрвин София Джессика поставил на карту все, даже собственную жизнь, и бросил вызов жестокому императору! Роскошно звучит, правда?.. Послушай только, что будет дальше! Слуш-шай дальш-

ше, слушш-шай, – пришептывала тревога, покусывая мочку эрвинова уха.

Молодой герцог повел войско на юг отчаянным решительным маршем. Южный Путь разлетелся на части под ударом. Пали морские порты, рухнул Лабелин. Северяне наступали вместе с зимою. Ледяные ветры спустились с Кристальных Гор, хлынули на юг, неся с собою снега и морозы. Метель была авангардом северного войска, а следом за нею приходили кайры. Очень поэтично, правда, любимый? Тебе нравится образ?..

Тревога заглядывала в глаза, кончиком языка касалась губ Эрвина...

– Поди прочь!.. Исчезни! Спать хочу.

Не хочешшшь, – шептала она, – слушшшшай. На заре нового года Эрвин Смелый – так его прозвали – сошелся в битве с Адрианом Жестоким. Кайры бились так, как никогда прежде. Самая лютая метель не сравнилась бы с их яростью, а горные ледники позавидовали бы их хладнокровию.

Но судьба Эрвина была предрешена. Любовь моя, каково звучанье этих слов! Они поражают до самой глубины души. Судьба предрешена – почувствуй, попробуй на вкус! Подумай: ведь Эрвин с самого начала понимал это! Со дня, как выступил в поход... нет, раньше, когда писал ультиматум... нет, глупость! Еще только вернулся из Запределья, едва увидел хворого отца – уже знал, что ничего не изменить! Судьба предрешена! Сделать то, что должно, пройти весь начертан-

ный путь, от самого начала зная: в конце ждет только гибель. Скажи мне, какой поэт не захочет спеть об этом, какая девушка не зарыдает? Даже я плачу, мой милый! Чувствуешь слезы?

Тревога терлась щекою о его лицо. Ее кожа была холодной, влажной, рыхлой. Эрвину вспомнились трупы на мысу Реки... Вскочил, зажег свет. Уселся на подоконник с кубком орджа. Снаружи звучали голоса часовых:

– Вторая южная... Надвратная... Склады...

Тревога уселась на пол у его ног, обняла его лодыжки, лизнула скользким мертвецким языком. От касания бросало в дрожь.

Сладкий мой Эрвин... какая развязка тебе по вкусу? Давай выберем вместе, помечтаем. Площадь Праотцов в Фаунтерре, растворение щелоком. Вся столица увидит твой последний час – о, величие страданья! Хочешь, хочешшшь? Или бросишься в бой первым при решающем сражении, наткнешься на искровой удар? Мгновенье – и Звезда... Скука, скука! Погибнуть первым – как тоскливо! Не увидеть ослепительного своего поражения, не насладиться предсмертным блеском!

Тревога беззастенчиво целовала ноги Эрвина, сладко ворковала. Пожалуй, лучше, лучшissime будет бежать в Первую Зиму. С горсткою выживших воинов укрыться в цитадели, попытаться удержать последнюю твердыню. Представь дни ожидания, пока Адриан ползет на север, сжигая твои горо-

да. Представь череду голубей: один за другим падают замки, гибнут вассалы. И вот, кроме скудного гарнизона, остаешься только ты и сестра. Конечно, и я буду с вами, конечно, любимый! А потом, одной ночью, слепящая вспышка, огненный удар. Пылают люди, трещат от жара каменные стены... Вам с Ионой нужно спать на вершине башни. Прежде, чем огонь доберется до вас, прыгнете вниз, взявшись за руки. Любимые дети Агаты, краса и гордость Севера погибнут вместе, и их тела поглотит божественный огонь Перстов... Роскошно, душа моя! Как хорошо, что я буду с тобою до последнего мига! Как хорошшо...

Эрвин проснулся на подоконнике. Замерзший, с хрустом распрямил спину, поморщился от боли. Тьма, так же нельзя! Что с тобою, лорд Ориджин? Это еще даже не война! А что на войне будет? От страха упадешь в обморок при виде вражеского войска?.. Нет, раньше: при виде квадратика, которым враг обозначен на карте!

Взбодрись! Хлебни соку змей-травы!

Он принялся одеваться. Мысль не покидала: змей-травы бы. Отличная штука! Мигом прочищает голову...

* * *

Змей-травы не было. Имелся кайр Джеμισ. Под определенным углом зрения, разница невелика.

«Клинок» деревянного меча в руках Джемиса слегка приплясывал – будто заигрывал с противником или маялся от скуки.

– Атакуйте, милорд.

Эрвин отложил тренировочный меч.

– Кайр, сегодня, по особому случаю, сразимся на боевых.

Джемис взвесил деревяшку на ладони с таким видом, будто размышлял: не врезать ли Эрвину по лбу прямо сейчас – для очистки разума от непотребств.

– Скверная мысль, милорд. Мне она не по душе.

– Я же не прошу убивать меня! Только сразимся.

– Мне следует биться вполсилы?

– В полную. Просто не рубите насмерть, если у вас появится такая возможность.

Джемис ухмыльнулся при слове «если».

– Милорд, я не обучался щадить противника, потому не владею этим навыком. Безопасных атак и осторожных ударов нет в арсенале кайра. Когда вы получите рану, она может стать смертельной... – Джемис помедлил, – для нас обоих.

– Я не настолько уж плох! – настаивал Эрвин. – Каждое утро на протяжении трех месяцев обучался у вас...

– И кое-как доползли до уровня среднего грея. Весьма среднего.

Эрвин осведомился:

– Стало быть, вы мне отказываете?

– Да, милорд.

Своей исключительной привилегией Джемис воспользовался небрежно, словно и сам не заметил. Эрвин улыбнулся:

– А если я очень попрошу? И напомним об особых обстоятельствах?

– Каких, милорд?

– Извольте видеть, наш с вами нынешний бой – последний, – пояснил Эрвин. – Завтра вы отправитесь в Запределье.

– Милорд?..

– Помнится, я обещал уничтожить форт за Рекой. Теперь уж пора – и так промедлил на месяц. Адриановы слуги, поди, заждались нас.

Джемис отложил меч, сунул большие пальцы за пояс. Эрвин хорошо знал эту позу: кайр намеревался упрямо стоять на своем. Как в Кристальных Горах, при первом знакомстве.

– Милорд, в чем смысл сего действия? Адриановых слуг в форте нет. Мы прекрасно знаем: их перебросили в Альмеру, чтобы атаковать Эвергард.

– Если форт и окажется пуст, его все равно стоит навестить. Одно обстоятельство меня очень тревожит. Как Адриан разыскал ложе Дара? Запределье огромно. Не могли искровики случайно набрести на ложе. Происходит одно из двух. Либо люди Адриана методично и планомерно обшарили земли за Рекою – месяцами, годами. Либо...

Эрвин взвесил на языке фантастичную догадку.

– ...либо в распоряжении императора есть Предмет, ко-

торый на расстоянии чувствует другие Предметы.

Дал Джемису время осмыслить, продолжил:

– Если верно первое – планомерный поиск, – то я хочу, чтобы вы его прекратили. Выследите поисковиков Адриана и не дайте им добраться до других Даров. А если у Адриана имеется «Предмет-ищейка», и мы будем доподлинно об этом знать, то получим прекрасный шанс. Понимаете меня?

– Да, милорд. Сделаем приманку из достояния Ориджинов и поставим капкан.

– Как видите, – подвел итог Эрвин, – экспедиция за Реку принесет пользу, даже если форт пустует.

– Я не говорил, милорд, что экспедиция бесполезна. Я говорил: пошлите другого.

– Кого же еще? За Рекою были только мы с вами. А у меня, знаете, дела в столице. Я давеча надумал свергнуть императора... Возможно, вы слышали.

– У меня нет вассалов, только двое греев, – хмуро ответил кайр.

– Вы получите достаточно людей. Граф Флеминг доказал свою верность в долине Слепых Дев. Пошлю его с тремя сотнями воинов, отправитесь с ним как проводник и советник. Вы с графом хорошо знакомы: помнится, он вам сватал дочку.

– Это не повод отсылать меня в Запределье.

– Никак не пойму, кайр: что вас смущает? Бойтесь?

Джемиса передернуло, и Эрвин поспешил добавить:

– Никакого упрека. Я бы тоже боялся. Персты Вильгельма, как никак. Да только их там не будет. В столице Персты – меня дожидаются. А вы найдете пустой форт с какой-нибудь хилой стражей да горстью пленников, если милостью богов они все еще живы. Будьте спокойны, кайр.

– Я не боюсь, – процедил Джемис. – Дело в другом. Меня тоже тревожит одно обстоятельство.

– А именно?..

Кайр собрался с духом. Редко случалось такое, чтобы Джемис Лиллидей полез за словом в карман. Набычился упрямо, свел брови, выпалил:

– Неопытный молодой лорд во главе огромного войска, уверенный, что он умнее всех на свете. Вот что меня тревожит.

– Сомневаетесь?.. – усмехнулся Эрвин без тени обиды.

– Может, вы и правда всех умнее... Светлая Агата такую была, а вы ей как родной сын. Но не станете же отрицать: боевого опыта у вас меньше, чем у любого грея! Стратемы – одно, а битва – совсем другое.

– При мне будут советники.

– Ага, – Джемис хмуро хохотнул. – И когда вы слушали советов? Не припомню случая.

– Ах, так вы, значит, переживаете: желторотый герцог наделает глупостей, а мудрого кайра не будет рядом, чтобы удержать и надоумить?

Джемис промолчал.

– Идемте со мною! – приказал Эрвин. – Ну же. Покажу кое-что.

Фамильная библиотека Ориджинов включала сорок тысяч томов. Большая часть содержалась в городской ратуше и была доступна грамотным мещанам. В замке хранились наиболее ценные книги, а также наиболее востребованные Ориджинами, то есть – посвященные военному делу. Даже эта меньшая доля собрания занимала целый зал. Дубовые стеллажи громоздились от пола до потолка, корешки отливали золотом и серебром, бархатом и кожей, покрывали стены диковинным колдовским орнаментом. Пахло бумагой и древностью.

Эрвин пошел вдоль стеллажей, легко отыскивая нужные тома. Снимал с насиженных мест, бросал на стол. Книги встревожено шелестели страницами.

– Вы говорите, опыт? Что, как не книги, суть вместилище опыта! Вот, к примеру, «Осада и фортификация» лорда Раймонда Ориджина: иллюстрированный труд в четырех томах. А вот «Ошибки полководцев владыки Эвриана Второго с их печальными следствиями» – обстоятельный анализ, принадлежащий перу лорда Моррея Ориджина, известного также как Лорд-летописец. Или возьмем «Хроники Первой и Второй лошадиных войн» того же автора, или «Историю противостояния Востока и Запада»...

Фолианты громыхали о столешницу, Эрвин брал с полок

новые и новые.

– Милорд, я не сомневаюсь, что вы... – начал Джемис, но герцог не дал ему закончить.

– Вот «Баллада о семи кораблях и ее историческая сущность» – глубокий разбор рыцарских легенд с раскрытием их подлинного смысла. Арденн Мэйна Филис, герцог Ориджин, четырнадцатый век. А вот вам век пятнадцатый: «Мудрость Праматери Агаты, примененная к стратегиям наступления», лорд Георг Светлая Голова – Ориджин, естественно. Или...

– Милорд, я понял вашу мысль...

– Нет, тьма сожри, ничего вы не поняли! – Эрвин бросил новый том поверх растущей горки. – «Вооружение и тактика рыцарей нового времени», труд начала восемнадцатого века, принят в качестве учебного пособия во всех четырех университетах Империи. Вышел из-под пера моего деда. И еще вот эта книжица – знакома вам, кайр? Название лаконично, но метко, как и текст: «Вопросы полководца». Пятикратно переиздана в типографии Фаунтерры, служит практическим руководством для подготовки гвардейских офицеров. Автор – Десмонд Герда Ленор рода Светлой Агаты... известное имя, где-то мы с вами его слышали, правда?

Джемис уперся кулаками в стол. Воздвигся таким мрачным изваянием над горкой томов.

– Я знаю, милорд, что вы прочли все это. Но книги не научат вас сражаться. И управлять войском не научат. Весь книжный опыт в этом зале не стоит одного настоящего боя.

Эрвин покачал головой.

– Вы не уловили мысль, кайр Джемис. Бароны и графы Севера, славные кайры, доблестные воины... полагаете, мне следует слушать их советы? Перенимать боевой опыт, брать пример? Поймите, Джемис: вся Империя это делает! Адриан, его генералы и полковники, его псины и собачонки – все учились сражаться на опыте моих предков! Военная школа Севера давно исследована, описана, измерена, разложена на косточки. Если я поведу войну по примеру моего отца, по советам его баронов... Если мне достанет глупости вести ее именно так, то Адриан просчитает наперед каждое мое движение! Мой единственный шанс – не слушать советчиков, нарушать все писанные правила, совершать глупости. Строить свою собственную, никем ранее не придуманную стратегию. Только так я, возможно, обхитрю Адриана.

Джемис почесал бороду. Угрюмо потерябил «Вооружение и тактику...».

– Понимаю, милорд. Но тревога не слабеет. К услугам Адриана две дюжины советчиков, каждый – отнюдь не последний воин государства. Вы надеетесь обыграть их в одиночку? Как бы ни были вы умны, и как бы ни любила вас Агата...

– Я не говорил, что отказываюсь от советников. Только не обещаю всегда принимать их советы.

– Знаю, милорд, лишь одного человека, с кем вы беседуете часто и охотно: ваша сестра. Северная Принцесса – смышленная девочка, иные даже верят, что ей дано предвидеть буду-

щее... Но какому рыцарю придется по вкусу, если лорд станет звать девчонку на военный совет!

– Леди Иона София Джессика, – вкрадчиво произнес Эрвин.

– Прошу прощения, милорд.

– Что же до сути замечания, то успокою вас: леди Иона покинет меня одновременно с вами и прекратит быть предметом зависти. Завтра я отправлю ее в Уэймар.

Джемис помрачнел. Он и прежде являл воплощение грозной тучи в камне, казалось невозможным принять еще более хмурый вид. Но кайру удалось.

– Значит, милорд, диспозиция такая. Лорд Десмонд и леди София останутся в Первой Зиме, кастелян Артур с ними. Капитан Теобарт мертв. Я уеду в Запределье, леди Иона – в Уэймар. А кто пойдет с вами из людей, способных сказать вам правду?

– Да будет вам, кайр!.. Любой вассал может позволить себе искренность!

Джемис только хохотнул.

– Мои добрые кузены – Роберт и Деймон.

– Деймон слишком горяч и никогда не поднимался выше сотника. А Роберт излишне спокоен. И, уж простите, слишком долго пробыл казначеем.

– Ваш отец, прославленный Снежный Граф.

– Мой отец, милорд, воин старой выучки. Ни за что не станет перечить своему лорду. До последнего будет терпеть и

выполнять. Когда не вытерпит – возьмется за меч, но спорить не станет.

Эрвин усмехнулся.

– О, боги! Никто не будет учить меня жизни! Как же я справлюсь?..

Кайр грохнул кулаком по стопке книг.

– Тьма сожри, милорд! Это не шутки! Вы все время ходите по краю. За время, что я с вами, ваша жизнь четырежды висела на волоске. Да на таком волоске, что наполовину порван!

– Знаете, Джемис, поначалу меня это смущало... Потом как-то привык, вошел во вкус.

– Любите рисковать? Тьма, рискуйте в одиночку! За вами пойдут двадцать тысяч человек, вы не можете...

– Джемис... Джемис! – мягко прервал его Эрвин. – Вы уж простите, так вышло: я знаю, что могу, а чего – нет. Благодарю за честность, но поступлю так, как сочту правильным. Ступайте. До встречи в Фаунтерре.

Кайр хотел сказать, передумал. Кивнул, двинулся к выходу. Развернулся.

– Милорд, я подумал и решил удовлетворить вашу давешнюю просьбу.

С этими словами Джемис обнажил меч.

– Ого!..

Эрвин опешил. Лицо кайра было неприятно серьезным.

– Здесь, в библиотеке?..

– Вам претит биться среди книг? Это ж вроде ваша стихия.

В голосе Джемиса проступило скрипучее презрение. Давно Эрвин не слышал этих нот – со дня несостоявшейся дуэли на болоте.

– Или снова спрячете меч за спину?.. – бросил воин, криво ухмыляясь.

Наверное, он шутит. Он, черт возьми, должен шутить!

Эрвин вынул клинок из ножен. Лорд и кайр замерли друг против друга. Слева – стол с горой фолиантов, справа – стеллаж, причудливый узор корешков. Узкое пространство, загон.

– Атакуйте, милорд.

Плохая идея. Контратака – лучший из приемов Джемиса. Ударю первым – лягу.

А каковы мои лучшие приемы? Метнуть в лоб врага «Тактику и стратегию»? Спрятаться под стол и укусить за ногу?..

– Атакуйте! – рявкнул Джемис.

Эрвин начал выпад – лишь для того, чтобы спровоцировать кайра. И тут же изменил движение, шатнулся вбок, ушел из-под меча. Ударил сам – теперь взаправду.

Конечно, кайр успел отпрыгнуть. Язвительно бросил:

– Ай, хорош!

Хочет разозлить? Зачем? Он и так сильнее!

Эрвин покачал клинком:

– В чем дело, кайр? Ваш противник – средний грей, а вы

в защите...

Джемис ринулся в атаку. Эрвин ждал этого, и представлял, как именно ударит кайр, и просчитывал свой ответ... Но не ждал такой мощи! Встретив клинок кайра, меч едва не вылетел из руки. Боль прошибла запястье. Эрвин отскочил, кайр пошел на него, рубя крест накрест. Удары просты и мощны, как бычий рог. Никакой хитрости – тупая, свирепая сила. Эрвин парировал основанием клинка, с риском лишиться пальцев. При каждом ударе прогибался назад, пятился. Почувствовал спиною стену...

– Довольно, кайр! Мне расхотелось!..

– А мне – нет.

Джемис прижал его к стене и принялся методично рубить. Эрвин блокировал, кисть руки едва не отламывалась. Грудь противника долгие доли секунды оставалась открытой, но об атаке Эрвин даже не думал. Он был оглушен, задавлен, смят. Каким-то чудом все еще на ногах.

– Кайр, вы давали присягу!..

– Не помню.

– Вас повесят!

– Плевать.

Боковой удар сшиб Эрвина с позиции, вlepил плечом в стеллаж. Массивный том грохнулся на пол, взгляд кайра скользнул на звук. Эрвин присел и, схватив меч двумя руками, ударил прямо в живот.

Джемис шатнулся вправо, клинок лишь задел кожу. От-

ветный удар вышиб меч из рук Эрвина. И тут же острое вжалось во впадину под ключицей.

– Плохой из вас полководец. Лучше умрите один, чем вместе со всеми.

Кайр надавил.

Прежде, чем клинок вошел меж ребер, Эрвин выхватил кинжал и сбил меч в сторону. Прыгнул в ноги Джемису – ударить по коленям, свалить на пол... Сапог кайра встретил его и отбросил назад. Джемис встал над поверженным противником, занес меч – острием вниз, в переносицу лорда. На миг клинок замер в воздухе – Эрвин успел подумать: быть не может! На эшафоте, на поле боя, но не в библиотеке же! – и меч обрушился ему в лицо.

Близко. В пальце от уха.

Со звонким стуком сталь на дюйм вошла в половицу. Холод обжег кожу.

Кайр Джемис протянул Эрвину руку:

– Поднимайтесь, милорд. Нечего...

Герцог встал не сразу – сперва отдышался.

– Ну, кайр, вы... эээ... хорошо пошутили. Тонко.

– Надеюсь, милорд, вам этого хватит на какое-то время.

* * *

Войско требовало внимания и поглощало его с жадностью ребенка, что месяц пробыл в разлуке с мамочкой.

Выходка Джемиса могла бы доставить Эрвину немало удовольствия, имей он время, чтобы прочувствовать и насладиться. Целая минута почти честного поединка с одним из лучших кайров – это, знаете ли... Но времени не было. Едва Джемис убрал клинок в ножны, на пороге возник кто-то из адъютантов герцога: позвольте доложить, милорд, имеются вопросы, милорд. В распоряжении Эрвина было шесть адъютантов, хотя такая формулировка не слишком точно отражала суть. Адъютанты постоянно хотели от лорда чего-нибудь, и вернее было бы сказать, что это он находится в их распоряжении. Эрвин отправлял их с пригоршней приказов для вассальных лордов и командиров; они возвращались с доброй телегой вопросов, ходатайств, жалоб и прошений. Такой-то отряд не получил жалованье. Такой-то барон недоволен качеством провизии. Этому батальону не хватает дров, а тому – походной кузницы. Этот капитан не желает подчиняться тому полковнику, ибо капитан – глориевец, а полковник – всего лишь эмилия. Среди горной стражи распространилась хворь, срочно требуются снадобья и лазарет для полусотни душ. Наняты инженеры по осадной технике, но полковник желает прогнать этих бездарей и нанять других. Двое знатных кайров повздорили и не зарезали друг друга (из уважения к запрету на дуэли), но каждый просит герцога бросить второго в темницу. Такой-то барон желает узнать, не примет ли герцог баронского сына к себе в услужение на должность адъютанта...

На последнее Эрвин ответил без труда: ни в коем случае! Лишний адъютант – лишних полсотни вопросов в день! Вопросы и так сыпались таким плотным потоком, что не было возможности хоть как-то обдумывать ответы. Собственно, никто и не ожидал, что герцог Ориджин станет раздумывать. Он должен сразу знать любой ответ – на то и герцог. Порою Эрвину казалось, будто он для вассалов – нечто вроде справочной книги. Если кто-то озадачен, испытывает затруднение, ищет ответ, то раскрывает том на нужной странице и ждет прочесть слова, которые мигом все прояснят.

От части лавины Эрвин избавился, свалив ее на головы других. Обставил так, что «счастливчики» даже гордились особым положением и сияли от чувства собственной значимости. Роберт Ориджин – не просто казначей, а главный военно-финансовый управитель, серебряный лорд. Со всеми вопросами о деньгах – будьте добры, к Серебряному Лорду. Он – подлинный мастер своего дела, берет монеты буквально из воздуха!.. Полковник Блэкберри – не фуражир, а кормилец войска. Как, не хватает провизии?.. Как, недовольны качеством?.. Пока Блэкберри здоров, этого просто не может быть! Восемнадцать тысяч воинов?.. Какая безделица! Будь нас хоть сто тысяч, Кормилец без труда найдет всем пропитание! Граф Лиллидей – высший наставник. На его широких плечах лежит забота о том, чтобы войско каждодневно тренировалось, достигая непревзойденных вершин боеспособности. Деймон Ориджин – мастер поединков и командир

особого отряда. Всякий, кому нейдет (а таких, черт возьми, немало!), может показать свое умение мастеру Деймону и заслужить высокую честь быть воином авангарда.

Доверенные герцога оказывались завалены делами по самую макушку, не находили свободной минуты от рассвета до полуночи, однако – причудлива людская натура!.. – лучились самодовольством. В особенности, кузены.

Роберту Эрвин сказал:

– Пойдешь со мною в поход как военно-финансовый управитель. Хоть ты и нужен в Первой Зиме, но я никак не могу тебя оставить. Финансовая ситуация очень сложна, без твоей помощи война попросту не состоится! Мы проиграем еще до первого сражения.

– Ага, – сдержанно ответил Роберт, но улыбнулся так, что борода расплзлась в стороны.

А Деймону сказал следующее:

– Кузен, я знаю, ты давно мечтаешь командовать батальоном, и заслуживаешь этого, как никто. К сожалению, не могу тебя назначить: каждый батальон уже имеет командира, и снять его перед войною – все равно, что плюнуть в душу. Сам понимаешь. Однако я поставлю тебя выше их: не чином, но славою. Я разрешил поединки только тренировочными мечами и обещал награду каждому, кто принесет три трофейных деревяшки. Возьми к себе в подчинение этих головорезов и сделай из них особый отряд. При всякой битве вы будете там, где нужны лучшие. Самые ответственные маневры,

самые жаркие точки я поручу тебе и твоему отряду. И еще: я позволю вам носить особые знаки различия, чтобы враги узнавали вас среди любого войска. К концу войны вся Империя будет вас бояться!

Деймон обнял Эрвина так крепко, что у герцога хрустнули плечи, и выразил эмоции словами:

– Черт возьми, а!

Делом, которое Эрвин не отдавал никому, были люди. Войско должно знать лорда, а лорд – свое войско. Он наблюдал за построениями, говорил с командирами, принимал жалобы, даже выслушивал советы. Не всегда следовал им, но если следовал, то непременно упоминал: «Я решил поступить так, как советовал славный лорд по имени...».

Виделся с каждым офицером, кого назначали на должность. Помимо формальной присяги, тратил хоть немного времени, чтобы побеседовать, понять человека, узнать, как-то. Офицеры вели себя до странности похоже: сперва растерянно молчали, потом, сообразив, что герцог действительно их слушает, принимались говорить обо всем сразу – от своих прошлых подвигов до того, на что хотят потратить будущие трофейные деньги.

Примирял вассалов – порою, это было непросто. Двое баронов Предгорья так озлобились друг на друга, что выставили Эрвину ультиматум: «Либо мы сейчас же, с вашего позволения, сойдемся в поединке, либо не станем служить в од-

ном войске». Герцог мог судить их за измену, но поступил иначе. Сказал: «Тот из вас, кто сильнее ненавидит другого, пусть первым повернется и уйдет». Никто не захотел обратиться первым – с риском-то, что второй останется в войске и дойдет до Фаунтерры! Еще час беседы, бутылка орджа – и бароны пожали друг другу руки.

Приходилось и вершить суд. Чаще всего – за поединки железом. Нередко – за грабеж в окрестных деревнях и увечья, нанесенные черни. Случались и убийства, даже одно женоубийство. Дуэлянты попадали в каменные мешки, мародеры возмещали ущерб пятикратным золотом, убийцы попадали на плаху, женоубийца – на колесо. С системой наказаний было просто, сложнее – смотреть в лица преступникам, не отводя взгляда. Казалось, каждый из них более уверен в себе, чем сам Эрвин! Никто не чувствовал вины за собою, на лицах читалось: «Милорд, вы поведете нас на войну. Вашим именем мы будем убивать людей. Пускай чужих, но – рыцарей, дворян! Какое же преступление – покалечить мужика?! Чего стоит деревенский скот?..» По правде, Эрвин жалел крестьян. Почти ничего о них не знал, едва мог представить, как и чем живут, но хорошо видел, насколько они бедны, темны, беспомощны. От того сострадал до самой глубины души. Показать это чувство войску было нельзя: сочтут за признак слабоволия. Случай с Джемисом в Споте очень уж нагляден... Потому, свершая суд, говорил так: «В долине восемнадцать тысяч мечей. Если каждый меч позволит

себе тронуть крестьянина, то к зиме мы перемрем с голоду. Ущерб крестьянам – прямой урон войску!» Объявлял приговор, свирепея от усилий, каких стоило смотреть в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.